

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 3-4 2017

Литературно-художественный журнал

Николай Чернышевский

Александр Радищев

XXI ВЕК

ВОЛГА

3-4 2017

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Анатолий АВРУТИН. Серебряный ветер	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Виктор БИРЮЛИН. Славное бордо	11
ПОЭТОГРАД	
Светлана СЫРНЕВА. Посреди миров	21
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Анатолий КРИЩЕНКО. Исповедь матери	29
ПОЭТОГРАД	
Юрий МОГУТИН. Душа, взыскующая Бога	63
ОТРАЖЕНИЯ	
Я. УДИН. Омытые росой каштаны	72
ПОЭТОГРАД	
Вадим ГОРИНОВ. Неизбежность весны	92
Елена КОМАРОВА. Страдание превратилось в слово	96
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Гульсара ТУКТАРОВА. Неба синяя волна	100
КАМЕРА АБСУРДА	
Алексей ЗАРЕВИН. Два рассказа	104
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Андрей МИХАЙЛОВ. Саратов на рубеже пятидесятих-шестидесятих годов	109
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Александр ЛЕПЕЩЕНКО. Смешные люди (Продолжение)	121
СТАТЬИ	
Александр ДЕМЧЕНКО. Литературное прошлое Саратова (Часть I)	152
РЕЦЕНЗИИ	
Александр ЕВСЮКОВ. Риф июльским утром	174
Владимир АЛИФАНОВ. Энциклопедия искусства Саратовского края	177
Елизавета ДАНИЛОВА. «Художник должен впитывать только впечатления...»	179
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Василий КУРЫШОВ. Записки личного характера (Окончание)	181

**Анатолий
АВРУТИН**

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕТЕР

***

Позёмка кружит, одинокость струя,
Без сна и предела.
Ещё не стемнело, родная моя,
Ещё не стемнело.

И чудится: кто-то подёргал замок
И смолк за порошей.
Иль просто буран на мгновенье замолк
Под снежною ношей.

И тень мне на книгу ложится твоя.
Душа заалела...
Ещё не стемнело, родная моя,
Ещё не стемнело.

Холодной ладони коснётся рука,
И смолкнут созвучья.
Лишь ворон в окошке слетит свысока
На мёрзлые сучья.

-
- Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живёт в Минске. Окончил Белорусский государственный университет. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат многих международных литературных премий, в том числе им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. Н. Лескова, им. С. Полоцкого, им. В. Пикуля (все – Россия) и др. Член-корреспондент Российской академии поэзии, Петровской академии наук и искусств, академик Международной литературно-художественной академии Украины. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почётный член Союза русскоязычных писателей Болгарии. Награждён медалью Франциска Скорины и многими общественными наградами, в том числе орденами М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина (дважды), «Культурное наследие» (Венгрия), «За благородство помыслов и дел», Золотой Есенинской медалью и др.

У старых записок махрятся края –
Обычное дело.
Ещё не стемнело, родная моя,
Ещё не стемнело...

***

Я помню холодные женские руки,
Вечернее платье, разбитый бокал,
Коротенький миг – от любви до разлуки,
И слово, что зря на ветру расплескал.
Неверный, замедленный блеск снегопада,
Снежинку, рассёкшую стынувший взгляд,
И губ единенье... И это: «Не надо...»,
И робкий порыв убежать в снегопад.
Я силился что-то сказать... Не хватало
Ни слов, ни дыханья, ни слёз из-под век...
И длинное платье с крылечка сметало
За эти мгновенья нападавший снег...
А после, оставшись один с этой мукой,
Гадал, повторяя: «Душой не криви...»
Что ранит сильнее – любовь пред разлукой
Иль память, в разлуке, о прошлой любви?

***

Только дождь... Только ночь... Только ветер.
Только слабо чадит огонёк.
Только листья с нищающих вётел
Закружились... И путник продрог.

Натянул капюшон и не слышит,
Что кричит ему женщина вслед.
Только ветку рукою колышет,
Только щурится молча на свет.

На неверном свету догорая,
Утомясь от небесных щедрот,
Только капля сверкнёт золотая
И, поблекнув, по куртке сползёт.

Молча выпью остывшего чаю
И взгрустну, что сквозь влажную тьму
Никогда я уже не узнаю,
Что там вслед прокричали ему.

***

Золотистым нерезким просветом
Осень тихо на кроны сползла,
И такое явилось при этом,
Что в душе – ни печали, ни зла.

Осветила... Зажгла... Заалела...
Утолстила нагие стволы.
У хатёнки, что никла несмело,
Сразу сделались ставни белы.

И среди векового раздора,
Где овраг, запустенье и глушь,
Чей-то голос запел без укора,
Будто вспомнив июльскую сушь.

Ну а после, чуть солнце в печали
Утонуло средь пней и грибниц,
Долго птицы о чём-то кричали,
Хоть казалось, что нет уже птиц..

***

Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времён
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рождён родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

***

Октябрь... Во мгле оцетинились ели,
Потупила женщина раненый взгляд.
Намокли кусты... Журавли улетели.
А я всё хочу воротиться назад.

Туда, где туман над тропинкою ранней,
На луг васильками стекли небеса,
Где первые искорки робких желаний –
Зрачок о зрачок! – высекают глаза.

Где плющ закурчавился возле беседки,
Где гроздь рябины кровавят закат,
Где чахлое солнце повисло на ветке,
А я всё хочу воротиться назад.

Туда, где поспела уже ежевика,
Где осы роятся... Ужалят... Не трожь!
И где позади журавлиного крика
Несжатой полоскою стелется рожь.

Где сад сторожит дед с берданкою злющей,
Где все заголовки нахально кричат
О светлом пути, о счастливом грядущем...
А я всё хочу воротиться назад.

***

Такое время... Сентябрит...
Всё птичьи свадьбы.
Как свадьба в воздухе парит!
Не помешать бы!

Закрыли солнце... Полумгла...
Всё выше, круче.
Лишь брызжут с мокрого крыла
Искринки-тучи.

Парят крикливою семьёй
Почти по кругу.
Как бережёт он, Боже мой,
Свою подругу!

Глаза поднимешь – слепнет взгляд,
Ликует стая.
Им вслед берёзы шелестят,
Листву роняя.

Припомнишь: искорка прожгла
Листок намедни.
Как в миг последнего тепла,
Как в день последний...

***

Полночь... Пусто... Одиноко...
Бренности печать.
В полутьме читаю Блока...
А кого читать?

В сотый раз прочту, ликуя,
Вновь под горлом ком.
Вновь о Родине пишу я...
А писать о ком?

Об Отчизне-недотроге...
В зрелости крещён,
Снова думаю о Боге...
А о ком ещё?

***

Серебряный ветер врывается в дом из-под шторы,
Чумная газета от ветра пускается в пляс.
И чудится Гоголь.. И долгие страшные споры,
Что вёл с непослушным Андрием чубатый Тарас.

И что-то несётся сквозь ночь.. На тебя.. Издалёка..
И тайно вершится не божий, не праведный суд.
И чудятся скифы.. И чёрная музыка Блока..
Кончатся звуки.. А скифы идут и идут.

Полночи без сна.. И едва ли усну до зари я..
Приходят виденья, чтоб снова уйти в никуда.
И слышно, как бьётся пробитое сердце Андрия,
И слышно, как скачет по отчим просторам Орда.

На мокнущих стёклах полуночных фар перебранка,
И тени мелькают – от форточки наискосок.
А где-то, как некогда, тихо играет тальянка,
И в душу врывается старый забытый вальсок..

Полоска рассвета как след от верёвки на вые..
Задёрнется штора.. Отныне со мной навсегда
Года роковые, года вы мои ножевые,
Почти не живые мои ножевые года.

Всё смолкнет внезапно..
Поверишь, что лопнули струны.
Спохватишься: где он – главу не склонивший реду?
Иное столетье.. И это не скифы, а гунны,
Зловещие гунны в тяжёлых доспехах идут..

***

Лицом к врагу, спиной ли к другу –
И оглянуться не с руки.
Мы всё по кругу, всё по кругу,
Хотя казалось – напрямки..
И осознается едва ли
Среди забот, среди разлук,
Что круг тревоги и печали –
Внезапно кончившийся круг..

***

А я любил советскую страну...

Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране исчезнувшей!.. Однако
Ее люблю, не глядя на ГУЛАГ
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчётливей видна,
Там дух иной и истинность – иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролёт,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про валенки поёт
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград ещё не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное слово,
И в ноябре, как водится, парад –
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
«Столица нашей Родины – Москва...»
А нынче не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас – салют...
Во славу той страны, которой нету.

***

Звук обронил и не поднял
Дальний, невидный певец.
Кто это вышел в исподнем?..
Мне показалось – отец...

Пальцем в забытое тычет,
Палец и худ, и остёр.
Полночь... Кого он там кличет?
Мне показалось – сестёр...

Скрылся... И с мёртвыми косит.
Больше не явит мне плоть.
Кто это хлебушка просит?
Мне показалось – Господь...

***

Нынче небо журавлит и плачет,
А завтра снова журавлит.
В сентябре мне слышится иначе
Папин голос из-под серых плит.

Он звучит немного глуховато:
«Что, сыночек? Истины не те?..»
И печаль подсвечником прижата
К надмогильной папиной плите...

Глеет мусор в выкопанной яме...
И в промозглый, меркнувший зенит
Всё летит душа за журавлями,
В белом оперении летит...

ОСЕННИЕ ПЛАЧИ

Истоптали, вскопытили путь бытия –
Ни следа там оставить, ни вехи.
Всё в тумане... Туманна Отчизна моя
Сквозь туманом омытые веки.

Но подвздошьем, подбрюшием помнится шлях,
Лай собачий, пинки да кандалы,
Одинокый стожок в потемневших полях
Да молчальницы взор одичалый.

Там неровная стёжка уводит левей,
Чем «прогресса» дорожка кривая.
Там «Калинку-малинку» поёт соловей,
Певчих ласково перепевая.

Ну а если в отлёт соберутся грачи,
В свой отлёт, ножевой и незрячий,
Понесутся вослед им в тревожной ночи
Вековые осенние плачи.

Пролетят по-над стрехами наискосок,
Над простором, лелеющим жалость,
Там, где сыплются шишки на мокрый песок,
Где Отчизна промокла и сжалась.

И пока ты следишь этот стылый полёт,
Сжав под мышкою зонтик дырявый,
Ветер кепку внезапным порывом сорвёт
И забросит в листву у канавы.

***

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шёл, напевая... Он был озорным и счастливым...
– Как же звать тебя, *милая?*..
И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь – несжатой полоской.
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
– И куда ты, Иване?
– Туда, где, красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

– Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что, с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана –
Подрастёт и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
– Ты откуда, Иван?
– Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несу...

**Виктор
БИРЮЛИН**

СЛАВНОЕ БОРДО

Эссе, рассказы

ПУСТЬ ЗВУЧИТ ДУДУК

Когда хочется немного отдохнуть душой, включаю нежную мелодию дудука. И с первых звуков доверчиво погружаюсь в её грустный переливчатый поток. Отчего же так завораживают сердце живительные звуки старинной армянской трубки, которую и в руках-то не довелось держать?

Под мягкое звучание дудука вспоминаю о коротких встречах, случайных разговорах с армянами. В жизни таких встреч и разговоров было немало.

Ещё в солдатские годы узнал от сослуживцев-армян, что на их родине в народные праздники всей семьёй идут вначале на могилы русских воинов, спасших армян от турецкой резни в начале 20 века, и только потом – к другим святыням.

А со студенческой газетной практики в далёкой степной Питерке запомнил добродушные сетования армянских строителей на то, что они всю жизнь работают на свадьбу и похороны: свадьба должна быть царской, а на могиле должен быть выстроен хотя бы скромный мавзолей.

Недалеко от моего дома среди разноцветных торговых ларьков стоит и будка сапожника. За открытым окошком – знакомое лицо ещё молодого, лет за тридцать, но уже грузноватого армянина, с утра до вечера колдующего над обувными колодками. Раз-другой в год сдаю ему в починку обувь. Работает он неторопливо. Но уж сделает на совесть! Однажды разговорился с ним об армянском хачкаре – вер-

-
- Виктор Владимирович Бирюлин родился в 1951 году. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор сборников литературно-критических статей, книг публицистики и эссе. Печатался в различных российских и зарубежных журналах, альманахах. Живёт в Саратове.

тикальном камне с высеченным на нём узорчатым изображением креста. Такой крест-камень красуется в одном из сквериков недалеко от саратовской набережной. После этого здороваемся, встречаюсь и на улице.

На моей кухонной полке стоят два небольших кубка, искусно выточенных армянским мастером из оникса. Иногда наливаю в них коньяк, по возможности армянский, лучше которого для меня по-прежнему разве что французский.

И всё-таки не нахожу ответа, отчего так спокойно моей душе при негромких звуках этого незатейливого музыкального инструмента. Да и нужен ли ответ?

Пусть задерживает взгляды прохожих красавец-хачкар, приветливо открывается с утра окошко в мастерской знакомого сапожника-армянина. И пусть звучит печальный дудук, когда просит душа.

КОЧЕВНИКИ ПОНЕВОЛЕ

В недостроенной и заброшенной даче недалеко от автобусной остановки поселилась семья таджиков: парень, подросток, девушка в шароварах. Это кого я увидел. Вежливо поздоровались со мной. Парень с подростком выгоняли через дорогу в поле стадо коз на выпас. И немалое стадо – в несколько десятков голов. В дачном дворе уже и загон соорудили из палок и досок.

Представил себя в их положении: среди чужих людей, в постоянной заботе о пропитании и пристанище. Вряд ли был бы счастлив. А они спокойны, доброжелательны. Девушка, закрыв ворота, безмятежной походкой возвращалась в дачу. Может, лепёшки испечёт к завтраку? Парень с подростком направили стадо в ложбинку со свежей травой. Их неторопливые движения, искринки в глазах говорили о том, что они довольны своим положением. Наконец они устроились как дома. Пусть и ненадолго. Сегодня – их день. Даст бог, и завтра день будет их.

Вскоре таджики со своими козами и в самом деле уехали. И загон разобрали, увезли. Заброшенная дача по-прежнему зияет прорехами на втором этаже. Двор опять пуст и никому не нужен.

ЛЕПЁШКА ПО ДРЕВНЕМУ РЕЦЕПТУ

Где-то вычитал, что в древние времена пастухи ставили плоский камень на два других, служивших ему опорами, и под ним разводили костёр. Когда плоский камень становился тёплым, его смазывали маслом, а когда раскалялся, на нём пекли лепёшки. Пастухи бережно складывали их в свои видавшие виды сумы и отправлялись со стадом в дальнюю дорогу.

Казалось бы, ничего особенного в пресных лепёшках. Только завораживает уже замешивание теста. Неведомый тебе хлебопёк тысячи лет назад, как и ты, расчётливо насыпал в подходящую посудину или прямо на стол, на любую ровную чистую поверхность меру муки,

бросал щепотку соли, наливал из кувшина тёплой воды и заботливо мешал руками эту чудесную смесь.

Невольно вспоминаешь, как ловко вымешивает тесто мама, затевая свои тающие во рту пироги, и напрасно стараешься повторить её движения, у тебя всё равно выходит угловато, по-мужски. Но вот тесто готово. Какое-то время оно ещё держит тепло твоих рук. Сбиваешь его в колоб и накрываешь полотенцем, чтобы оно успокоилось, отдохнуло перед превращением в хлеб наш насущный. Радующее глаза готовое тесто, жар согревающего и озаряющего огня во все времена поддерживали чувство уверенности в сегодняшнем, значит, и в завтрашнем дне.

Пусть твои тонко раскатанные лепёшки, похожие на армянские лавашы, пекутся не на раскалённом камне, а на сковороде, на газовом аккуратном пламени. Всё равно каждая испечённая лепёшка с простым, казалось бы, вкусом, солнечным образом своим в один миг соединяет тебя со всем человеческим родом.

До первых пресных лепёшек судьба людей была ещё, может быть, под вопросом. С колесом лепёшки она устойчиво покатилась в будущее, добравшись и до наших, далеко ещё не последних дней.

НОВОЕ ВИНО НА ЗЕЛЁНОМ

Мы опять с другом на Зелёном острове. Вокруг песок и царственные дубы в окружении мелких зелёных зарослей.

Находим виноградник приятелей и пробираемся густыми рядами кустов с резными листьями к тихому волжскому заливу. Выходим к деревянному причалу. К нему привязана лодка, приготовленная к рыбалке. Забытый уголок.

И вот уже сидим на берегу возле бани за крепким столом на удобных широких лавках и пробуем новое вино.

Разговор наш незатейлив – о том, что видим и слышим.

В камышах показалась пара диких чёрных уток с белыми клювами и белыми пятнами на лбу.

– Это лысухи... – говорит мой друг, знаток лесов, водоёмов и их обитателей.

– Если у лозы загнутый край, значит, она растёт, тянет урожай, – замечает хозяин виноградника, сам похожий своим сухим гибким телом на матёрую лозу, такую же сухую, витую из древесных мускулов, крепкую.

– Виноград так влечёт к себе, что про усталость забываешь, – добавляет улыбчивая хозяйка, расставляя на столе закуску под вино – хлеб, сыр и зелень.

Что-то неуловимое зашумело над нашими головами. Мы посмотрели вверх и увидели над собой бескрайний и бездонный небесный океан, свободный, как и наши сердца в этот миг.

– За впечатления! За лучшие впечатления! – прозвучал и мой тост.

Сухое вино гранатового цвета оказалось терпким на вкус, с ароматом чернослива и немного вишни и чёрной смородины.

*Бокал домашнего вина!
Как согревает душу он.
И думается легче.*

Решили, что доброе вино стоит хорошей книги, ласкающей слух мелодии или яркого живописного полотна.

– Утром возле ёмкости с водой нашли спящего ежа, – продолжают хозяева. – Свернулся клубком и спит себе, ни о чём не беспокоясь, только брюшко тихо вздымается.

По веткам порхает молчаливая сорока. Из-за забора показался молодой чёрный кот, тихо мяукнул, поглядев в нашу сторону.

Вчерашний дождь увлажнил землю. Солнце нежаркое, июньское. Каждая травинка радуется жизни.

Мягкий хмель тем временем потихоньку кружит голову.

Над нашим дружеским столом витает лёгкий дух беззаботности.

ПОСЛЕДНИЕ ВОЛХВЫ

Опять поспорили с Яшшой из-за рукописи в литературный альманах. Хотя, казалось бы, чего спорить? До него и дела-то никому нет, за исключением нескольких таких же, как и мы, чудаков.

Но, с другой стороны, чудаки на многое способны. Тот же Яшша, обрусевший осколочек удинов, исчезающих с лица Земли, мог и не состояться как писатель. Но он наперекор всему состоялся. И теперь память о горестях и радостях кавказского народа, принявшего христианство ещё в четвёртом веке, будет жить и в его книгах.

Зародилось в душах нескольких пишущих чудаков желание собрать под одну обложку авторов, уважающих каждое своё слово и подмечающих вокруг себя, в первую очередь, блеск солнца, дыхание растений, голоса птиц и человеческую любовь. И вот мы с Яшшой колдуем над очередным номером альманаха, чтобы не задуло ветром равнодушия его чистый огонёк, раздвинуло тьму хотя бы вокруг нас.

Тираж альманаха невелик. Немногочисленны и его читатели.

Мы как последние волхвы, покинутые паствой ради других богов. Но мы ещё живы и по-прежнему одухотворённо смотрим на окружающий нас мир. И всё так же хотим передавать людям свои тайные знания. Мы почему-то уверены, что они им пригодятся.

Когда-то считалось, что книги в старости остаются единственными друзьями, когда уходят живые. Люди искали покоя и находили его, опять же, с книгой.

Вернутся ли эти времена и что будет дальше?

ТЯГА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Отправляясь с сыном на рыбалку, за грибами или на Буданову гору полюбоваться сбегаящими к Волге зелёными долинами, осматриваем по пути сёла, усадьбы, отдельные дома, живописные лужайки,

берега небольших рек и прудов. Мы ищем место для своего земного рая, присматриваясь к чужим.

Проезжая за селом Багаевка мимо будущего яблоневого сада в несколько гектаров, мы остановились, вышли, осмотрелись. Из борозд с аккуратно уложенными трубами капельного полива бодро выглядывали саженцы разных сортов и возрастов. Недалеко отблещивал пруд, из которого подаётся вода. Рядом с ним – небольшая сторожка. Жаль, не оказалось хозяина. Поговорили бы о багаевских садах, переживающих не лучшие времена, но вот же, на глазах, возрождающихся.

Рыбача, мы покачивались в надувной лодке на спокойных волжских волнах. Послышались громкие мужские голоса. Недалеко от берега худощавый парень затаскивал сеть на «казанку». Сверху, с обрыва, прямо от дома пожилой мужчина что-то ему подсказывал. Парень выплыл потихоньку из камышовой просеки, включил «Ямаху» и понёсся по прямой к островам. Через полчаса, поставив сети, вернулся. Вёл катер твёрдой рукой, спокойно глядел вперёд, свободный как ветер, в два счёта нагнавший уже нешуточные волны.

Оказавшись на пасеке, затерянной в полях и лесах, зачарованно слушали рассказ пасечника о его солнечном медовом мире, с которым он давно уже сросся, став его нерасторжимой частью.

Жарким летом наслаждались виноградной прохладой на большом волжском острове. Густые шпалеры уходили во все стороны и вверх, устремляясь к небу. Хозяин сказал, что засаживает ещё участок на тридцать соток. Для этого пришлось перевезти на песчаный остров и перетаскать на место сотню мешков с плодородной землёй. Но, видно, ему и всего острова мало. Глаза виноградаря светились мечтой о виноградном рае на всей Великой Русской равнине.

Нет, мы не прикованы к своим городам и квартирам.

Близкие не слишком поощряют наши поиски, мол, есть же дача.

Русские дачи... Даже цветущую и плодоносящую часть года они остаются безлюдными, лишь в выходные и праздники вскипают голосами и суетой. Вокруг сплошные садовые заросли. Нет разбега для взгляда. А долгими зимами здесь царит безмолвие.

В нашем земном раю должны бежать река, шуметь лес и дух должно захватывать от далёкого чистого горизонта. И без добрых соседей, конечно, не обойтись. В таком месте стоит построить дом своей мечты, разбить большой сад и зажить наконец, наслаждаясь дарованной жизнью в полную силу, без лишних помех, в общении с дорогими тебе людьми.

И мы опять колесим с сыном по окрестностям. Над склоном холма недалеко от дороги кружит коршун, по обочине вышагивают галки, проплывают мимо сжатые поля и сельский пруд с кричащими утками. Начинается ещё по-летнему крупный дождь. Но август клонится к осени.

Ведёт нас вперёд нескончаемая душевная тяга. Есть в ней что-то от кочевой страсти к перемене мест, но тяга эта гораздо глубже. Её суть не в желании поменять одно место на другое, лучшее, а в стремлении найти своё.

МЕДЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

Проезжая с сыном в поисках грибных мест поймой реки Медведицы, недалеко от Лысых Гор мы наткнулись на строящийся социально-экологический центр. Несколько лошадей в загоне, небольшие парники тут и там, первые жилые постройки и большая, очевидно, общественная, решётчатая беседка на выезде. Здесь собираются жить горожане, желающие слиться с природой.

В Пермской области деревенский блогер Сергей из Оверят упорным трудом и смекалкой возводит дом-мечту, с любовью разворачивает большое хозяйство. В прошлом у него бесцельная суетливая жизнь, отупляющая офисная работа.

А в чилийской глуши американский миллионер обустроивает местность для тех, кто предпочитает не гоняться за длинным рублём, а спокойно трудиться, размышлять и наслаждаться течением неповторимого случайного бытия.

Человек меняется медленно, и бог его знает, как это происходит.

Выехав из Саратова, в пригородном посёлке увидел мальчика, играющего на лужайке перед домом. Он бросал мяч, за ним с радостным лаем гонялся резвый упитанный пёс, пытаюсь схватить его пастью, тот выскальзывал, мальчик смеялся, бил по мячу своей быстрой ножкой. Они бегали по зелёной траве, забыв обо всём на свете, а с веранды, глядя на них, улыбалась мама малыша. Вот оно, подумалось, счастье.

Перед спуском к дачам осмотрелся. На освободившихся от снега склонах Хмелёвских обрывов уже начали сходить куски древней породы. Что там, под ними, да и в них самих? Надо бы покопаться, может, удастся наконец найти зуб акулы, жившей здесь миллионы лет назад.

Садовый лес завлекает, расслабляет. Птички попискивают в гнёздах, скучновато, видно, высиживать птенцов. Яблони в цвету. Винограды пушатся – больше там, где солнечнее, теплее.

Мангал заправлен. Старинный абхазский кувшин для вина уже украсил стол в беседке. Жду жену, детей и внуков.

СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО

С недавних пор в зале висит в стеклянной рамке на почётном месте семейное древо. Выглядит как живое, растущее на лужайке. Рядом с ним нарисована скамейка. По задумке, очевидно, на неё можно «присесть» и посмотреть на фотографии родственников, которыми увешаны густые ветви. Поразмышлять. Но проходит день, другой, много времени проходит, а всё что-то мешает остановиться, зацепиться взглядом за древо.

В моём роду не было героев. Был дядя Михаил, старший брат отца, вымахавший под два метра. Когда уходил из родной деревни на службу в армию, мать сокрушалась, что ему не подберут сапоги 45-го размера. Сапоги ему, связисту, подобрали. Осенью 1941 года под Ржевом отправился он устранять обрыв провода и не вернулся.

Мой отец, попавший в последний военный призыв, напротив, не дотягивал до необходимых норм ни по росту, ни по весу. Сказались голодные военные годы. На сетования матери военком ответил, что, мол, пока эшелон доберётся до места назначения, твой сын подрастёт. Так оно, собственно, и вышло. Отца направили в кавалерийскую школу. На казённых харчах он добрал и в росте, и в весе, и 16 лет защищал Государственную границу. Уволился в запас в должности начальника пограничной заставы.

Давно замечено, что в жизни хватает и радости, и печали. Например, дед жены, Тимофей Онисимович Макушов, окончил сельскую церковно-приходскую школу с мечтой о профессии учителя. Но пришлось, как и его отцу, сапожничать. Шил обувь приказчикам, купцам, которые говорили, что, мол, с твоей головой, Тимофей, тебе бы не за колодками сидеть. Зимой сапожничал, а летом брал в аренду землю, нанимал работниц, сажал огурцы, возами возил продавать. Накопил денег, которые после революции обесценились и ещё долго лежали на чердаке бесполезными бумажными пачками. Однажды в мае он шёл с огородов домой и попал под дождь. Подхватил воспаление лёгких. Проболе два года и умер, оставив жену с пятью дочерьми и сыном.

Досталось старшему поколению: и воевали, и работали, не жалея ни сил, ни здоровья. Старались выучить детей и отправить их в города, чтобы легче им жилось.

Нашим детям уезжать из деревни в города уже не надо – они в них выросли. Если только в заграничные. Да что-то их не тянет. Мечтают вернуться на землю, жить своим домом, хозяйством, подальше от городской суеты. Такое вот вращение человеческих стремлений и надежд.

Выходит, зацепился всё же взглядом за семейное древо, пустился в размышления. Подошёл к отсвечивающей на свету рамке. С зелёных ветвей на меня смотрят десятки глаз. Вон и мои. Они улыбаются. И я невольно улыбнулся в ответ.

«ДЕД, СМОТРИ!..»

Выспавшийся Никитка сидит в ожидании завтрака в беседке, корябает сандалией мою ногу под столом и говорит, что «это чужая соседка».

Возле абрикоса спит в траве ёжик. Притомился на ночной охоте и уснул – зачем топать далеко? Трясогузка качается на ветке джонатана и одним глазком посматривает на гнездо под застрехой бани, а другим – на нас с Никиткой, устроившихся рядом на качалке.

«Дед, смотри!..» – Никитка восторженно показывает на дым из банной трубы, постепенно заволакивающий задний двор. В другой раз он зовёт меня посмотреть на высоко летящий самолёт, на закачавшиеся под налетевшим ветром ветки дубов, на переползающего садовую дорожку чёрного жука...

Никитке только что исполнилось три года. Он в маму: ладный, стройный, с волосами рыжевато-пепельного отлива и карими глазами, полными озорного любопытства.

Бегает по просторному саду, заговаривает с соседями, его голосок повсюду разносится колокольчиком. Вот он подошёл к черешне возле винодельни, обхватил ствол ручонками и попытался потрясти. А вот играет солнечным днём на лужайке за баней в мяч и просится к маме. Хотя ему в саду хорошо, вольно, хватает новых впечатлений.

Весь вечер косил траву. Умаялся. И Никитка устал, поливая из ведёрка площадку перед дачей. Лёт животом на лавку в беседке и затах. Вместе отдыхаем после рабочего дня в ожидании чая с мятой.

Гуляли уже в сумерках по нижним дачам. В тополиных зарослях раздалось чёткое звонкое щёлканье соловья. Никитка замер, обратившись к незнакомым ему волшебным звукам, потом, испугавшись непонятного света за забором (оказывается, шли девчата с фонариком), закрыл глаза ладонью.

И самый долгий день спрятался в самую короткую ночь.

Когда трёхлетний внук ходит за тобой хвостом («Дед, я тебя не вижу – ты так хорошо прячешься!»), стремится во всё помочь (лестницу приставил к яблоне – он тут как тут: «Я её держать буду!»), зовёт тебя «дружочек мой» – разве ему в ласке откажешь? Вот его нет рядом, а постоянно вспоминаешь о нём, думаешь, чем он занят, чувствуешь невольную вину за то, что сам ты ещё в чудесном свежем саду, а он уже в большом пыльном городе.

Выключил в предбаннике свет, открыл дверь в темноту, чтобы освежиться, и увидел в дверном проёме звёздный ковш во всей его завораживающей яркости. Укрыл бёдра полотенцем, вышел в прохладный тёмный сад – только кое-где сквозь листву пробиваются пятна света. Вокруг сплошное умиротворяющее сверчение.

СЁМКИНА ДУША

С утра я опять в своей зелёной лагуне. Заглянул в беседку, погладил восседающего на отдельном столике глиняного кота Сёмку, посмотревшего на меня, как обычно, с любопытством и доверчиво.

Мне его подарила бывшая сотрудница, провожая на пенсию.

Первую зиму он провёл в городской квартире, где внуки садились на него верхом, как на лошадку. Кот не возражал, одобряя детские представления об окружающем мире.

Каждый из нас делает то, что может. Нет в этом ни похвалы, ни укора.

Когда его ласкают, Сёмка едва не мурлыкает от удовольствия, взгляд его веселеет, согревая и собравшуюся в беседке компанию. В саду ему хорошо, хотя, наверное, одиноко в безлюдные долгие дни и месяцы ненастья.

Большие красивые коты, даже глиняные, вызывают уважение. Но порой прямой Сёмкин взгляд смущает, тревожит. Он словно просит о чём-то. Может, в нём временами просыпается душа персидско-

го кота, в память о котором он и был поначалу куплен, а потом – подарком – достался мне?

Глядя в его открытые, честные глаза, бывает, задумаешься, что, в самом деле, и слава, и беславие – в сущности, одно и то же.

Август клонится к осени. Дни тёплые, а ночи уже прохладные. В ещё летнем саду много солнца и тишины. Её не нарушают ни прощальный птичий щебет в соседних дубах, ни бодрый крик далёкого петуха.

Глиняному коту это всё равно.

Бедный мой Сёмка!

ХОРОШО БЫ УМЕРЕТЬ ХОРОШО

Чехов считал, что жить вечно было бы так же трудно, как всю жизнь не спать. Умер он в гостиничном номере, вдали от родины и преданных ему друзей. Сказал по-немецки: «Я умираю», отвернулся к стенке и затих. Сказал по-немецки, потому что умирал в Германии, куда его, спасая, привезла жена. Значит, у его смертного ложа стояли она, чужой ему, по сути, человек, и чужой немецкий доктор.

Какая, казалось бы, разница, где и как умирать?

Почему же так трогают – стоит только дать волю воображению – собственные похороны, поминки с прощальными прочувствованными речами? Оплакивание твоей преждевременной смерти близкими людьми размягчает душу, вызывая настоящие ответные слёзы. Может, потому, что ты ещё жив, а это всего лишь игра воображения – безопасная и утешающая?

А хорошо бы умереть хорошо.

В преклонном возрасте, в окружении семьи, в своём доме и без боли, по крайней мере, излишней. И чтобы в здравом уме и без страха. Собственно, вот как Чехов.

И никакого рая не надо. Нажился, хватит.

СЛАВНОЕ БОРДО

Жизнь – материя вязкая, далеко не всегда удаётся отвлечься от ежедневных хлопот, чтобы оглядеться, задуматься не только о хлебе насущном. И уж тем более написать книгу о своём жизненном пути с трудами, заботами и любовью, осветившей и укрепившей его.

И вот такая книга у меня в руках. Я в гостях у её автора, много послужившего, видевшего и испытывавшего. Ему за 80, он статен, черты его лица правильны, благородны, годы только смягчили их.

Мы сидим за столом, накрытым белой скатертью. Белым чехлом накрыто и моё кресло «для почётных гостей». Хозяин угощает меня тушёной сёмгой и бордо.

А на Волге уже начал таять лёд.

И бордо – славное!

Хозяин ходит по своей большой, опустевшей после смерти жены квартире, рассказывает, спрашивает, подсаживается к столу и всё читает, читает из своей книги то, на что ему очень хочется обратить моё внимание. Читает чистым, хорошо поставленным голосом, а по его щеке то и дело скатывается одинокая слеза. Он извиняется, смахивает её и опять читает, и новая слеза наворачивается.

Что поделаешь?

Душа не может всё время взмывать вверх. Ей тоже нужны передышки. И она снижается, вводя человека в уныние. Но потом, отдохнувши, опять дарит ему надежду, вновь тянет его вверх, к свету.

Говорят, что человеку нужно многое, весь мир. Но достаточно и малого. Скромного сада на высоком волжском берегу и островка напротив, над которым развеян дорогой прах, как было завещано. Ведь в этом тихом, родном уголке необъятной Земли прошли лучшие дни твоей и её жизни.

А бордо и в самом деле славное!

Наш разговор прерывает звонок сына с Ямала.

Хозяин показывает фотографию дочери сына – красивой молодой женщины с улыбающимся младенцем на руках. Фотографиями улыбающихся детей, внуков и правнуков заставлены все полки.

Считается, что русские любят вспоминать, но не любят жить. А рядом со мной читает вслух свою книгу русский человек, который и жить любил и любит, и вспоминает об ушедших годах с любовью, хотя всякого хватало.

Славное, славное бордо!

**Светлана
СЫРНЕВА**

ПОСРЕДИ МИРОВ

ТАРУСА

Зелёной воронкой из недр выходя,
слиянием листьев и света,
сплошной каруселью садов и дождя
вращались Таруса и лето.

В малинниках душистых, в крапиве густой,
в жасминном кусте и в беседке
бродил и варился тягучий настой,
сцепляющий кровли и ветки.

И в полдень тянуло на плиты с Оки
распаренным зноем купален,
и плавилась липы, жужжали жуки,
и травы к ногам прилипали.

И я бы могла, как жучок в янтаре,
неслышно приклеиться где-то,
зелёным кустом прирасти на горе,
где маленький домик поэта.

Здесь сердце забыло бы все миражи,
к которым стремилось когда-то.
Здесь вечером вырвутся в небо стрижи
в пылающий купол заката.

-
- Светлана Анатольевна Сырнева родилась в 1957 году в деревне Русско-Тимкино Уржумского района Кировской области. После окончания Кировского государственного педагогического института работала учительницей русского языка и литературы, корреспондентом, а затем редактором уржумской районной газеты, корреспондентом кировских областных газет. Автор книг «Ночной грузовик» (1989), «Сто стихотворений» (1994), «Страна равнин» (1998), «Сорок стихотворений» (2004), «Новые стихи» (2006), «Избранные стихи» (2008), романа в стихах «Глаголев» (1997). Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция», Малой литературной премии России, Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» и других. Живёт в Кирове.

И будут стремительно падать с высот
в овраги, в росу на поляне...
И снова земля их на небо взметнёт.
И снова обратно притянет.

МАРСЕЛЬЕЗА

Былые вехи сердце вспомнит,
заглянет в прошлые века.
И «Марсельезу» хор исполнит
на сцене сельского ДК.

Десяток хрупких изваяний
поют, сомкнувшись в полукруг.
Самозабвенно на баяне
ведёт мелодию худрук.

Он рад приветливой погоде
и скажет, робкая душа:
«Я знаю, что слова не в моде,
но больно песня хороша!

Что ни пошлют – всё принимает
неприхотливый наш народ.
Лишь одного не понимает:
назад идём или вперёд?

Что ж раньше! Раньше, безусловно,
порядка больше было тут.
А этот хор у нас церковный,
они и в храме все поют».

И вот церковная ограда,
сплетенье чистых голосов.
Душа не помнит – и не надо –
противоречья разных слов.

И в купол улетает пеньё,
и те, что пели о борьбе,
поют всё так же о терпенье
и о покорности судьбе.

И звук, рождённый в этом хоре,
лучом вернётся по стене
к иконе, где святой Егорий
всё скачет, скачет на коне...

***

Позабыть бы всё прошлое сразу,
потому что погубит оно:
словно гиря, не видная глазу,
изматает, утянет на дно.

С каждым годом они тяжелее –
жернова, омота, камыши...
Не о юности я сожалею,
а о лёгкости юной души.

Нет, я жить не хотела бы снова,
я хотела бы лишь одного:
чтоб отпала от сердца больного
неизбывная мука его.

Ведь за муку бывает награда
на последней, предельной черте.
Если так – мне и счастья не надо:
я хотела бы жить в пустоте.

На бескрайней морозной равнине
под немеркнущим инеем звёзд
всё молчит, цепенеет и стынет,
и ямщик у кибитки прирос.

В ледяной он, в хрустальной оправе,
он в студёное марево вжит.
Он не свищет, не хлещет, не правит –
но сама его тройка бежит.

***

Только стрелок полуночный бег,
тиканье часов, тягучий мрак.
Где-то ухнет отсыревший снег,
зашумит проснувшийся овраг.

Всё растёт неудержимый вал
глухо накопившейся воды,
и священный трепет обуял
тёмные, намокшие сады.

Так из неподвижной тишины,
изо льда, что намертво залёг,
родилось движение весны –
грозный, сокрушительный поток.

Гулких вод бегущая толпа,
ярость, помраченье, забытьё...
В час, когда вселенная слепа,
слепо и веление её.

Ты вслепую начинаешь путь,
а когда поднимется заря,
ты назад не сможешь повернуть
перед тем, как вылиться в моря.

НОЧЬ В ДОРОГЕ

Невесёлые люди вокзала,
пассажиры больших поездов!
Вас случайно судьба увязала,
предоставила временный кров.

Вас судьба собрала, как пожитки,
как разрозненный мелкий багаж,
и в бессмертном пергаментном свитке
не оставила перечень ваш.

Зябко, холодно вам, полусонным,
бесприютным игрушкам судьбы.
Рассуёт она вас по вагонам,
путевые поставит столбы.

Сном забыться скорее недужным
и качаться под грохот колёс,
чтоб не видеть, как маревом व्यюжным
неизвестность летит под откос.

Сыпь, холодная полночь, огнями,
загибайся в крутой поворот!
Только вечность свистит над тенями
одиоко примкнувших сирот.

Словно в Лету навек окунулось
всё, что мимо проносится прочь.
И на целую жизнь растянулась
путевая безродная ночь.

ПУЧИНА

В этой дальней глухой стороне,
где висит на верёвках бельё,
заклубятся сады по весне
и утянут в болото своё.

Это здесь ты был молод и свеж,
и смотрелся в полночную тишь,
и мечтал, что на крыльях надежд
из пучины садов улетишь.

А река всё текла в берегах,
всё клубила дремотный туман.
А трава вырастала в лугах,
источала тягучий дурман.

Всё так медленно! Только года
быстро мчатся под куполом звёзд.
Ты не смог улететь никуда
и в суглинок, как дерево, врос.

Так и жизнь незаметно прошла.
Это всё ничего, ничего!..
Сон течёт по корням до ствола,
и не надо тревожить его.

ДРУЗЬЯМ

Мои старинные друзья,
сто раз забытые, быть может,
вы все состарились, как я,
но стали ближе и дороже.

Вы – долгой памяти столпы,
её заветные страницы,
среди человеческой толпы,
среди миллионов – единицы.

Жизнь не покатится назад.
Мы все теперь друг другу вровень:
и каждый в чём-то виноват,
и каждый в целом невиновен.

При встречах мы молчим опять,
молчим – и не отводим взгляда.
Не то чтоб нечего сказать,
а просто – слов уже не надо.

Ведь каждый знает наизусть
судьбы немое обещанье:
«Какая боль! Какая грусть!
Какое долгое прощанье!»

ПРЕДУРАЛЬЕ

Белый, тяжёлый, косою снегопад,
снежная мгла вековая.
На перевалах моторы гудят,
гору одолевая.

Тужься, водитель, баранку крути,
странник многострадальный!
Не проложили другого пути,
тот же остался – кандалный.

Избы да церкви в родной стороне,
сосен застывшие лапы...
И растянулась, бредёт по стране
серая лента этапа.

Русь, такова ты в глубинах снегов,
в горестной доле отцовой!
Вьётся река между двух берегов
лентой тяжёлой, свинцовой.

Вьётся походный кочующий дым,
в небо уходит спиралью.
И залегла под покровом седым
тяжкая мощь Предуралья.

Будут и здесь златокудрые дни,
ярмарки с пеньем и свистом,
и городов беспокойных огни
выплывут в мареве мгlistом.

Вот воссияли, мелькнули – и нет:
скрылись скоропостижно.
Лишь под ногами лежит континент
сумрачно и неподвижно.

РОДНЯ

Не город детства моего,
а лишь его родня.
И без претензий на родство
мы жили здесь три дня.

Стоял короткий летний срок,
базар тонул в пыли.
Мы город вдоль и поперёк
три раза обошли.

А он зарылся от жары
в кленовый свой убор,
попрятал он свои дворы
за дровяной забор,

тонул в садах, в реке сидел,
ленился и скучал,
на посторонних не глядел
и нас не замечал.

И было сладко оттого
глазеть по сторонам,
что не должны мы ничего
и он не должен нам.

Не город детства – но зато
двойник с его лицом.
Меня не держит здесь никто,
не ждёт перед крыльцом.

Пусть не причаю, уплыву
вперёд, как Одиссей,
но здесь увижу наяву
прообраз жизни всей:

я думала – она моя,
я думала – родня,
но равнодушие бытия
царит вокруг меня.

Здесь незабудки между рам
наивные – хоть плачь,
на пустыре по вечерам
летает гулкий мяч.

И в тишине за час до сна
щемящий звук такой –
как бы натянута струна
в покосах за рекой.

***

Бесшумный вечер послегрозовой,
изнеможенье всей живой природы.
Зависли облака над головой,
недвижимы сады и огороды.

По всей округе, сколько видит взор,
оцепененье после урагана.
Но из оврагов, из канав и нор
уже восходит пелена тумана.

Уже нисходят сумерки с небес,
уже тропы не различают очи..
И тополь, и трава, и дальний лес,
не шелохнувшись, канут в бездну ночи.

В такую пору ты им друг и брат.
Зажги огонь, открой окно скорее –
и освещённый упадёт квадрат
на лопухи, на заросли пырея.

Ты отнял их у тьмы и пустоты,
открыл их непреложное значенье.
И капля, оборвавшись с высоты,
пересекает светлое сечение.

***

Только выйду я из бора
на лесной пустырь –
золотого коридора
распахнётся ширь.

Неподвижен в летнем зное,
в солнечной пыли,
он открыт передо мною
с неба до земли.

И стоит как изваянье
воздуха стена.
Из молчанья и сиянья
соткана она.

Если есть покой всевышний –
лаконичен он:
ни одной деталью лишней
он не омрачён.

Без конца и без начала
жить бы не дыша,
чтоб подробностей не знала
лёгкая душа,

чтоб ответа не просила,
не искала кров,
а сама собой парила
посреди миров.

Анатолий
Крищенко

ИСПОВЕДЬ МАТЕРИ

Повесть

*Светлой памяти
сына Алексея Коняхина
посвящается.*

Елена Триль

1

Мой сын жил в нескольких измерениях. Мне известны два: богословское и светское в его философских взглядах.

Ночами мне снится Алёша. Он порой молитвенно поёт, стоя на коленях, пронзительнейшие строки Расула Гамзатова:

*Ты прости твою слезинку каждую,
Пролитую по моей вине.*

А была ли вина его? Была жизнь, наполненная сакральным смыслом веры.

Сын ушёл из жизни, когда ему было 26 лет. Самое непостижимое для меня есть и будет, что Алёша не столько предчувствовал свой уход, но, по моему предположению, знал...

Объяснить логически такое невозможно. Порой жизненные коллизии необъяснимы, как и многие факты и артефакты бытия. Может, потому, что сама тайна жизни – непостижимый скреп Создателя. На Нём-то и держится управляемая Им Вселенная.

-
- Анатолий Яковлевич Крищенко родился в 1939 году в городе Прохладный Кабардино-Балкарской АССР. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Прозаик, драматург, поэт. Публиковался в журналах «Подъём», «Волга–XXI век», региональной печати и краевых литературных изданиях. Автор нескольких книг прозы и поэзии. Лауреат всероссийского литературного конкурса «Справедливый мир». Живёт в станице Марьинской Кировского района Ставропольского края.

Ведь мы, люди, тоже миры. И в каждом из нас есть свои вселенные. Они не исчезают, они живут в памяти земной и небесной.

Мои рассуждения и подтолкнули к исповеди. Идея книги родилась не сразу. Живущая во мне боль утраты вызывала острое желание оставить память о сыне. По моим ощущениям аура Алёши бессмертна. Я даже мысленно иногда разговариваю с ним.

Как-то, взглянув на портрет, вспомнила об удивительном, почти мистическом художнике. Та давняя встреча была случайной и, пожалуй, в какой-то степени определяюще-судьбоносной.

Мы сидели у фонтана. Его волшебная напевность умиротворяла, как мелодии Моцарта. В ней слышались кураж и подкупающий, соблазнительный напев, высота и ещё что-то. Фонтан манил прохладой и свежестью. Вокруг него особо ощущался праздник жизни людей и даже птиц. Потому там наблюдалась естественная, но продуманная картина: «приватизация» голубями и юркими воробьями детских лакомств.

Нахальные «приватизаторы» выманивали в основном у детей булочки, сладости, семечки. Мамы и папы, тёти и дяди молча любовались птичьим нахальством и проворностью.

Взрослые умиленно молчали, когда их детей нагло обворовывали не люди, а птицы, и снова совали в ручки своих чад сладкие припасы. Нехорошее слово «приватизация» здесь имело иной – доброжелательно-весёлый смысл.

Наш сын с интересом, зорко наблюдал живую картину птичьего присвоения. Вот шустрый голубь что-то выхватил у малыша и упорхнул. Ребёнок сел на асфальт и от обиды хотел зареветь.

В этот момент Алёша вскочил и, быстро достав из пакета печенье, кинулся спасать. В руках малыша оказалось лакомство. Но он не стал его есть, а, встав, подбежал к голубям. Те быстро расклевали угощение.

Память особо освещает жизнь. Смотрю на портрет сына – и уже позабытая явь рисует прошлое.

Лето, море.

Всюду звенит смех. Неповторимую мелодию поёт фонтан. Малыши, голуби, воробьи...

Я посмотрела на сына. Нет, Алёша уже не малыш. Солидно сидит с нами и наблюдает. А ведь совсем недавно, кажется, вчера, и Алёша был таким игруном-актёром. Ведь дети все артисты. И всплыл забавный случай.

Когда Алёше было четыре года, мы впервые взяли его на Первомайскую демонстрацию. Он внимательно смотрел, как в колоннах шли люди. Звучали музыка и призывы партии и правительства.

Дома сын поставил во дворе бак, залез на него и стал громко выкрикивать лозунги: «Да здравствует Первое Мая!», «Партия – наш рулевой!», «Вперёд, к победе коммунизма!», «Слава труду!».

Проходящие мимо люди, не видя «партийного агитатора», ошибочно по голосу определяли его возрастной статус. Удивлялись. Улыбались.

Улыбались весна, облака и даже кисти пахучей сирени.

...У фонтана тогда тоже звучал смех. Но мы сидели молча.

В тот момент, когда сын возвращался к нам после помощи малышу, его и остановил «фонтанный» художник. (Многие из них в тяжкие 90-е подрабатывали на жизнь портретной живописью.) К этому портретисту стояла самая большая очередь. Молва утверждала, что он знаменит. Художник заметил Алёшу. Остановил его.

– Пардон, пардон, – успокоил он возмутившихся очередников, – вначале мальчик. Родители не возражают? – обратился к нам с мужем. – Можно?

Мы согласились. Алёша совсем не хотел позировать. Но покорился. Живописец работал цветными мелками сосредоточенно и недолго.

Вручая портрет-набросок, он обронил:

– Меня поразил его взгляд! Ваш сын принадлежит небу! – Указал рукой вверх.

– А мне?! – спросила я.

– И мне тоже... – улыбаясь, добавил муж.

– Конечно, вам обоим, – успокоил художник. – У него, я думаю, ген ваш, а характер от судьбы..

Вспомнились его слова, когда отдавал портрет:

– Ваш сын привезёт престижную медаль.

– Какую? Когда? – удивились мы.

– Этого не знаю.

Я достала кошелек, чтобы расплатиться, но художник остановил жестом и словами:

– Уберите деньги. С небожителей я плату не беру-с. Примите мою работу как подарок.

Мы с почтением приняли.

Поблагодарив живописца, мы молча спустились к причалу. Громко кричали чайки. Море, успокаивающе подмигивая, светилось солнечными зайчиками, поигрывая живыми всплесками приливов и отливов.

В моей голове настойчиво звучал афоризм художника: «...ген ваш, характер от судьбы».

Не знаю, чей ген главенствовал в характере Алёши. Конечно, пытливый ум мужа передался сыну. Возможно, он и привёл Алёшу в дальнейшем к постижению космически-божественных познаний.

Снова и снова всматриваюсь в портрет, опять рельефно вспоминаются картина того солнечного приморского городка и тот судьбоносный случай.

...Художник не ошибся. Медаль Алёша действительно получил в Москве. Пушкинскую.

2

...Прошло много лет после ухода сына, а он живёт во мне. Порой даже помогает в безвыходной ситуации. К примеру, совсем недавно на работе, в моём глазном кабинете, казалось, безнадежно затерялся финансовый отчёт. Быстро осмотрев стол и не найдя «пропажу», конечно, расстроилась.

Известно-исторический вопрос «что делать?» изводил безответным молчанием. Уже дома за обедом на досадной грани раздражения

неожиданно и в то же время «жданно» как бы услышала голос сына: «Мама, не волнуйся. Те платёжки на твоём рабочем столе». Решение, несмотря на головную боль, пришло мгновенно.

Мы с мужем, прервав обед, поехали ко мне на работу. Документы отыскивали на столе.

Николай Николаевич, муж, чуть насмешливо спросил:

– Ну что, голова прошла? Теперь налоговые капканчики не страшны? Документы нашлись.

– Нашлись, – согласилась я.

– Опять подсказка сына?

– Его, – подтвердила я.

– Это хорошо, – раздумчиво продолжил муж. – А не отметить ли нам счастливый конец этой истории? Может, заедем в Алёшино кафе?

В том кафе в юности сын исполнял любимые песни, даже занимал как солист призовые места.

– Ну что, поехали? – повторил вопрос Николай Николаевич. – Говорят, там появился новый романс. Хвалят. Романсура цыганская, как анекдот, лечит души всем, даже предпринимателям. Поехали, болящая, у меня заначка имеется.

– Едем, заначник, – ответила я.

Уже в машине размышляю, что сын с детства гораздо чаще любил петь в церковном хоре. Знал молитвы на старославянском, древнегреческом и других языках. Удивлял этим богословов и верующих. На вопросы, будучи ещё мальчиком, отвечал:

– Да нет, языки я не изучал, а молитвы... они прямо с неба в голову входят.

Тот ответ сына – не моя фантазия, а труднообъяснимый факт тогда, да и сейчас.

...В двадцать два года Алёша был доцентом кафедры философии в Ставропольском государственном университете, а в двадцать шесть – проректором Института дружбы народов Кавказа, одновременно читал лекции по философии в Ставропольской духовной семинарии, которую сам закончил экстерном с отличием.

Анализирую почти несовместимую совместимость: светский вуз и церковь. Но логика моих размышлений упорно подсказывает, что поступки сына были продуманно-совместимы. И хотя церковь теперь, как и раньше, отделена от государства, но в наше время церковники, судя по телеканалу «Спас», отчасти такие же светские люди, как все верующие.

Входим в кафе, садимся за свободный столик. Муж ищет глазами официанта, а я всматриваюсь в лица посетителей. В основном это молодёжь с весело-беспечными захмелевшими лицами. На столах поблёскивают бутылки коньяка, текилы, шампанского. Шум, смех. «Золотая молодёжь» веселится громко и беззастенчиво, как всегда и везде.

Иностранная совсем не мелодичная песня с бестолковым рефреном «О кей, Джони» подстёгивала сидящих: на лицах имитация чужого счастья и своей сопричастности. Допинги заблуждений были, есть и будут. Но в них всегда и везде ловушки денежных свобод.

Муж заказал кофе и пирожное. На удивлённый вопрос официанта «И всё?» – резко ответил:

– Пока ничего, дорогой. А романс тот, что хвалят, будет?

– О кей, о кей, будет!

Романс, к счастью, был действительно проникновенно-мелодичный. Его исполняла стройная красавица под узнаваемую вековечную цыганскую напевность:

*Прощай, прощай ты, наш любимчик,
Прощай, эстрадный соловей.
Неутомим-неутомимчик,
Ты для меня опять ничей.
А было время первых перезвонов,
Мобильных трелей и пустых затрат.
То было время пылких разговоров.
Для нас сиял, а не горел закат.
И та зима была весною.
Кругом подснежники цвели.
Метели дней были тобою,
А в снежном вихре пели соловьи.
Всё, всё ушло в заснеженном том лете.
А ты, родной, опять ничей.
Живут морщинки в призрачном поэте.
Они – мелодии страстей.
Прощай, прощай ты, мой напевчик.
Прощай, эстрадный соловей.
Неутомим-неутомимчик,
Ты, как и раньше, для себя ничей.
Ты, как и раньше, для меня ничей,
Мой соловей, мой соловей.*

После романса поднялся ор восторга. Аплодисменты утопали в криках. Мы с мужем сидели на пяточке прошлого, не поднимаясь. Молчали. Грустно подумалось, что подобные волны ошалелого цунамного восторга, опрокидывая прошлое, часто на своих развалах приносят опустошающее настоящее. Возможно, такая историческая эго-эмоциональность и есть эволюционный процесс жизни, о котором говорил сын в своих книгах?

Муж, перекрывая шум, наклонясь, прокричал:

– Ну, как романсура? Впечатляет?

Я пожала плечами и почему-то неожиданно для себя стала думать о китайцах. Там волна революционного цунами тоже прокатывалась, только частично унося настоящее. Но мудрые китайцы о своих болезненных цунами молчат. Они не клеймят прошлое, а философски терпеливо внедряют его в настоящее. Прагматики Поднебесной мудро выстраивают свой национальный социалистический капитализм. Бегло подумалось: двойной стандарт безотказно действует.

Сквозь шум восторга возник вопрос: интересно, в китайских кафе поют о таких «неутомимчиках»?

Если быть откровенной, то романс мне не очень понравился: по моим ощущениям, в нём незримо присутствовала червоточина измен, анти-любовь, что ли. Ведь романсы в основном – плач о любви. Мысли кружились в голове, и я, как всегда, находясь на перекутке, обратилась мысленно к сыну: «А как тебе, Алёша, понравился романс?»

Опять почудился голос: «В основном да. Но это не моя песня. Ты же знаешь, ещё на школьном концерте я пел знаменитую песню на слова Ваншенкина. Её исполняли Бернес, Кобзон, да вся страна!»

Вспомнила! Подозвав официанта, спросила:

– А у вас, господин, исполняют знаменитую песню «Я люблю тебя, жизнь»?

«Господин», отведя взгляд, сухо ответил:

– Что-то я не припомню, сударыня. А разве есть такая песня? Жизнь любят все.

Я резко встала. Через плечо почти крикнула:

– Она есть и будет! Её поют! И будут петь! А вашего «неутомимчика» забудут!

3

В машине муж о чём-то говорил, а мне слышалась любимая песня сына, которую не знали в кафе. А может, не хотели знать. Поколение людей, любящих коммерческую жизнь, поёт свои песни. Прошлое, как всегда, забывается. Жаль. Нет-нет, Алёшина песня не забудется! Её ещё будут петь.

Размышления прервал голос мужа:

– Опять с Алёшкой советовалась?

Я кивнула. Муж продолжил:

– Понял. Сынок и мне, случается, подсказывает. Конечно, я не медик, как ты. Механик. Но тоже, считай, врач по машинам. Там часто случаются свои болячки. Стопорюсь иногда при ремонте – диагноза, по-вашему, не нахожу. Ну, и психую, ясное дело: голова гудит, а мотор молчит. А как вспомню о сыне, успокаиваюсь, и откуда-то с ходу находится нужное решение. Думаю, Алёша подсказывает. А помнишь, как он пел? Слух-то у него с детства был отменный, твой, музыкальный. Не то что у меня. Дома, как захою, сынуля просит: «Папа, не надо так громко». Я как-то, обидевшись, спросил: «Почему не надо?» Алёша прикольно, но гордо ответил: «Потому что услышат в музыкальной школе, и на конкурс поедешь. А там страшненько бывает». – «Я никуда не поеду! Я – не ты». – «Согласен. Потому и солируй тише». Да это же при тебе было на кухне. Наш солист разделал меня под орех!

Я улыбнулась, хотя настроение было неулыбчивое. Муж, перебивая мой негатив, поделился:

– Всё же романсура в Алёшином кафе, вроде, ладная. Цепляет малость.

– Что, узнал «неутомимчика»?

Николай Николаевич качнул головой. Машина, как бы разделяя его протест, тонко взвизгнула от резкого торможения.

Подражая манере официанта, муж воскликнул:

– Ошибаетесь, «сударыня»! – Уже миролюбиво продолжил: – Романсура не моя и не про меня. Моя песня другая, она про нашу жизнь, что пел Алёша в этом кафе. Его песня, да и моя, – это же гимн на все века! Хотя... – Муж помолчал и сердито добавил: – Кафешные капиталисты нашу песню, кажется, не знают и не хотят знать. Да не любят они жизнь! Не любят. Долларовое племя сирот...

Ровным голосом, чтобы успокоить Николая Николаевича, я спросила:

– А какие главные слова в нашей песне?

– Да там все главные. Нет лишней резьбы и ненужных закруток. Все ниточки окружностей в напеве сделаны на века. Согласна?

Муж ждал ответа.

– Конечно, Коля. Но мне больше нравятся не твоя резьба и ниточки, а образность и напевность и эта строчка: «Всё опять повторится сначала». Может, она и стержневая? Хотя нет. Жизнь – вот стержень песни. Увы, её надо любить даже тогда, когда она нас не любит. Песня такая – лекарство без химии.

– Согласен. Но почему нас, человек, жизнь не любит? Почему? – угрюмо спросил муж.

– Трудный вопрос, Коля. Может потому, что мы сами себя не всегда любим и не всегда понимаем. И наши печальные ошибки повторяются.

– Но радости тоже повторяются, – возразил муж.

– Конечно. А без них не было бы жизни. Не было бы...

Мы ехали молча. За окошком машины мелькала суетная повседневность. Она, конечно, в 21 веке резко поменялась и стремительно ускорила. Все спешат. В гонке, как правило, возникают ошибки. Не только экономические, но и личные. Виноватые ищут виноватых и не находят. Винят не всегда виноватых «джонов». Они действительно везде и повсюду, в каждом российском эфире главенствуют. Надоели...

Почему, думала я, на русском радио, по телеканалам поют часто их песни? Интересно, а там они наши поют песни? Нет, конечно. Даже в Алёшином кафе, где мы были, «джоны» главенствуют. Но почему там не знают и не хотят знать любимую песню нашего поколения о жизни?

Обидно.

Вспомнился давнишний разговор, даже спор о жизни с сыном. На экране памяти возникли мои школьные тургеневские «Отцы и дети». Тогда ведь тоже спорили. А вот романа «Матери и дети» – нет.

В том давнем разговоре с Алёшей о жизни и экономике на мои аргументы сын снисходительно и печально заметил:

– И ты, мама, туда же, в те двери. Софистика – болезнь всех веков. Софистов в любой стране больше, чем грамотных экономистов.

– А разве такое нормально, сынок?

– О, это древнейший и почти неразрешимый вопрос вопросов. Древнейший.

Тогда сын надолго замолк, а я впервые для себя открыла, что подобная тишь несёт непознаваемую глубину.

Уже иным тоном сын продолжил:

– Я, мама, не смогу тебе раскрыть вещей вопрос вопросов экономики. Хотя есть один совет – как завет. Читай почаще древнейшую книгу. Она писалась долго – 1600 лет. В ней, пожалуй, только в ней ответы на все вопросы.

Ещё запомнилась из того разговора его тихая фраза:

– Когда государство не замечает болезни духа нации, тогда и выручают церковь и Библия, но не софистика.

Машина, плавно урча мотором, пела свои мелодии. Мы куда-то по пути заезжали, кажется, чтобы заправиться.

Николай Николаевич с возмущением, громко рассуждал о постоянных надбавках на бензин, о барствующих посетителях кафе. А я почему-то помимо своей воли опять размышляла о сыне. Вернее, о той тайне, которую он унёс с собой. А ведь тайна была и осталась.

Однажды, оступившись, я упала, потеряла сознание. Болела долго. Не помнила, кто я, как меня зовут, забыла, что у меня есть семья: сын, муж; есть дом и любимая работа. Всё мне объясняли врачи.

Восстановилась не скоро. Спасибо коллегам. Вот тогда впервые я задумалась о смерти. Решила подготовить необходимую одежду на случай своей кончины. Собрала вещи в пакет и положила их на полку в шкафу.

Осмелилась показать и сыну этот пакет, сказав:

– Ты, Алёша, прости... На всякий случай, если умру... Подойди сюда.

– Нет, нет! – запротестовал сын. – И смотреть не буду! – Он не сдвинулся с места. – Я, мама, тебя не стану хоронить.

– Как? Почему?

– Да потому, что ты меня будешь хоронить. Успокойся, ради Бога успокойся! Не надо вопросов. Не надо. О своём уходе, мама, знают и знали многие люди.

– Например? – вырвалось у меня.

– Ну, тот же Гоголь. Он даже просил, чтобы его быстро не хоронили.

– Твой Гоголь был оккультист и мистик, – прошептала я и присела, чтобы не упасть.

– Нет, мама. Гоголь приезжал в Оптину пустынь за благословением на постриг. Был глубоко верующим человеком и нёс нелёгкий крест гения. Я не гений, но глубоко верующий. А вера бессмертна, как и жизнь.

Представляете моё состояние! Сын тогда говорил, что так будет: я стану его хоронить. Почти теряя сознание, я отказывалась верить тому, что скупно излагал сын. Возмущалась и хваталась за спасительную мысль: так не будет.

Признание сына было за несколько лет до его гибели в автомобильной аварии.

Но в тот недобрый момент рокового признания я всё же жёстко спросила:

– Откуда ты узнал, что я буду тебя хоронить? Откуда?! Это же противоестественно и греховно. Ты что, всё же пропитался философским ядом оккультизма?

Алёша тихо ответил:

– Нет, мама. Предполагаю, что мой микроинтеллект по воле Божией совпадает с космическим судьбоносным полем. Моё видение совсем не оккультно. Хотя древнейший яд оккультизма силён. Но вера сильнее. И правдивее. Она иногда открывает запредельные грани и не только озаряет, но и подталкивает. За озарения надо платить. Ведь кому дают, с того и спрашивают. И по-земному, и по-небесному... даже с тех, кто имеет микроинтеллект.

Примерно так говорил тогда сын. Даже особую интонацию голоса Алёши помню. Слова и его почти неузнаваемо-ровный голос пронзили меня. Он сообщил, что уметь «видеть», т. е. заглядывать за горизонты судьбы, могут не только оккультисты, но и многие церковные люди. В отличие от оккультных прорицателей, Христовы люди не афишируют свои знания, за исключением замаскированных самим Богом блаженных.

В том жутком разговоре через небольшую паузу сын продолжил уже иным голосом:

– Прошлое, мама, не умирает. Оно бессмертно, как и души наши. Мрут и сгорают только грешники.

– А мы все грешники, сынок...

К нам тогда неожиданно кто-то пришёл. Беседа прервалась. Но дорогие слова сына оставили в копилке памяти свою горечь и боль.

Теперь, через много лет, вспоминая те фрагменты, я мучительно ищу ответ на свой же вопрос: что же пытался приоткрыть мне сын, говоря о бессмертии прошлого и бессмертии души? Допускаю предположение, что тогда Алёша пытался приоткрыть толику своей тайны, которую унёс с собой.

А ведь прошлое действительно не умирает. Оно своим светом памяти часто разжигает угли на потухших кострищах спешащего быта. Огонь веры точно вспыхивает. Он крепит жизнь, придаёт силы.

– О чём думаете, Елена Николаевна? – вернул меня на землю чуть насмешливый голос мужа. – Приехали. Выходи. Слушать будем Алёшину песню?

– Обязательно!

Мы дома. Включаю магнитофон. Раздаётся живой голос сына. Он исполняет, никому не подражая, ту песню-гимн, которую пела вся страна: «Я люблю тебя, жизнь».

Голова просветлела. Я смотрю на мужа и по выражению его лица улавливаю святость прошлого.

Алёша обладал мелодично меняющейся модуляцией голоса. Так, к примеру, его пение в церковном хоре часто приобретало громкую басовитость. Но в светской жизни при участии в конкурсах голос Алёши звучал в баритональных лирических тонах. Каждый раз, импровизируя, сын привносил что-то своё неподражаемое, подкупающе-обаятельное. Зрители всегда улавливали тончайшую струю новизны. Он любил повторять:

– Творчество во всём – осмысленные, продуманные риски импровизаций.

4

Романтически знаменитая в 60-е годы песня из кинофильма «Весна на Заречной улице» не обошла и сына. Алёша пел её дома, на творческих встречах, вечеринках и даже занимал призовые места.

Об одном конкурсе хочу подробнее рассказать. Удивительно, что судьбоносные тропки сына порой бывали захватывающими и даже непредсказуемо-неожиданными. Так случилось и с «Весной...» в его конкурсном исполнении.

Говорят же, что иной случай – Бог удачи.

К нам домой стремительно вошла преподавательница музыкальной школы, где сын уже не учился, а был студентом университета. Она с порога категорично заявила:

– Алёша! Поедем на зональный конкурс. Завтра. Исполнишь свою «улицу».

– Без репетиции? – удивился сын.

– Ты сможешь. У них там всё схвачено и за всё заплачено. У всех есть спонсоры. Хитрющие организаторы для демократического дымка позвонили мне сегодня. Надеялись, что я откажусь. А я не отказалась и твёрдо заявила твою «улицу» и твою фамилию. Так что ты в программе. Не волнуйся, Алёшенька, я-то знаю, что ты займёшь первое место!

Вдохновляющая речь педагога не слишком обрадовала сына. Но он согласился.

Как верно предполагала преподаватель музыкальной школы, сын занял первое место в труднейшей, не совсем честной борьбе.

Вот как это было.

Участники конкурса соревновались не только голосами, но и концертными костюмами и пышными нарядами.

Когда на сверкающую сцену вышел худощавый мальчик – мой сын – в простеньком костюме, в зале раздались смешки и даже свист разочарования. Но когда он запел, зал замер. Голос Алёши покорила, а знакомые куплеты захватили слушателей:

*По этой улице подростком
Гонял по крышам голубей
И здесь, на этом перекрёстке,
С любовью встретился своей...*

Аплодисменты не смолкали. Даже послышались выкрики «бис», что на конкурсах категорически запрещается. Сыну разрешили по требованию неугомонного зала спеть один куплет любимой песни. Он спел акапельно при поддержке зрителей любимую песню фронтовиков – «Катюшу». Зал стоя приветствовал мальчика-певца. А «проплаченное» жюри вынуждено было ловчить, нарушая протокол. По настоянию москвичей, состоявших в жюри, Алёше дали первое место. Но объявили дополнительно ко второму месту звание «Обворожительная миссис обаяние и красота» и вручили его обладательнице кучу ценных призов. А Алёше – диплом за первое место.

Немного предыстории.

В 20 веке знаменитая «Катюша» исполнялась на многих языках мира. Мне особо запомнилась японская напевность. А вот рабочий гимн о Заречной улице и заводской проходной в основном исполняли в Союзе, что набатно назывался Советским. Смею предположить, что мой сын, как многие подростки того времени, не случайно влюбился в песенную «заводскую проходную».

Ушедшая страна была в какой-то степени родной улицей каждому – со своей любовью, со своими сизарями-голубыми на крышах, со своей заводской проходной и со своими хорошо скрываемыми трудностями.

5

Проблем было много как в том, так и в новом веке. Об этом говорят сын и его соавторы в научных трудах.

Вот несколько цитат из книги:

«Россия превратилась в гигантскую машину для отмывания капитала, нажитого преступным путём. По оценкам экспертов, «теневая экономика» в валовом национальном продукте России составляет от 30% до 50%, в то время как в Чехии и Венгрии – 12–15%, Польше – 18%. Без гигантских масштабов коррупции подобное было бы невозможно.

Механизм функционирования современного российского предпринимательства, ориентированного не на развитие производства, а на получение быстрой наживы, делает его уязвимым для преступного элемента. Так называемый «государственный рэкет» наносит непоправимый вред экономике, ставит под угрозу само экономическое выживание нашего государства. Именно здесь должны быть включены экономические рычаги, обеспечивающие невозможность незаконного изъятия средств у бизнеса, который должен быть, прежде всего, честным.

Фактически бездействует система валютного контроля, несмотря на обилие и постоянное расширение разного рода контролирующих инстанций. Особенно наглядно это видно на примере внешнеэкономической деятельности. Бегство капитала за границу приняло катастрофические размеры. По данным экспертов, около 300 миллиардов долларов находится ныне в зарубежных банках. Выпрашивая кредиты то в 6, то в 9 миллиардов долларов, идя на унижительные уступки зарубежным партнёрам, Россия в то же время фактически взяла на себя роль донора экономики многих далеко не бедных стран»¹.

«До сих пор сохраняется значительная законодательная неопределённость в вопросах собственности. В первую очередь это касается собственности на землю, нелегальная распродажа которой порождает обильный поток коррупции. К этому следует добавить множество плохо определённых переходных форм смешанной собствен-

¹ И. Н. Клюковская, А. Н. Колягин, В. И. Пржиленский, И. Б. Пржиленская «Российская модернизация и сферы социального опыта». М., Компания Спутник+, 2005 г. Стр.199

ности, распыляющих ответственность и позволяющих коммерсантам чувствовать себя чиновниками, а чиновников – коммерсантами. Обнищание населения, неспособность государства обеспечить государственным служащим достойное содержание подталкивают и тех, и других к нарушениям, приводящим к массовой низовой коррупции. Это подкрепляется старыми советскими традициями «блата» как одной из форм низовой коррупции»².

«Проникновению коррупции в политику спосособствуют:

- *несформированность политической культуры, что отражается, в частности, на процессе выборов, когда избиратели отдают свои голоса за дешёвые подачки или поддавшись заведомой демагогии;*

- *неразвитость партийной системы, когда партии не в состоянии брать на себя ответственность за подготовку и продвижение своих кадров;*

- *несовершенство выборного законодательства, чрезмерно защищающего депутатский статус, не обеспечивающего реальной зависимости выборных лиц от избирателей, провоцирующего нарушения при финансировании избирательных кампаний.*

Тем самым последующая коррумпированность представительных органов власти закладывается ещё на этапе выборов»³.

6

Читать приведённые выше цитаты тяжело. Но авторы не очернили и не фантасты, а учёные, реалисты. Издали философскую книгу с продуманным экономическим анализом. Они рассматривают и выходы из тупиковой ситуации.

Это написано в начале века. Естественно, произошли изменения.

Факты из этой книги убийственно правдивы. Но несомненно главное достижение нашего 21 века – открытость, а не скрытость пороков экономических и исторических.

Моя исповедь – попытка охватить горизонты воззрений сына. Они, без ложной скромности, приятно удивляли не только меня, но и тех, с кем общался Алёша. Его знания зачастую поражали собеседника.

Конечно, многие его озарения – подпитки свыше. С раннего детства. Об этом я говорила.

В одной из наших бесед об экономике и истории Алёша заметил:

– Виртуальные попытки изменить историю есть, были и будут. Но исторические факты, вне сомнения, происходили и происходят не по версиям летописцев и царей, а по велению Создателя. В этом плане есть разногласия. Истина всегда «вещь в себе». Её познание человеком приблизительно. Пророки, как правило, глаголят то, что им дано свыше. Но часто они и сами приближаются к истине. Догадываются о ней и только частично познают её.

² Там же, стр. 201

³ Там же, стр. 203

Сын в той нашей беседе замолк, уйдя в себя. Через несколько секунд раздумчиво продолжил:

– Несомненно, все догадки гениев, мама, проходят через чистилище земных сомнений. И уж точно без Святого Духа здесь не обходится. Гениальность любая – приближение к Истине. А приближение к сакральной основе основ... – он опять замолк и глухо продолжил: – ...новое начало личной конечности. – Взглянув на меня, тихо заметил: – Успокойся. – Иным тоном продолжил: – Знаешь, наш великий Пушкин на реплику почитательницы о его необъятных знаниях снисходительно заметил: «Ошибаетесь, я не так много знаю, но о многом догадываюсь». Не случайно догадки гениев часто совпадали с исторической достоверностью. Догадка, мама, по-моему, – трамплин озарений. А озарения – тропки всех гениев.

– Ты, Алёша, много знаешь. Гораздо больше, чем я в твои годы.

Сын улыбнулся и лукаво воскликнул:

– Ошибаешься, мама! Я, как и Александр Сергеевич, о многом только догадываюсь...

В своей всеохватности Алёша изнурял себя, но тщательно скрывал усталость. Когда мне об этом сообщили, я решила поговорить с ним.

В один из погожих дней, когда он приехал из Ставрополя, предупредительно позвонив, под пироги началась наша беседа. Алёша был категоричен, как никогда (не спасли даже пироги).

– Конечно, спешу! И, конечно, устаю. Но я боюсь не успеть! Ведь жить мне осталось недолго. А с меня многое спросится. Подготовил диссертацию по богословию, договорился о встрече с Патриархом Алексием Вторым. Необходимо его благословение на этот труд...

Не успел. Встреча не состоялась из-за болезни Патриарха. На обратном пути – автомобильная катастрофа. Сын погиб.

«Смерть».

Я не случайно взяла это слово в кавычки. Её не было и не будет, пока жив дух человека. Отвлеклась...

Остановлюсь не на домыслах, а на факте. Перед самым отъездом в Москву на встречу с Патриархом Алёша посетил храм в Новопавловске, где обычно читал Евангелие, и раздал свою церковную одежду. Долго молился, поставил свечи перед каждой иконой. Навестил всех близких, могилы бабушки и дедушки, погибших друзей...

Опять возникают те же вопросы: случайно ли это и знал ли он о своём уходе?

Действия Алёши были продуманны и взвешанны. Вероятно (допускаю такую мысль), сын знал о том, что сюда никогда не вернётся. Возможно, я ошибаюсь.

Когда бываю в этом храме, ощущаю, что Алёшенька рядом. Его вроде бы нет, но он есть.

Мои свечи горят у тех же икон, где в последний раз зажигал такие же символы вечности и почитания мой сын. Может, в мерцании церковных свечей и передаётся бессмертная духовность ушедших.

Кандидатскую диссертацию по богословию Алёша не успел защитить.

Сын оставил свои размышления в книгах и рукописях. Часть из них утеряна. В его трудах содержатся оригинальные взгляды на философию, экономику и религию.

Я горжусь тем, что подарила жизнь человеку, и бесконечно мучительно испытываю скорбь утраты. Но в моей душевной боли присутствует свет. Да, да – свет. Он-то – бессмертный, обжигающий свет – и заряжает меня жизнью.

По моим предположениям, Алёша, несомненно, был пропитан космической энергией. Тогда, да и сейчас удивляют необъятность и поистине контрастность его нравственно-эстетических, философско-религиозных понятий. Информационный багаж расширял его мировоззренческие взгляды. Поднимал к высотам философских обобщений и научных гипотез.

Удивлялась такой необъятности. Часто сама себе задавала вопрос: как у него хватает времени на всё? Ответа, разумеется, не находила. И навряд ли найду...

Но, анализируя изменчивую единицу времени, пришла к абстрактной мысли, что порой сама единица времени приоткрывает свои секреты для земных избранников. Получалось, по моим предположениям, что для таких, как Алёша, секунда по своей насыщенности могла превращаться в вечность, а вечность – в секунду. Предполагаю, что такие люди (а их немало на земле) за краткий промежуток жизни успевали и успевают поднять неподъёмные духовные грузы в одиночку. О них обычно говорят: да он сделал то, чего хватило бы на десятерых.

А литература? Она, конечно, была и будет духоведением человека. Проникая в космические мысли великих писателей, сын, мне думается, сумел отделять зерно исторических истин от натурального эгоцентризма авторов.

В своей книге «Социокультурная динамика современной России» в главе «Попытка прогноза» он писал:

«Литература будущего обречена на ещё большую демократизацию. Для привлечения читателей писателю недостаточно будет просто хорошо писать, необходимо привносить что-то новое, чего нет у других»⁴.

На бесконечных волнах памяти снова возник облик художника-портретиста. При вручении нам портрета сына он обронил слова о медали. Слова эти сбылись. Медаль оказалась Пушкинской.

Участие Алёши во Всероссийском научном конкурсе студенческих работ было для меня неожиданным.

Организаторы конкурса – Министерство образования страны и МГУ.

Накануне отъезда сына поинтересовалась темой. Услышала чуть насмешливый, но уверенно-бодрый ответ:

– Тему, мама, разработал чуть драчливую: «Пушкин и Кавказ. Политические аспекты интерпретации «Кавказского пленника».

Робко спросила:

⁴ А. Н. Коняхин «Социокультурная динамика современной России: факторы, тенденции, перспектива». Ставрополь: СГУ, 2004 г. 137 стр.

– Сынок, а разве Пушкин нуждается в полемике?
– Ещё как! – задорно отозвался Алёша. – Поэт проживает – нет! – живёт среди нас, в нашей демократическо-капиталистической стране по своим законам. Пойми, моя полемика не в адрес гения, а в адрес интерпретаторов.

– А полемику, сынок, никто не любит. Ни тогда, ни сейчас, в демократическое время.

Он мгновенно отреагировал:

– Но демократия, мама, без полемики – надувная софистика шоуменов. Хвалебные шарики говорунов без доказательств всегда разрываются.

– А твой?! – вырвалось у меня.

Лучезарно блеснув глазами, сын каким-то почти незнакомым, мягко-густым баритоном, чуть нараспев ответил:

– А мой, мама, чуточку научный шарик не лопнет: в нём логика исторических доказательств. Он взлетит!

Полемический «научный шарик», запущенный моим студентом, действительно взлетел. Домой Алёша вернулся с Пушкинской медалью. Своей наградой гордился, но не упивался. Невидимая могучая сила увлечений своим мощным потоком влекла и поднимала его, расширяя необъятные пути исследований.

7

Обо всём не расскажешь, потому что моя интерпретация философско-аналитических работ сына не откроет и сотой доли глубины его воззрений.

Считаю, что литература тоже религия духа землян. Потому ещё раз хочу остановиться на Пушкине.

Наш разговор происходил уже не со студентом-конкурсантом, а с доцентом университета. Жил сын в Ставрополе и часто бывал дома. В один из таких приездов мой доцент без обиняков тихо спросил:

– А ты знаешь, мама, о Пушкине говорят, что он «наше всё». Слышала?

Я утвердительно кивнула.

– И ты согласна с таким банальным обобщением?

– Почему банальным?! – возмутилась я.

– Да потому, – почти выкрикнул сын, – что «всем» может быть только Он! – Алёша вытянутой рукой показал вверх: – Только Он! – Уже раздумчиво продолжил: – По-моему, я так ощущаю, что Пушкин – наш, славяно-русский земной дух мысли. В его творчестве ощущается космическая мелодичность Творца.

Я как будто впервые заметила изменения в Алёше. Нет-нет, для меня сын был тот же, что на портрете. Да нет, уже не тот и не другой. Но какой?

Бывший конкурсант-медалист смолк. В наступившей тишине мой уже декан, но для меня всё же мальчик, взволнованно спросил:

– Слышишь скворца?

– Да, Алёша. Он где-то рядом живёт, с нами рядом.

– Как Пушкин! – отреагировал сын.

Я вслушалась в пение птицы.

На вечернем всплеске закатных лучей высвистывал свои мелодии скворец. Певуна не было видно, но очарование его трелей пронзало, завораживало.

Но мой сын почему-то угрюмо-отрешённо продолжил:

– О Пушкине читал факт абсурда в журнале. Пишут, что поэт по какой-то загадочной причине труднопереводим на другие языки. Автор утверждает, что стиль поэта загадочно-нераскрываем для Европы, потому не особо любим там. А вообще, мама, нашу Россию почему-то забугорные эстеты издавна считают страной загадок. Потому, вероятно, библейскую напевность пушкинской поэзии далеко не все европейские зоилы почитают. Хотя там имеются и его переводы, и даже памятники. Но странный факт абсурда труднопереводимости – тоже тайна Пушкина. Мне это почти непонятно. Может, потому, что российская наша духовность – сакральна. В такой суровой российской сакральности и прожил свои 37 годочков Александр Сергеевич. Прожил как бы в безумном карнавале масок. Заметь, мама, в азартной жизненной игре проигравшей поэт жил почти без праздных наслаждений. А дуэль вроде бы как следствие закономерности его судьбы. Конечно, «наше всё» страдал от ревности. Ещё бы! И я бы ревновал к Натали. Но иная – социальная – дуэль сразила поэта. Отелловская ревность, конечно, сыграла свою роль. Она – следствие. Но главная причина в другом. Пушкин сгорал в ином российском огне.

– В каком ином огне?

– А в старом российском кострище головотяпства. Осмелюсь и я предположить, что противоречивость морали и законов и сейчас бы взрывали ум Пушкина. Об этом говорил я в моей полемике. Тогда своим «Кавказским пленником» поэт дал недоброжелателям повод почти для дикого осмеяния. В невероятно сложном взрывном состоянии жил и творил гений. Конечно, поэт сгорал на кострище своей судьбы. Совсем не случайно Пушкин молитвенно как-то выдохнул: «Не дай мне, Бог, сойти с ума. Нет, легче посох и сума».

Алёша молча ходил по комнате, резко остановился, уже иным голосом продолжил:

– И заметь, мама, что великий страдалец лицемерного и порочно-лживого царского света в своём сакральном выдохе обращается не к царю или лицейскому другу, а к Богу... Через паузу обмолвился:

– Я преклоняюсь перед этим «выдохом» гения и как молитву повторяю этот стих. Как мо-лит-ву. Возможно, и я ошибаюсь в своих гипотезах. Возможно... Да нет! Достоевский прав! По-земному прав: Пушкин действительно «наше всё», но только после Того, Кто создал всё.

В тот день за чаем Алёша вновь вернулся к Пушкину:

– Жизнь и творчество нашего гения прошли через палящий огонь мысли, где-то приблизились к очистительным понятиям молитв. Генетика духа поэта и гражданина, конечно, тайна. Эту тайну он унёс с собой. Об этом, как известно, сказал Достоевский. Кстати, мама, ты

согласна с иной, тоже классической формулой Достоевского, что красота спасёт мир? В трёх словах – гигантский подтекст! В трёх словах – формула вечности! Думаю, – размышлял Алёша, – заявление Фёдора Михайловича даже не формула, а притча. Библейский стих из трёх русских слов. Так ты согласна, что красота действительно спасёт мир?

Вопрос был задан, как говорят, в лоб, но уже с теплотой в голосе, по-родственному. Но в нём угадывался уже азартно-дуэльный выстрел подвоха. И я осторожно, соблюдая правила нашей «дуэли», ответила:

– Сынок, пусть простит меня Фёдор Михайлович. Свою формулу спасения он выдал всем на века, чтобы нас, людей, предостеречь от варварского разрушения красоты настоящего и особенно прошлого. Мы часто не сберегаем прошлого. Стараемся зачеркнуть, взорвать, забыть. А ушедшее время не всегда прощает агрессию настоящего. И по-моему, Алёша, мир спасёт доброта красоты. Возможно, об этом и говорил Достоевский. Плоды доброты сдерживают нашу агрессию. А красота, как молодость, бывает часто и агрессивна. Что, не так?

Сын тогда расшифровал мой приёмчик, с улыбкой возразил:

– Намёк понял. Уразумел. Но в основном ты почти права, мама. Концепция твоих доводов убедительна. В своих философских набросках я тоже выдвигал именно такую же гипотезу о красоте и доброте. Но мои наброски с проблесками гипотез где-то затерялись. Не нахожу. Суета сует и меня поглощает.

После небольшой паузы Алёша продолжил:

– Ладно, давай отойдём от темы. Она неисчерпаема.

Он замолк. Но через несколько секунд, противореча самому себе (видимо, «закрытая» тема не закрывалась), опять горячо заговорил:

– О гениях, мама, говорят и спорят исследователи веками. И часто ошибаются. Да и сами гении, случалось, тоже делали промахи. Возьмём Пушкина. Ведь он, по моим предположениям, тоже грешил. Ну, не смотри так врачебно. К примеру, его Иван Грозный показан как жестокий правитель. Да, Грозный был, увы, таким. Тёмное, немилостивое детство оставило свой след жестокости. Но первый русский царь был ещё и христианским философом, и просветителем европейского разлива. Обогастил Россию не меньше, чем Пётр. Но Пётр тоже был жесток, как и Грозный. А царя Петра Пушкин боготворил и любил. Очень.

Сын говорил увлечённо. Перебивать его не хотелось, но я всё же спросила:

– Алёша, разве у Пушкина есть работа об Иване Грозном?

– Нет, мама. Такой отдельной работы наш гений не сотворил. Но в «Борисе Годунове» Грозный незримо является. Царь Иван, мама, упоминается много раз и не по-доброму. Доброта, мама, и тогда, и сейчас не всех спасала, потому что имеет своё коварство.

– А что же нас спасёт, Алёша, что? Без доброты-то жить нельзя!

– Но ведь живут же! А спасает, ты же знаешь, даже порой не твоя медицина. Зачастую святые слова молитв произносят все, даже «добренькие» казнокрады для очищения своей бедной душонки от богатства нечистого...

– А разве им, Алёша, молитва помогает? – спросила я. – Они же...
– Помогает, мама. Не всем, конечно. Разбойнику там, на распятии, помог Бог. Он многим помогал и помогает, но многих и наказывает, очищая землю от людской скверны. Молитвы, по себе знаю, – лекарство духа и тела.

8

Я-то хорошо знала, что с раннего детства Христовы молитвы были спутниками сына. Он старался приобщить к ним многих, даже своего классного руководителя Любовь Мефодьевну. К ней Алёша всегда относился с глубоким уважением. На выпускном вечере в школе исполнил любимый романс «Гори, гори, моя звезда» и посвятил его Любви Мефодьевне.

Вот мнение строгого, но справедливого учителя.

Алёша был гуманитарий весь до конца. Не был закрытым тихоней. Химию особо не жаловал. Однажды с юношеским максимализмом категорично так заявил:

– Любовь Мефодьевна, я вас уважаю, но предмет химию не люблю. Он мне не нужен. Ваш Менделеев изобрёл не только знаменитую таблицу, но и водку. А я люблю литературу и гениального Пушкина! Поэт «изобрёл» «Евгения Онегина» и «Кавказского пленника». Шикарные изобретения! И Пушкина мне не надо заучивать. Я его понимаю как вас, а не химию.

На это учительница ответила:

– Раз понимаешь меня, тогда учи то, что положено по школьной программе. Менделеев тоже гений!

Не любящий химию ученик подчинился, учил формулы и выполнял задания.

Как отмечала Любовь Мефодьевна, сын был любознательным, увлекающимся, живым и общительным. Много читал и знал. Его начитанность проявилась, и когда всем классом поехали на экскурсию в Кисловодск. Алёша дополнял рассказы экскурсовода. Ребята в автобусе слушали с удовольствием. Всем казалось, что Алёша жил в этом городе.

Прощаясь с группой, девушка-экскурсовод сказала:

– Какой у вас хороший мальчик. Вероятно, коллега, экскурсовод тоже?

– Да нет! Мой ученик. Здесь он впервые. Книгочей этот «экскурсовод», любит читать, – ответила Любовь Мефодьевна.

Ей, конечно, было приятно услышать чуть насмешливую реплику девушки.

Как настоящий педагог, учительница знала о сыне многое. Знала, что он верующий, ходит в церковь. В то советское время такое хождение не одобрялось, мягко говоря, нигде. Но Любовь Мефодьевна уважала выбор ученика и хранила его тайну. Они вдвоём иногда беседовали о вере, её многовековой значимости в жизни человека.

Однажды Алёша как-то после уроков подарил учительнице церковные книги, это произошло за полгода до страшной трагедии в её семье.

Тогда погибли дети Любви Мефодьевны. Болезненным вихрем скрутил её тот случай. Надолго. Невыносимо стало жить педагогу. Пребывая в своём безутешном горе, она случайно вспомнила о подарке – церковных книгах своего ученика. Стала читать те книги, и жуткая безысходность от чувства невосполнимой потери чуть отпустила её.

Она не однажды говорила, что те Алёшины книги помогли ей восстановиться. Книги невидимым, но всегда осязаемым, живым светом веры облегчили её страдания. Чуда, конечно, не произошло. Но, несомненно, в христианских книгах хранится некий код для людей, попавших в беду. Размышляя во время чтения, учительница удивлялась, как за полгода до трагедии Алёша вроде бы предугадал её беду.

Позднее она осторожно спросила:

– Ты, Алёша, специально подобрал для меня те книги, что подарил?

– Нет, Любовь Мефодьевна. Рука моя случайно потянулась к полке, к ним.

– Случайно? – переспросила учительница.

– Ну да. А что, они вам не понравились?

– Что ты! Книги твои помогли! Очень. Я читаю их. Спасибо.

– Духовная литература и молитвы всем помогают, – ответил Алёша.

А ведь действительно чтение богословских книг да и изучение самой Библии врачуют людей всегда, во все Христовы века, даже тогда, когда в борьбе, я бы сказала, в битве за жизнь нас зачастую ослепляют гнев гордыни и особо скрытый бесовско-порочный грех зависти.

9

Об этом как-то скупом обмолвился сын. Видимо, его кто-то обидел. В тот день Алёша был хмур, закрыт, неразговорчив.

На мой вопрос о плохом настроении неожиданно ответил целым монологом. В бурном потоке откровения его лицо быстро просветлело. В тот момент невольно подумалось, что подобные разговоры-откровения очищают душу всегда. Всем.

Начал Алёша издали:

– Коварство – болото тщеты! Некоторые люди, мама, весьма искусно по своим эго-тропкам заманивают в такое болото знакомых, друзей, родственников и топят там их безжалостно, насмерть, расчищая себе тропки хилого успеха. Но, топя других, они сами гибнут. Быстро гибнут. Навсегда. Если демоны коварства живут долго (такое бывает), то всегда мучительно. И я всё вижу. Всё! Гневаюсь. Держусь... – Он помолчал и продолжил: – Утверждают (и ты, мама, об этом знаешь), что гнев непродуктивен. Как точно, почти библейски точно подмечено! О пороке гнева сказано и написано много, тысячи примеров. Но ведь и гнев, с иной стороны, как исключение бывает и праведным, даже святым, когда человек защищает Отечество, а не своё эго.

Сын горячо рассуждал о многоярусной, почти невидимой ауре зла, утверждал на примерах, что хитрая нечисть зависти таится на многих дорогах успеха.

– На протяжении веков, мама, зависть, увы, бывала и продуктивна. Но она всегда приносит больше вреда, чем пользы. Бесовский лик этой ведьмы часто неузнаваем. Бесы зависти, очень ловко проникая в глубины души человека, иногда ломают его. Часто под прикрытием доброжелательности и даже порой святости нечистые творят зло. Конечно, слабого человека в такой момент бесы превращают в зомби гнева. Меня вот тоже... Я, мама, когда смолкал, молился. И мой гнев, что разрывал меня, прошёл. Исчез. Такая реальная сказочка случилась.

– Да это не сказочка, сынок. Я-то своими глазами видела, как светлело твоё лицо.

– Молитва, мама, всегда свет, а гнев – тьма. Того, кто защищён молитвой, бесам трудно одолеть. Духовная сила молитвы и сейчас защитила меня. Точно. Как утверждает Библия, слаб человек. А я не исключение. Отнюдь.

Сын подошёл к окну. Вглядываясь в слепящий полдень лета, обронил:

– Всё меняется. Сейчас жара, завтра холод. Новизна непостоянства, возможно, и есть сила эволюции.

В тот памятный, почти болезненный момент откровений сына я, чтобы как-то снять напряжение, сказала:

– Да, Алёша, и я слаба бываю. Думаю, что наша человеческая слабость в какой-то степени и есть сила.

– Согласен, – быстроотреагировал сын. – О силе говорить не стану, там тоже есть свои многомерные полярные определения. Но слабость, мама, замечу, что в религиозно-философском понятии наша слабость в большинстве проявляется в конкретном искусстве зависти и власти, в удовольствии плотском и в ослеплении богатством. Возьмём один, только один пример. Человек, пользуясь властью, деньгами, нередко попадает в сладостно-обольстительный земной ад удовольствий. И механически-бегло совершает грехи. А за грехи свои всем, мама, всегда приходится платить земной карой. Уже не прелестью удовольствий, а опустошённостью болящих утрат. Но платить, как правило, немногие хотят.

– Платить всегда тяжелее, чем брать, – согласилась я.

– Конечно, аксиомно точно! – воскликнул сын. – Но бесплатёжникам всегда, везде бывает худо. Их здесь, на земле, часто наказывают. Они дьявольски хитрят. Их часто люди прощают. Но небеса Создателя – не всегда. Приходит небесная кара. Она величается ёмким словом «возмездие». Возмездие, мама, во все века – плата за наши грехи. Оно и наказание, и очищение.

Я молча слушала сына и понимала, как он возмужал. Сила его духа окрепла.

Алёша продолжал:

– От многих своих грехов богатые пытаются откупиться. Часто откупаются. У богатеньких веками на миг жизни такое получается, только на миг! Но от Божьего возмездия не получалось откупиться. И не получится! Никогда. Создатель к подобным грешникам беспощаден!

Сын во время своей доверительной исповеди часто менялся в лице.

Горящие щёки бледнели. Голос, поднимаясь до басовитости, резко опускался до пронзительного шёпота, наполненного смысловым набатом.

10

В той памятной исповедальной беседе я невольно уловила в манерах и интонации подкупающую знакомую сценичность сына, его убеждающую образность и глубинную естественность. Алёша, несомненно, любил сцену и театр, но никогда не играл в личность. По своим убеждениям мой сын был многоплановым человеком. Он шагал, жил, двигался по труднейшим невидимым тропам истин. В неизбежных житейских неурядицах всегда брал ориентир на духовные скрепы пророков и философские концепции богословов.

Об этом размышляю неслучайно. Жаль, что сын не успел защитить свои христианско-философские взгляды, хотя написал кандидатскую диссертацию по богословию и докторскую по философии.

В бытовом же плане Алёша часто оставался беспомощно наивен. Конечно, такой образ жизни нередко ставил его в неловкое, даже невыгодное положение.

Вспоминается его забавный рассказ из городской жизни. В то время он работал проректором по учебной работе Ставропольского института дружбы народов Кавказа и преподавал в духовной семинарии. Позднее я узнала, что во благо Христовой веры свой заработок в семинарии сын отдавал на нужды семинарии. Жил на вузовскую ставку. Сослуживцы у него нередко занимали деньги, брали в долг, но часто без отдачи.

Удивительно, что такая практика коллег Алёшу особо не огорчала.

Он поделился со мною одним таким эпизодом.

– Шёл я, мама, с очень достойной девушкой по аллее в наш институт.

Мы говорили и спорили о философии 21 века, теории Вернадского о ноосфере и моей новой книге. Девушка была достаточно информирована, слегка категорична в своих суждениях. Как мне показалось, больше всего была влюблена в себя, по-нарцисски. Сама красива, как весна. Ты, понимаешь, мама, как весна!

Я молча кивнула.

Взглянув на меня, Алёша спросил:

– Я что-то не так сказал?

– Всё так, сынок, продолжай. Это твоя девушка?

– Да нет же! Пока нет. – Он смутился, продолжил: – Тихо, тихо...

Подхожу к главной теме. Забыл её меткие слова... Вспомнил: «Парадигма вечности – жизнь, Алексей Николаевич», – заявила она. «А что такое парадигма?» – спросил я. «Неважно. Да вы не перебивайте, я же не на лекции у вас. Сейчас я – лектор». Она даже топнула ножкой. Я захохотал, мама! «Парадигма вечности – жизнь, – повторила она. – А я хочу в теории Вернадского о среде разума и природы, ноосфере, проложить свою тропку». «Любопытно. Сам бы великий учёный проявил бы, думаю, интерес к вашей любознательности. И в чём же она?» – «Только вы не смейтесь, Алексей Николаевич. Она, моя идея, в том, чтобы ноосфера работала на вечную молодость,

чтобы люди не болели, не старели, чтобы биотоки разума побеждали смерть». Представляешь, мама: «побеждали смерть»!

– И что же ты ответил, сынок?

– Я сказал ей одно слово: «круто». Только в этой крутизне можно потерять и свой разум. «Знаю, знаю! – воскликнула моя спутница. – И ещё я знаю, что об этом мечтали со времён Адама». – «Со времён Адама мечтателей было много. Но ваша лекция, простите, больше похожа на театр абсурда». – «Почему театр?..»

И в этот момент, мама, как бы подтверждая мою реплику, действительно на нашем пути произошла трагикомедийная сценка. Даже не сценка, а этюд шекспировского разлива. Точно: весь мир – театр, а люди в нём – актёры. Неожиданно к нам буквально подлетел такой «шекспировский актёр» с озабоченным лицом. Обращаясь ко мне, выдохнул: «Выручай, старик! Деньги нужны позарез». Естественно, наше философское настроение вмиг заземлилось. И не столько моё, скорее спутницы.

«Так мы же только сегодня всё получили», – сказал я. «Не отрицаю, коллега. Но я, увы, долги раздал – и гол как сокол в данный момент». – «Я, старик, уже почти всё тоже раздал. Не долги, а так... Займи у кого-нибудь, например, у Саши». «Так ему потом придётся отдавать!» – почти сердито парировал «шекспировский персонаж». Махнув рукой, исчез. Я невольно рассмеялся.

– А что же спутница?

– Она была в возмущённом недоумении. Даже забыла о нашем научном споре. «Так вам что, долги не отдают?!» – с негодованием воскликнула она. Я признался со смехом: «Далеко не все. Потому и пасутся, как ягнята. Но поверьте, иногда быть пастухом приятно...»

Алёша ещё что-то говорил, но я его перебила, невольно прочла лекцию о личной экономике.

Сын чуть насмешливо, прикрывшись философским непробиваемым щитом, ответил, что экономика, как личная, так и не личная, без погрешностей не бывает. Иронично продолжил, утверждая, что прогресс и регресс в тесной коррупционной связке танцуют вековые круговерти вальсов.

– Такова данность бытия, мама. Рок-н-роллы отойдут, а вальсы останутся.

Тогда я сердито возразила, сказав, что все данности бытия напрямую зависят от личного...

– Например? – осторожно, но с теми же ироничными нотками спросил сын.

– Примеров много. Житейских. Хотя бы взять пословицу: просто та хуже воровства.

– Пословица твоя, мама, сомнительна. У неё нет лёгкости взлёта. Я её не приемлю.

– Но любая экономика любит счёт и расчёт, а не лёгкость взлёта, сынок. Ты ведь свои работы пишешь о законах общих. И всегда забываешь свои личные экономические законы.

– «Сапожник без сапог» – тоже поговорка. Все законы, мама, всегда и везде меняются. По поводу таких изменений определённо

точно заявил не учёный-экономист, а пророк Павел. В «Послании к евреям» он писал, что *«закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними»*.⁵ Точно сказано, потому и запоминаются слова. Даже главку под номером помню.

– С тобою трудно спорить, – сдалась я.

– Увы, так говорят, но не все. Со мною часто спорят и студенты, и коллеги. В нашем вузе, мама, у меня не только занимают деньги порой без отдачи. Это мелочи жизни. Главное, что у нас есть настоящие светила наук. И у них я тоже занимаю их взгляды и тоже без отдачи. Или разделяю их точки зрения в научных трудах. Это не плагиат. Всегда ссылаюсь на имена авторов. Нередко мы, преподаватели, расходимся в своих взглядах и гипотезах. Так было и будет. Но с апостолом Павлом, чьи слова я приводил, не поспоришь. Заметь: никто не дерзнёт спорить.

– А почему?

– Да потому, что Павел не учёный, а святой. С его доводами не согласны только еретики. Но они в своих спорах (и это доказано) всегда проигрывают.

– С твоими доводами, Алёша, невозможно полемизировать.

– Увы, увы, каюсь! Бываю порой почти благим. Но они, мама, тоже отчасти философы в своей простоте.

– Простота, повторяю, сынок, хуже воровства. Не я сказала.

– Нет, нет! – запротестовал сын. – Я тоже повторюсь: воровство – хуже! Пойми, в простоте хранится отдушина мудрости. А без такой отдушины я, пожалуй, жить не смогу.

11

Тогда я промолчала. Вынуждена была так поступить. Знала, чувствовала, что Алёшина простота действительно и есть мудрость. Она и подпитывает его душу. По сути, вся мудрость человека и есть простота. В ней точно живёт вещей свет. Его люди во все века величают божественным. Может, потому где-то дороги поэта и пророка соприкасаются, подумала я и поделилась с Алёшей.

Кивнув головой в знак согласия, сын ответил:

– Ты, мама, почти точно подметила: пророки, как и поэты, бывают одержимы своими взглядами, идеями...

– Но одержимость часто бывает и бесовской. Верно?

– Не всегда. Этимология такого слова имеет много полярных смысловых оттенков. Да, бесовская одержимость присутствует в человеке и часто одерживает победу. Вот тогда нас, че-ло-ве-ков, бесовски зомбируют силы чёрного эгоцентризма. Нередко люди очень быстро, сказочно богатеют. Но всегда такой «успешник» терпит фиаско, потому что подобный зомби-человек становится слугой чёрного квадрата. Не Малевича, мама, а своих бесовских одержимостей. Примеров –

⁵ «Послание к евреям» (гл.10, ст. 1)

тьма: Цезарь, Наполеон и даже наш великий Сталин. Считаю, что почти все инквизиторы исторических трамплинов находились в чёрной бесовско-кровавой дыре одержимости. Но иная, светлая, можно сказать, божественная одержимость очищает иных от подобного греха. Увы, познание и приближение к истине часто бывает мучительно даже через вериги богословия, как, например, насильственная Сократовская чаша яда. Увы, увы, одержимость светом и божественным идеалом всегда труднее и опаснее нести.

– Я согласна, Алёша, с твоими примерами и рассуждениями. Но почему-то с трудом понимаю, почему божественная, как ты сказал, одержимость всегда проходила через муки?

– Нужный и, пожалуй, самый трудный вопрос жизни, мама. Если вскользь его коснуться, то, конечно, виноваты наши прапредки. Любознательная Ева и Адам. А чуть позже, ты же знаешь, хитрый бес пытался искушить даже Христа. У всех, кто несёт свой крест судьбы, свои соблазны и испытания, ведь бес, мама, вездесущ. Он и меня пытался совратить. И не однажды...

– Как же ты защитился?

– Непробиваемый щит молитв спас. – Помедлив, раздумчиво продолжил: – Чёрная эго-одержимость мне даже иногда представляется коррупцией духа. Внутри нас каждое мгновение идёт незримая борьба, как и вокруг нас. – Взглянув на меня, тихо спросил: – Ну что, моя проповедь не утомила?

– Да что ты, сынок! Она просветила меня, как и тех, кого ты просветляешь в церкви.

Через продолжительную паузу он сказал:

– Церковь, мама, не только в здании. Она внутри каждого, кто верит. Мы, все верующие, носим защитные стены храмов по жизни везде, со всеми святыми, что в них.

– Значит, мы, верующие, всегда и везде носим с собой невидимые, но защитные стены церкви? – уточнила я.

– Выходит так и по Писанию, и по жизни. Вера человека – это же его любовь. Я ведь тоже, должен признаться, бываю одержим в своей страсти:

*Слишком часто
утратами ветхими
к нам стучится
в окно кто-то вновь.
То ли это тревожат
нас предки,
то ли это весна
и любовь...*

– Твои стихи?

– Нет, автора не помню. Но стихи затвердились.

– А к тебе, Алёша, кто-нибудь ночью в окошко не стучался?

– Угу, стучался.

– Так, значит, это твои стихи?

- Да нет же! Я их не писал. Они вошли в меня, и я их затвердил.
- Как и любовь?
- Ну, да. Тебя, мама, не проведёшь.
- Так и не надо! Не бери грех на душу.
- Нет, нет! – Сын, перекрестившись, улыбнулся. Добавил: – Выходит, и с тобою трудно спорить. Даже мысль мелькнула антифилософская. В спорах не всегда рождаются истины. Иногда рождается нечто значительное.
- И что же это?
- Любовь, мама. Она конкретна, как вера. Любовь, пожалуй, и есть истина веры.

12

...Церковные тропы-дороги бесконечны и величаво таинственны. Шагая по этому пути, я каждый раз открываю для себя что-то новое. «Открытия» спускаются с неба, как молитвы к Алёше.

Потаённые узелки памяти часто где-то там, в нейронах головного мозга, затягиваются, сохраняя для прочности основные картинки жизни.

Со мною рядом и вокруг меня вышагивает хмурая осень. А мне почему-то вспомнился светносный памятный весенний «узелок» церковной дороги.

Тогда, как и сейчас, шла по этому пути. Ехать в машине отказалась. Причина хранилась в словах сына: к Богу в церковь надо ходить, а не ездить. В своей афористичной реплике Алёша, конечно, был прав только наполовину, при множестве «если»: конечно, ходить лучше, когда церковь недалеко...

Тогда, весной, запомнилось, как рядом с домами, в палисадниках, над яркими цветами деловито кружили и пели пчёлки. В тот миг мне почему-то подумалось, что геном человека, а не пчёлки, только частично изменён. Но наши хитрости, коварство и обманы остались. И хорошо, что рядом ещё жужжат пчёлки. Драматургия природы заставляет сопереживать и, страдая, думать по-доброму.

Весной, как и сейчас, осенью, я вышагивала не спеша: природа, подобно молитве, просветляет, а мелодии медоносных тружениц очищают настрой мысли.

Тогда я с умилением смотрела на жужжащих насекомых. Их золотило солнце. В тот момент, помню, меня осенила мысль: хорошо, что геном окружающих нас пчёл, кажется, не изучен. Ведь они ещё лечат нас, жестоких «царей» природы.

Сейчас осень, пчёл не видно. В стилом багрянце сонно затихает природа. Скоро покинут землю акварельные цвета листопада. Снова и снова смотрю уже на полёт безмолвных кружащихся листьев и почти невольно, на грани своей фантазии сравниваю их с полётом памяти.

Живая божественная суть сына живёт во мне. Она подтверждает тоже библейскую истину: смерти нет и нет! Все и всё имеют продолжение и повторение. По-вто-ре-ние...

Человек, как написал сын в одной из своих монографий, – «незавершённое существо».

А почему?

В утверждении Алёши частично угадывается мысль о вечном продолжении. Чтобы постигать «незавершённость», писал сын, несомненно следует прилагать духоподъём работы и всегда оставаться человеком. Думаю, в слове «оставаться» высвечивается сакральный смысл морали и поступков людей.

А память почти всегда – свет. Плохое стирается, забывается. О нём порой и думать не хочется. Хорошее всегда и всех тонизирует.

Знаю по личному самочувствию: невидимая боль утраты не сожгла меня потому, что во мне не меркнет Алёшин свет.

Предположение о бесконечности жизни не ново. Вековечных примеров много, целые горы зафиксированных печатных работ. Позволю лишь один со знаком вопроса. Почему, например, исстари на похоронах говорили, да и сейчас говорят, что человек не умер, а ушёл? По-моему, в замене слова «умер» на «ушёл» слегка приоткрывается промысел Создателя о бессмертии человека.

Вдумайтесь в смысл слова «ушёл». Я согласна с теми, кто более глубоко и последовательно на протяжении многих веков раскрывал тему и на примерах доказывал, что ушедшие, попадая в круговорот вечности, продолжают жить в иных измерениях, оставаясь своим духом с нами на земле.

А земля пропитана верой. Без неё человек уже не человек. Даже в парадоксальной порой символически заложен крепёж веры. К примеру, народы многих стран почитают конскую подкову как символ удачи. Упорно веками верят такой, почти нелепой на беглый взгляд примете. Ан-нет, совсем наоборот. Да, парадокс! Но исторический факт часто дружит с ухмылкой бытия.

Лошадиную подкову люди издавна укрепляют там, где живут. Упорно верят, что конская подкова принесёт им удачу и бессмертие.

Верят многие, даже учёные.

...Правильно говорил Алёшенька о том, что в церковь надо ходить пешком. Согласна, согласна, и, простите, что повторяюсь. Нам всем не хватает времени и денег, а сверх того часто и здоровья. Потому мерить шагами расстояние – тоже роскошь оздоровления.

Машина часто компенсирует трату времени. Но компенсирует ли она здоровье? А паломники? Они идут в основном пешком группами в Иерусалим и преодолевают километры. По-моему, в пути уже заряжают свою энергию духа. Конечно, тяжело им бывает. Устают.

Я тоже приморилась. Знала, что недалеко будет лавочка. Хоть бы она была свободной. Хотелось побыть одной в этой осенней тишине.

На моё счастье, лавочка под раскидистым деревом была пуста. Меня коснулась счастливая волна умиротворённости. Я присела.

Ко мне неожиданно подошёл сухонький старичок, поклонившись, тихо спросил:

– Можно и мне отдохнуть?

– Конечно, – ответила я.

Вглядываясь каким-то пронзительным, немигающим взглядом совсем не старых глаз, спросил:

– В церковь продвигаетесь, молодуха? Только оттуда, возвращаюсь вот домой.

Я обомлела и даже чуть обиделась на слово «молодуха» и слегка насторожилась на его точное определение моего пути.

Через непродолжительное молчание ответила:

– Да, туда.

Старичок, кашлянув, признался:

– Партиям не особо верю. А без веры-то и не интересно совсем жить. Сталин-то объединил страну индустриализацией и Победой. Дал веру.

Я возразила:

– Победил не Сталин, а народ.

– Но без веры-то не было бы Победы. Я хоть и был парторгом в цеху, а без веры той Гитлера бы не разбили... – Старичок махнул рукой. – Ну, будьте здоровы!

Поклонившись, бывший парторг словно растворился в полуденном тёплом осеннем мареве.

Меня пронзила догадка: я где-то встречала такой же взгляд. Точно! Он напомнил мне давнее прошлое, мой мединститут.

Мы, девчонки всего курса, были влюблены в нашего наставника. Он, конечно, догадывался об этом, но держался не панибратски, а как-то доверительно, по-домашнему, называя нас «дети». Нашему «папаше» было сорок пять лет, и мы, конечно, считали его стариком. Его лекции даже не надо было заучивать: медицинские термины входили в сознание органично и легко, без зубрёжки, запоминались. Медицина как наука любит математически точные определения и имеет свои «сопроматы», свои ходы, основанные на логических предположениях и выкладках учёных и врачей. И весь терминологический груз надо не только знать, но и без ошибок применять на практике.

Но лекции нашего любимца закреплялись в студенческой памяти. Такое восприятие было не только у меня. Его сила обаяния каким-то образом пленяла умы всех. Нельзя было думать (не получалось) ни о чём, ни о ком, а только о том, что он излагал, подкрепляя теорию личной практикой. Сама интонация его голоса с лёгкой лукавинкой не превосходства, а равенства, покоряла всех. Совестно было не знать его предмета.

А предмет был не из лёгких. Он значился как хирургия. Ассистирова на операциях, мы научились многому. А он внушал:

– Дети мои, не делайте такой надрез, как я. Это практика. Делайте чуть длиннее. Да, будет чуть больше человеку, но зато надёжнее. Безошибочнее.

В последний институтский вечер, когда мы были уже молодыми специалистами, он на прощание просто, чуть смущённо сознался:

– Дети мои, коллеги, открою вам тайну. Если перед операцией ваша душа, ну, скажем, Бог, подсказывает вам, что в этот день лучше не делать операцию, отмените её. – Улыбнувшись, добавил: – Бог никогда не ошибается. Он точно направляет интуицию.

Мы всем курсом были ошарашены. Потому что многие, почти все, были комсомольцами. Конечно, знали, что он был парторгом в вузе. Кто-то спросил:

– Но вы же парторг. Разве вы верите в Бога?

Ответ его остался в памяти навсегда:

– Никто никогда не видел Бога. Но ещё никто не доказал, что Его нет. Парторг я по совместительству, а по должности – человек.

Много раз, задумываясь над этой фразой уже сейчас, когда мне больше лет, чем тогда было нашему кумиру, как бы взвешивая на невидимых весах признание парторга, прихожу к выводу, что необъяснимые чудеса есть и будут.

Значимый пример, исторический: Александр Невский. Для многих людей победа Александра особо в Невской битве на Чудском озере была сродни чуду. Чудо произошло и после смерти князя. По преданию во время отпевания Невского в соборной церкви города Владимира Митрополит хотел вложить в руку усопшего напутственную духовную грамоту. Как утверждается в церковных книгах, Александр Невский сам подал протянутую ладонь...

Вот и я протягиваю свою духовную ладонь-память сыну. Он откликается. Даже помогает.

Людская память, как и жизнь, бессмертна. Она имеет и всегда будет иметь своё продолжение в нашей реальной действительности.

Жизнь сына, блеснув молодостью, оставила свой след в памяти людей. Неслучайно он спешил и часто повторял, оправдывая свой разбег: молодость – стартовая площадка для божественного взлёта. Таких духокосмонавтов много. Их почти незаметные подвиги и очищают людей.

Как ни торопился мой сын, но не успел он многое: защитить докторскую диссертацию по философии и кандидатскую по богословию, принять участие в открытии храма для студентов в своём вузе. Не успел создать семью и подарить нам внуков.

Возможно, во второй книге (я хочу условно назвать её «Память») будут приведены дополнительные незнакомые мне рассказы о сыне тех, кто знал Алёшу.

Жизнь духа всех верующих после ухода в космическое безмерное пространство была, есть и будет. Увы, так же, как и живая смерть при жизни на земле неверующих. Такая живосмерть бывает у тех людей, кто только биологически, без веры и без духовности пребывает с нами. Чем больше таких особей живёт на планете, тем больше будет катастроф. Это моё личное убеждение, разумеется, не гипотеза. Но разве жизнь – гипотеза?..

По сути, нашу многострадальную планету сберегает единственная духовная скрепа, которую величают верой. Вера крепит дух, мысль, когда она находится на тонком мостике сомнений. И она, только она помогает мне на работе.

Знаю, как практикующий врач, что по глазам человека можно определить, здоров он или болен. Но как установить мой диагноз в ситуации, когда ушёл, почти нелепо погиб сын? Как? Здесь

навряд ли поможет психотерапевт, хотя его беседы во множестве случаев успокаивают людей.

Условно-призрачная волна часто помогает, но она, обдувая сознание надломленной мысли, редко пробирается в тайные лабиринты духа.

Медики-специалисты веками спасают людей и от слепоты, и от многих заболеваний. Здесь, как, впрочем, и везде, от правильного диагноза зависит успех лечения. Но любой врач – в первую очередь человек! Мы, врачи, увы, тоже боеем и, к большому огорчению, не всегда восстанавливаемся. (Прошу прощения у коллег-врачей.)

Так рассуждая, я шагала по улице родного города.

Вдумчивая унылость осени обостряет восприятие.

Невольнo обратила внимание на стайку воробьёв. Эти вечные спутники людей, деловито перелетая от дерева к дереву, не гомонили весенне-оркестрово. Как мои мысли, они порхали в поредевшей раскидистой сцепке веток.

Почему-то угрюмо вспомнила реплику гениального Шнитке: «Я долго не буду здесь, потому что вошёл туда, куда входить нельзя...»

С каким молодым задором Алёша говорил об этом «революционере» мелодий!

– Некоторых великий Шнитке сводит с ума своим авангардом. Раздражает кое-кого. Но пройдёт немного времени, и авангард русского композитора станет нормой.

Я не люблю авангардистов, потому колко спросила:

– Тогда, возможно, и патология станет нормой?

Сын уже другим тоном сказал:

– Партитура жизни меняется. Среди нас, мама, много дьяволов в людском облике. Я-то вижу, чувствую. Сейчас появляются роботы-человеки. Прогресс, конечно, всегда комфорт, но бездуховный комфорт страшен и опасен. Что-то мы считаем нормой, а что-то нет. Возьмём Шопена. Его тоже считают великим, но у кого-то возникает ассоциативная циничная мысль: Шопен – похоронный классик. Чудовищно, но факт. На разных этапах у каждого человека своя партитура восприятия. В литературе, например, это почти доказывается типами характеров. В «Идиоте» Достоевского князь Мышкин – идиот, по мнению света. Но он же задуман как умнейший и честнейший человек. Лично мне этот князь симпатичен... Отвлёкся. Прости. Я вот что хотел сказать. Определение патологии в каждой профессии своё. Здесь, мама, вы, медики, главенствуете. Но в философии свои определения: в ней отклонение, если кратко, сводится к нулю. Следственно-причинный нуль, пожалуй, ближе к истине. Так что Шнитке, как и любой гений, на весах времени чаще всего находится посередине. Не всё меняется в круговерти повторов. Не всё...

Те позабытые фразы сына вспомнились и зазвучали в сознании его голосом.

– Значит, партитуры Шнитке, как авангардиста, будут меняться? – спросила я вслух, забыв, что сына нет.

Но голос Алёши в сознании ответил:

– Почему будут? Сейчас авангард подмены главенствует везде: сила новизны, к сожалению, рушит саму природу естества.

– А что будет потом, если исчезнет природа?
– Потом, мама... Да откуда я знаю? Апокалипсис уже шагает по земле. Он имеет свою бесконечность повторов.

– Как и потоп?

– Да не всё так гибло. Бес силён и коварен. Но Создатель сильнее. Он непобедим. Разрушителям не дано быть властелинами. Скоро будут лечить не медики, а мелодии. Сейчас я слышу музыку Баха, мага духа. А ты слышишь космические мелодии?

Помолчав, ответила:

– Нет, сынок, не слышу.

– Это хорошо.

«А что тут хорошего?» – подумала я. Алёша молчал. Вдруг в кратком миге наш паузы до меня действительно донеслись какие-то музыкальные всплески. Определить композитора я даже не пыталась. Очаровывала неземная мелодия. Переливаясь, звуки освежали душу своей задумчивостью. Солировали, кажется, скрипки.

В моём сознании возник недовольный голос сына:

– Ну вот, ты своим космическим оркестром заглушила земную мелодию. Я-то скучаю...

Родной голос вернул меня в действительность. Смutil.

– Я совсем не заглушала, сынок.

– Прости. Конечно, не ты, а твоя мечта. Мечта, мама, всегда музыка. Она от рождения... – сын помолчал. – Неслышимые мысли и творят свои земные действия. Они-то главнее и правдивее слов. И прочнее всего материального.

Подумалось: «Значит, материя не первична в ином мире. Да и здесь тоже...»

Загудела, закружилась голова. И снова помог Алёша, вернее, его слова, только что сказанные: «Неслышимые мысли и творят свои земные действия... Они-то... прочнее всего материального».

Спорное утверждение. Но я не смогла не поверить сыну. Те слова, что сказал Алёша, конечно, мысли святых. Праведников.

Кажется, я кое-что поняла...

Снова полилась мелодия неба. Неожиданно смолкла. На этот раз тишина не завораживала – она свирепствовала безмолвием.

Отметила, что потянуло холодком. Погода, как в целом и климат земли, стала резко меняться.

Невольно пришли на память вчерашние слова телеведущей. Она говорила, что люди научились воевать не только оружием, но и климатом. Многие неожиданные потепления, похолодания и даже цунами уже находятся на вооружении, как самолёты-беспилотники. Так что нас уже «бомбят» и погодой.

Получается, что искусственным климатом тоже воюют, калечат и убивают. Ещё немного, и мы, люди, будем воевать каменными топорами. И жить не в домах с газом, а в пещерах с кострами.

Вспомнила! Ведь об этом или почти об этом писал и мой сын в своей диссертации по религиозной философии.

Часто-часто заколотилось сердце. Память – не только свет, но и боль. Замедлив шаг, перекрестилась. Прошептала: «Останови их, бесов-убийц, Боже. Останови! Не дай погибели всем землянам! Ты

часто забираешь к Себе гениев, святых и молодых. Наказываешь многих. Накажи же тех, кто воюет климатом, кто убивает химическим и биологическим оружием мать-землю и нас, ещё мыслящих людей». Молитву я повторяла и просила наказать нелюдей. В рефрене повторений звучало гневно: «Накажи!»

Для себя открыла, что в слове «накажи» ощутило восходила надежда на справедливость.

От микромолитвы в моё сознание проник свет. Стало легче дышать.

Незаметно для себя очутилась перед церковью. Той, Алёшиной, куда он ходил пешком, как и я сейчас.

И снова ловлю себя на пронзительно-светлой его мысли: молитвы людей на всех языках мира всегда врачуют и укрепляют человека. Духовное, да и физическое исцеление в большинстве случаев (за исключением мгновенных Христовых чудес) происходят не сразу.

Сын говорил:

– Святой Дух Создателя, мама, живёт в каждом человеке.

Стала молиться. Вспомнила, что здесь впервые услышала голос сына: «Ты правильно делаешь, мама». Мгновенно подумалось: нет, это не глюки. Ведь совсем не случайно голос – его голос! – в трудные минуты просветляет меня. Разлив спокойной волны, входящий глубоко в сознание, творил святость жизни.

Церковная благодать имеет свои знаковые, я бы сказала, ассоциативно-внутренние, неслышимые, но всегда ощутимые оркестровки прошлого: память как бы меняет свои полюса, и ушедшее, возвеличиваясь до настоящего, уже в иной реалии творит чудеса. Может, и потому иконы в определённое неземное времяисчисление не только благоухают, но и «проливают слёзы», как говорят богословы, мироточат.

Такого я не встречала, но это видел мой сын.

Я смотрю на иконы и вспоминаю его слова:

– Случайностей, мама, на земле нет. А в церкви каждая неожиданность обязательно сопровождается закономерностью от Святого Духа. Жаль, что между православием и католичеством нет единого понятия о Святом Духе. И Святой Дух в целом на земле воспринимается по-разному.

– Почему по-разному? – спросила я тогда.

– Потому что вера бывает разная. У католиков, например, Святой Дух исходит от Отца и Сына. А у нас, православных, только от Отца. Разногласий много. Вот вчера в Ставропольской духовной семинарии осенила мысль, когда я отвечал на вопросы семинаристов о разногласии католиков и христиан. Я сказал примерно следующее: «Запомните мои слова: пройдёт немного времени, и точки соприкосновения отыщутся».

– А ты уверен, – спросила я, – что такое произойдёт?

– Произойдёт, обязательно произойдёт, мама! А насчёт уверенности я точно не знаю. Но моё осенение и те слова, что я произнёс в своей лекции, выпорхнули не от уверенности, а от веры. И я знаю, что такое случится. Вот увидишь и услышишь!

– Разве ты не услышишь сынок?

Алёша ответил не сразу, в шутовой форме:

– «Я», мама, последняя буква в алфавите. Когда это местоимение часто употребляют «якалы», от них остаётся пшик.

Прошло немного времени, а для меня целая вечность. Пророчество сына сбылось: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и глава католической церкви встретились, чтобы спасти землю и людей. Ведь, в сущности, как говорил и Алёша, вера-то у нас разная, а Бог един.

По моим предположениям, не оценочным, а человеческим и материнским, мой сын самую значимую работу оставил здесь, на земле, даже не в своих монографиях и статьях, а в идее строительства церкви при Ставропольском вузе.

Мечта о студенческом храме завладела Алёшей в далёком 1999 году, когда он впервые в МГУ увидел домовую церковь.

Позднее, став проректором, он подготовил проект и даже практически осуществил его. Владыка Феофан заложил и освятил камень будущей домово́й церкви великомученице Татиане при Институте дружбы народов Кавказа в городе Ставрополе.

Об этом как-то забылось. Горько. Но разве история помнит всех первооткрывателей? Неслучайно же говорят, что необъятное нельзя объять. Но попытаться можно. Сын пытался...

Догадываюсь, что всё давалось нелегко. Деловые бумаги, подписи, деньги... Несомненно, это утомляло. Но, по-моему, сын был счастливым человеком здесь, на земле.

Вспоминаю, с каким благоговением (кажется, совсем недавно) Алёша, протянув мне газету, скромно попросил:

– Прочти, мама, и сохрани документальность факта. Моя мечта, – он перекрестился, – благодаря Господу уже живёт и будет жить. Так ты сохрани. Журналистика – великое дело!

Тогда Алёша, чуть насмешливо похлопав по сумке, на которой была эмблема Союза журналистов России, продолжил:

– В ней, мама, много документов. Не дай Бог мне её утерять.

Его журналистская сумка вместе с документами хранится дома. А студенческий храм при Ставропольском институте дружбы народов Кавказа живёт. В храме так же горят свечи у икон, как в этой церкви, и не меркнет память о людях ушедших.

14

«Благодать» и «благодсть» – слова одного корня.

Я даже осмелилась предположить, что мой ушедший сын был на грани такой благодсти. Простите, но моё смелое предположение в глубине сознания имело и имеет ощутимую связь с истиной непостижимо-божественной.

Уже чуть отстранённо, через многие вихри логических предположений, задаю себе вопрос: «Почему в тот день, когда мне совсем не хотелось жить, я интуитивно, почти бессознательно шла именно этой дорогой, по которой множество раз ходил сынок? Ходил в церковь сызмальства, когда такое хождение в общем гласно и негласно осуждалось».

Тяжко подумалось, что горечь жизни, как и радость, часто мчится в одной и той же машине времени. Некстати, а может, наобо-

рот, вспомнился неприятный разговор с начальством. Меня, когда я занимала пост заместителя главного врача, официально вызвал шеф и в упор, без обиняков тихо спросил:

– Почему ваш сын ходит в церковь? Объяснитесь!

Я мгновенно отреагировала:

– Потому что он верит в Бога! И я запретить веру не смогу. Готова освободить кресло за маю хоть сейчас.

Меня с должности тогда не сняли. А упрёк того «советского» разговора ещё холодит душу. Нет-нет, я совсем не страдальца: не испытала те унижительные, убийственные партийные чистки, которые прошли сотни священников и верующих. К примеру, святой Тихон, познавший инквизицию тех партийных «врачевателей», написал покаянное письмо, кратко заметив при этом: пусть меня навеки забудут, но церкви будут спасены.

Подвиг Тихона не забыт. Он и сейчас спасает не только Церковь, но и Россию.

Да, мой сын глубоко верил в Бога с ранних своих лет. Христова вера часто органично входит в людей даже неверующих. Спасает многих после потрясений и невыносимых душевных и физических страданий. Часто говорят: твой случай – тропа удачи. Я бы заметила, что подобный судьбоносный случай нередко являет послы Бога.

Благодаря такому случаю мой сын проникся Верой!

...Тяжело заболела моя мама. Врачи уже считали её безнадежной. Сынок очень любил бабушку. Он на коленях просил Создателя о выздоровлении бабушки. Просил, не зная молитв. Но они, молитвы, сами спускались к нему. Позднее люди уже в церкви спрашивали сына, откуда ему, мальчику, знакомы многие молитвы. Алёша отвечал:

– Я и сам не знаю. Они спускаются ко мне с неба.

Факты непознаваемых истин происходили и будут происходить. Иисусовы чудеса случались и будут всегда и везде.

...Наутро маме значительно полегчало! Она даже встала с постели. Мы все были удивлены. Только сынуля почему-то не казался удивленным. Он, конечно, радовался вместе с нами. Но в своей радости был более сдержан. Твёрдым голосом заметил:

– Значит, Боженька не обманул меня, бабуля. И я Его буду любить и верить Ему всегда!

Сын действительно глубоко верил в ту церковную философию истин, что хранится и в молитвах.

...Сейчас, в церковной тиши среди немногих прихожан вспомнился ещё один необычный разговор. Он произошёл незадолго до ухода сына. Тогда Алёша, войдя в дом, сказал:

– Мама, вчера в семинарии мне задали космический вопрос.

– Космический? – с удивлением переспросила я.

– Да-да. Ты не ослышалась. Мы же живём в космическое время.

И вопрос семинариста был поставлен именно так. Глубинно. Научно-академично, я бы сказал.

– Ну не томи, говори, что за вопрос?

Сын, помню, улыбнулся. Войдя в комнату, сел в кресло и уже иным тоном продолжил:

– Собственно, я давно себе задавал подобный вопрос. И вот через некоторое время его конкретно озвучил студент-юноша. В конце моей лекции он, мама, извинившись, спросил: «Алексей Николаевич, если в 21 веке люди «оземлятся» на Марсе или Луне, будут ли там строить церкви? Вы допускаете такое?» Представляешь, мама, вопросик?!

Алёша смолк, глядя на меня, а я сквозь оглушающее безмолвие паузы шёпотом спросила:

– И что же ответил, сынок? Что почувствовал?

– Я, конечно, мама, был удивлён. Гордо удивлён! Но вопрос семинариста не застал меня врасплох. Потому что я сам себе задавал подобные вопросы. Свой ответ я сжал без проповеднического размышления, сказав: там, где обоснуется человек, там и будет Святой Дух, что живёт в нас. Везде с приходом людей обязательно будут стоять церкви.

Тишина. Я стою у икон и молюсь.

***

Память... Она бессмертна.

Сам Алёша, как я узнала позднее, просил близких друзей о том, чтобы на его могиле стоял только деревянный крест.

Мы с мужем, разумеется, выполнили его просьбу. На могиле сына деревянный крест⁶ – божественный символ вечности.

Аминь.

---

⁶ Крест выполнен по эскизу художника В. П. Фёдорова.

Юрий
МОГУТИН

ДУША, ВЗЫСКУЮЩАЯ БОГА

***

Создав меня, Бог разочаровался,
Нажал Delete, и я как вид исчез.
С тех пор уже не жил я, а казался,
Утратив к яви всякий интерес.

Я бытовал как казус бытия,
Как отсвет полустёртого творенья.
То бишь, конечно, это был не я,
Что вряд ли объяснишь в стихотворенье.

Вдогонку мне оглядывалась паства,
Зане за мной не шествовала тень,
И мусора не требовали паспорт,
Сквозь ноль меня фланируя весь день.

В толпе зеркал не встретив отраженья,
Утратил я и душу, и лицо.
Мои останки, избежав гниенья,
Смущали прах смиренный праотцов.

Но, обречённо горясь и сутулясь,
Двойник мой и поныне среди людей.
Уж если смерть от твари отвернулась,
То лучше б вовсе не родиться ей.

Пример оплошки Неба стопроцентный.
Но отчего огонь в нём трансцендентный?

-
- Юрий Николаевич Могути́н родился в семье дипломата. После того, как отец был репрессирован, вместе с матерью был выслан из Москвы, вырос на Урале и в Сталинграде. Работал на стройке, в рыболовецком флоте, служил в авиации. Окончил историко-филологический факультет Волгоградского педагогического института. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Член Союза писателей СССР. Дебютировал в 1960-е годы многочисленными сборниками стихотворений для детей. Позднее публиковал прозу, преимущественно историческую и краеведческую, и стихи для взрослых. Лауреат Первой Всесоюзной премии за лучшую книгу для детей (книга стихов «Песенка для весёлого бурундучка», Москва, 1987), лауреат Горьковской премии по литературе (2012) в номинации «Поэзия».

***

Жизнь – безмасленный бутерброд.
 Крошки в рот собрал нищеврод,
 Беспастушный, бескормный скот.
 Может, днесь ему повезёт?

Битумно-чёрен, словно из Бангладеш,
 В пику везунчикам, кто приодет и свеж.
 Жизнь его – свалка. Райские кущи где ж?
 Вынь его, Бог, отсюда, обмой и съешь.

В Кущах все сыты, Ангелов щёки гладки,
 Жрачка бесплатна, мёд раздают в палатке,
 Смирна, ладан и мирт – на соседней грядке.
 Стрёмно бомжаре ангельских ликов меж.

Всех его навыков – рыться в мусорных баках.
 Корм его – голуби, кошки или собака.
 Но заприметил смерда апостол Иаков,
 Стражникам дал отмашку: пришелец – свой.

Полный комплект небожителя нищему дали:
 Крылышки, нимб и пару райских сандалий.
 – Всё бы ништяк, но куда они свалки девали? –
 Вдруг не на шутку встревожился бывший изгой.

И не нужны ему стали райские брашна,
 С крыльями, не дающими лечь и сесть.
 И неожиданно стало тревожно, страшно
 Так высоко над землёю грешной висеть.

РЕБРО

Судьба не раз брала за горло
 И вот опять к стене припёрла,
 К белой известью стене.
 На живодёрне операций,
 Где бесполезно препираться,
 Где столько претерпел я, братцы!
 Где можно дуба дать вполне.

В линялых рубищах клеймёных,
 Подобных робам заключённых,
 Похожие как близнецы,
 На жизнь глядящие понуро,
 Кто в кресле давится микстурой,
 Кто на кушетке в процедурной –
 Бескровные, как мертвецы.

Больничной скуки украшеньё –
Родными хворых посещение
В лимите выходного дня.
В такие дни, забыв о сваре,
Вся тварь кучкуется по паре,
И каждый хворый отоварен.
Но нету пары у меня.

Мне присно выпало говеньё
И в будний день, и в воскресеньё.
От Вознесенья до Успенья –
Перловка. Ем её с трудом.
Моё истерзанное тело...
Неужто ты его хотела,
Наш двор искрился серебром,
И ты была моим ребром?

Теперь, когда моё ребро
Другое обживает тело,
Зарубцевалось, заросло,
Но в бок скребётся то и дело...

***

Нет, я не Пушкин, и не Дельви́г,
И не Собчак, чтоб горло драть.
Держава, дай немного денег
На хлеб и общую тетрадь.

Чтоб на линованной бумаге
Ожил, как лист перед травой,
Отец в чахоточном ГУЛАГе
И закуржавевший конвой.

Простец для власти мало значит:
Чуть что – в дурдом его, в тюрьму.
Лишь образ Приснодевы плачет
В его оставленном дому.

Уже на крови Иисуса
Замешан смертный каравай.
Ступай за Ним, не празднуй труса,
Христовых язв не предавай.

Он – Овен Кроткий, мы – бараны.
Грешим, не ведая беды,
Чем сыплем соль Ему на раны
И оцет льём взамен воды.

А вам, кощунств и слухов профи,
Уже за то положен ад,
Что сотворили на Голгофе
Две тыщи с лишним лет назад.

***

Темнеет. Хмурится. Светает.
То охладит, то бросит в пот.
То полюс Северный растает,
То вдруг Чернобыль полыхнёт.

Едва успели с этим сжиться,
Явилась новая напасть:
Ополоумела столица,
И поменялась власть и масть.

Бесхлебно стало и невкусно,
И чёрт-те что, и кое-как,
Ватерклозетное искусство,
То Пусси Райот, то Собчак.

То нож под дых, то выстрел в спину.
КрадётсЯ гибель по пятам.
А то пришлют по почте мину –
Хоть в Зерентуй. Найдут и там.

И этот пир среди холеры..
Не оттого ли весь урон,
Что принцип Совести и Веры
Расчётом хищным подменён?

Баблом отравленные души
Циничны, мелочны, борзы,
Готовы мать родную скушать
За ради баксов и маржи.

Хотели жизни настоящей,
А получили полный пшик.
И вырубает лживый ящик,
Брехни наслушавшись, мужик.

***

Парад зонтов, дождевиков,
Листва, похожая на силос.
Тут не хватает плавников –
Они бы точногодились.

Пижама жидкая дождя;
Собачья будка оценилась.
Портретом вымокшим вождя
Бомжиха от дождя накрылась.

Мост через Сетунь в два прыжка,
А там дорога в поле чистом,
Где ямы вырыла река,
В которых тонут утописты.

Вдали темнеет мокрый лес,
И, прочищая горло матом,
Недавно призванный балбес
Грозит воронам автоматом.

И сразу возникает мысль,
Что этот дождь, солдатик пришлый
Таят неясный смертным Смысл,
О коем знает лишь Всевышний.

Ни бомж, ни беспризорный пёс
Для Бога не бывает лишним.

***

Привстал на цыпочки камыш,
Трава стоит по стойке «смирно»,
Росой обрызганная тишь
То пахнет порохом, то смирной.

Вода по имени река
Границ бояться опоздала:
Уже подтянуты войска
К владеньям верб и краснотала.

И всё же жизнь произошла.
Плодит кормилица-природа
Злак для крестьянского стола
И корнеплоды с огорода.

Вращает мельницу река.
А над рекою – мастодонты –
Несут воздушные войска
Ракеты из-за горизонта.

Издалека плывут дымы,
Всё ближе ухают снаряды.
На кой природе эти мы –
Катализаторы распада?

В убийствах люди знают толк.
А человек природе нужен?
Ведь он всему живому – волк.
А если вдуматься, и хуже.

В ЭВАКУАЦИИ

Я был довольно искущённым
По части добыванья пищи:
Хрумтел кузнечиком сушёным,
Копал солодки корневище.

Случалось, ел собак и кошек
И яйца крал из птичьих кладок.
Мы здесь спасались от бомбёжек,
И этим нам Урал был сладок.

Бескормные четыре года...
Зато ни слежек, ни доносов.
Терпи, сураз врага народа –
Голодный, тощий недопёсок.

***

Меня нашли в чужой капусте,
Чтоб истолочь и шинковать.
Бес там вредит, где Бог попустит.
Одна защита – Божья Мать.

Она хранит мой ямб увечный
И самого меня хранит,
Чтобы на станции конечной
Мой вопль пробился сквозь гранит.

Сквозь глухоту непониманья,
Сквозь всё, что вы здесь наплели.
По злобе иль «из состраданья»
Вы костыли мои сожгли?

Наш век, на злобу урожайный:
То нож под дых, то пуля в лоб.
А я остался под Можаем,
С ногами, вмёрзшими в окоп.

Они бесчувственнее жести,
И кажется, их вовсе нет.
Коснёшься ног – они на месте
И так мозжат с тех страшных лет,

Что хочется кричать от боли.
Но мне был Глас: «А ты запой!»
И я завыл в своей юдоли
Гимн Жизни – жалкий и слепой.

***

Мешали с грязью и чернили,
Готовы в клочья разорвать,
И так усердно хоронили,
Что я раздумал умирать.

Ах, эти праведные лица!
Их зуд – клеймить и обличать.
По ним бы, мне и не родиться,
Не то что слать стихи в печать.

Но вот я с теми, кто живые,
И сам отчасти, вроде, жив –
Ярмо привычное на вые.
Рюкзак на роликах – мой «джип».

А в нём картофель да моркофель,
Чеснок, редиска, огурцы,
Фасоль, крупа да хлеба трохи.
Бог щедр! И пофиг мне жрецы.

***

Пахнут навозом коровьи следы;
С хором лягушек цикады на «ты»;
В гнёздах – птенцов ненасытные рты;
Бык дегустирует воду.

В кронах судачат с акцентом скворцы.
Скоро на крылья станут птенцы.
Пчёлы в цветы запускают шприцы
И возвращаются с мёдом.

Стонет кукушка, о детях скорбя,
Козы пасутся, кусты теребя.
Бог создавал эту землю любя –
В ней ни притворства, ни фальши.

Кто через поле шагает? Пророк?
Кто там, у мельницы? Хлебников? Блок?
Ноздри щекочет кизячный дымок.
Жизнь продолжается дальше...

***

Умру – заройте глубже в небо –
Просторней будет землякам,
Ишачащим за пайку хлеба,
Тверёзым в лоск иль пьяным в хлам.

Подобным мне и неподобным,
Расплющенным о тусклый быт,
Обросшим перечнем подробным
Долгов, разборок и обид.

Сию никчёмность длить не стану:
Побыл меж вас – и был таков.
Все несуразности оставляю
На антресолях облаков.

Простясь с телесностью убогой,
Стряхнёт житейскую тщету
Душа, взыскующая Бога,
Чтоб аллилуйя петь Христу.

И, окольцованный нулями,
Мой дух истает без следа.
Так тает в марте между льдами
Освобождённая вода.

Грозы небесный выключатель
Свет выключит средь бела дня.
Подобным образом Создатель
Из жизни выключит меня.

***

Отец мой – Голод, мамка – Бедность,
Живу, затрешины копя.
Ты – Бог, я – бомж, меж нами бездна.
Как я докличусь до Тебя!

Бездомен, немощен и слеп,
Убогий нищий, на кладбище
Ищу на ощупь старый склеп –
Мой схрон от мира и жилище.

Соседи все тихони тут –
Лежат безмолвными рядами.
Не пьют, не грабят, не крадут
И под подол не лезут к даме.

И дамы тихи и скромны,
Под стать мужам, лежат смиренны.
Перед кончиной все равны:
Бомж, олигарх ли – все мы гленны.

Босяк и важный господин
Равны за общемою оградой.
Лишь я живой средь них один,
Хоть мне давно подохнуть надо.

Стукач, палач, следак-зоил...
Их сон загробный беспробуден.
А если б встали из могил,
То настучали бы мне в бубен.

За то, что пережил их всех,
Прилежно на меня стучавших.
Прости, Исус, им этот грех,
Как Ты простил Тебя распявших.

Да только ли они одни!
Мильоны были стукачами,
Что из беспечной болтовни
Срока тюремные тачали.

Их время вышло. След простыл...
Отпело их воронье вече.
И я бреду среди их могил,
Эпохой сучьей изувечен.

***

Я – почвенник. Куда ж мне, как не в почву!
Когда Господь на мне поставит точку,
И, если Он не дарует отсрочку,
Земля пожрёт изношенную плоть;

Душа взлетит, покинув оболочку,
В слои, куда укажет ей Господь,
Оставив оттиск в памяти живущих.
Не всем достанет места в райских кущах,
Пространства безмятежного ломоть.

Душе скитаться в космосе негоже.
Дай ей приют в небесных кущах, Боже,
У ног Твоих, в собачьей будке хоть.

Взращённая людьми на оплеухах,
Вполглаза глядя, слушая вполуха,
Куда ты полетела? – там же ад!
Держи правей, где Божий вертоград.

И, если в нём придёшься ко двору,
Тебя признает страж: Могутин ги.
Се будет знак, что весь я не умру.

***

Всяк мерит мир на свой аршин,
Блуждая среди лжи.
Несть человека, кто, пожив,
Остался негрешим.

Спаси мя, Бог, уничижи,
Низринь и подыми,
Разжалуй в зэки и в бомжи,
В изгой меж людьми.

Лишь об одном мой слабый глас
Тревожит Божью высь:
– Дай силы мне молиться, Спас,
И Сам во мне молись.

Я. Удин

ОМЫТЫЕ РОСОЙ КАШТАНЫ

затравки

ДЫМОК НАД КРЫШАМИ

Такая тоска сдавила мне душу, что не мог ни писать, ни читать, часами сидел за столом, насильно вымучивал какие-то слова, фразы, прочитывал вслух, но они были не мои, не мои, – я это чувствовал и рвал, комкал бумагу и швырял в угол комнатёнки. Решительно ничего не получалось. Я знал это своё состояние, довольно часто я впадал в такое отчаяние, сходное с бешенством, ещё я знал, что нужно отвлечься, денёк-другой переждать – и всё пройдёт, не впервой ведь, я успокоюсь и снова начну писать, тоже мучительно, но уже с приятным чувством, уверенно. Я всё это понимал, но ничего не мог поделать с собой, не мог отойти от стола, заняться чем-нибудь другим, я упрямо пытался побороть свою тоску. Ещё я, лёжа на диване, устремив взгляд в пустоту белого потолка, внимал поздней ночной тишине, столь плотной, внятной, что, мнилось, воочию видел эту самую тишину.

Вскоре мысль моя совсем размылась, и я начал думать о ногтях, что растут на больших пальцах моих ног, о безобразных, кривых, толстых, вросших ногтях. Далее я поду-

-
- Я. Удин (Яша Геранович Манджиян) родился в 1951 году в селе Нидж Азербайджанской ССР. По национальности удин. Учился в Саратовском государственном университете. Автор четырёх книг прозы, изданных в Москве и Саратове, публикаций в журналах «Волга», «Подъём», «Волга–XXI век», «Сура», «Литературный Саратов», «Аргамак», «Великороссъ», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратов литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Впечатления» и других периодических изданиях. Член Союза писателей СССР и Союза писателей России.

мал, что такие же почти ногти – только ещё грубее, безобразнее – были у одной из моих бабушек. И ей так же, как и мне всякий раз, было больно стричь их. Я помню, с какими муками моя бабушка стригла ногти – и это почему-то важно для меня – то, что я это помню.

Мои бабушки давно умерли, но обе – как живые – пред моими глазами. У меня отменная зрительная память. Да и слуховая не подводит – до тончайших оттенков слышу голоса тех же бабушек. Моя мать иногда диву даётся, какие незначительные мелочи из той далёкой жизни вспоминаю. Но вот семью родной сестры, более двадцати лет живущей в каких-то ста километрах от меня, никак не мог написать...

Завьяловка – не город, конечно, но и не деревня в привычном смысле слова. Дома все казённые, коттеджами называют. Со всеми городскими удобствами, точнее, подворья у всех – деревенские, со скотским загоном, с коровами, свиньями, птицами, с огородами, а в домах – газ, паровое отопление, ванная с душем, туалет. Выйдешь внутрь – город, выйдешь на двор – деревня.

В полукилометре от деревни пролегает однопутная линия железной дороги. По ней дважды в день, в полдень и под вечер, туда и обратно, ходит поезд из трёх вагонов. Что и говорить, хорошие места, но семья сестры долго и трудно привыкала.

Всем им поначалу было страшно от малолюдья и тишины. Слишком покойно текла жизнь. Особенно зимой, когда всё занесено снегом. Выйдешь из дома – кругом мёртвая тишина. Ни единого звука или движения. Более пятидесяти домов без признаков жизни. Раньше, когда не было в деревне газа, хоть дымок вился над крышами. Теперь и этого не стало.

Он высок, худ донельзя, кожа да кости, более ничего. Шея тонкая, длинная, по горлу катается крупный кадык. Заставляют работать с утра до вечера по хозяйству, а по ночам сторожит машинно-тракторную мастерскую. И трудно, конечно, ему от такой беспросветной жизни, и ворчит он целыми днями, и матерится, и часто грозит, что повесится – одним махом отделается от всего и от всех. Но сын с улыбкой возражает:

– Не получится, пап. Слишком уж ты лёгок. Так и будешь болтаться на верёвке, слегка задыхаясь, пока мать не вынет из петли...

Раньше, там, в старой жизни, за тысячи километров отсюда, он работал на железной дороге – сутки работал, трое отдыхал. Не отдыхал, конечно, какой уж там отдых, когда в частном доме живёшь, всегда найдётся, что делать, только не ленись. Но он больше к железкам имел тягу, как всякий городской житель, молотком, отвёрткой орудовал. А тут сразу такое навалилось – хоть вой!..

Поначалу он понятия не имел, как подступиться к той же корове, поросёнку или лошади, не знал, что лошадь лягается, значит, подступайся спереди, а корова бодается, значит, подойди сзади. Тогда всё в сельской жизни казалось ему чуждым, враждебным даже, и он часто срывался, схватывался с женой, обвинял её во всём, точно она

из прихоти, из какой-то бабьей блажи заставила его оставить налаженную городскую жизнь – и рыться здесь в навозе..

– Тебе легче было – ты беженка, – говорила ей соседка и землячка по прошлой жизни. – Тебе тут и пособие дали, и подъёмные, и сочувствие какое-никакое оказали. А я переселенка. Вроде добровольно переселилась сюда. На меня – ноль внимания.

– Зато ты среди своего народа, – возражала сестра. – Считаю, к себе домой вернулась.

Или в другой раз с той же соседкой-землячкой происходил такой же пустячный диалог.

– Ты-то ладно, ты нерусская, ты просто русскоязычная. А я-то русская, это моя кровная родина, – а как они меня встретили?..

– Тебе что, ты – русская, тебе все дороги здесь открыты. Делай что хочешь...

Соседи, наверное, любили её, по крайней мере, уважали, ибо она никому не отказывала, давала в долг, невзирая на лица, исключая, конечно, совсем уж оголтелых пропойц. Их она жёстко и крикливо гнала со двора, как те ни клялись и божились, ластились к ней как могли. Пропойц она презирала, не считая за людей...

Вот и всё, пожалуй, что сумел записать к рассказу о семье сестры.

В КАФЕ

Случайный знакомец лет шестидесяти. Сидим за кружкой пива. На вид мелок, тщедушен. Но с гонором, хвастает безудержно, о чём бы ни шла речь. Расплачиваясь за пиво, уронил на пол несколько мелких купюр и не стал поднимать.

– Я никогда не нагибаюсь за деньгами. Уронил – значит, не мои. Такой вот я парень. Весь в деда, в деда своего. Дед тоже не мелочный был. Мой дед участвовал в русско-японской войне. Так вот, пока с Дальнего Востока добирался, семь раз женился. Ровно семь раз. Он мне сам рассказывал, когда я вот таким мальцом был. Женится, погуляет на свадьбе, чуток поживёт с молодой женой и тикает себе дальше. Так вот доехал до дома, снова женился и родил аж десятерых детей. Семь сыновей и трёх дочерей. Не все, конечно, выжили, всего четверо. Но всё равно – дед молодец!..

Интеллигентного вида азербайджанец в том же кафе. Врач по образованию, но на рынке торгует. Десять лет назад приехал, бросив на родине работу в больнице, на заработки. Ничего толком, конечно, не заработал. Обратное тоже не может уехать с пустым карманом. Всё надеется разжиться шальными российскими деньгами и победителем вернуться восвояси. С ним же приехала его племянница с университетским дипломом. У неё дома остались муж с двумя детьми. Когда уезжали, её дети были шести и восьми лет. Сейчас им по шестнадцать и восемнадцать соответственно. Она изредка отсылает детям какие-

то денежки и только по телефону общается с ними. Рассказывая всё это, она сидела передо мной, и по её щекам катились тихие слёзы.

За соседним столиком молоденькие девчонки. Перед ними по бутылочке пива и солёные орешки. Явно студентки института, расположенного неподалёку. Я поинтересовался: так ли это? – девушки согласно заулыбались. Оказалось, успешно закрыли осеннюю сессию, зашли в бар отпраздновать. Я сказал, что в их альма-матер преподаёт мой близкий приятель такой-то-такой-то, которого не видел года два. Девушки ответили, что такого профессора не знают, они только первый курс окончили. В эту минуту я заметил, как за окном заведения прошёл и скоро оказался в зале мой приятель «такой-то-такой-то». Мы с ним шумно и весело обнялись, сели за стол, и я стал рассказывать, как я только что вспоминал его.

Как много подобных случаев было в моей жизни: случайно вспомнишь человека, с которым не виделся целую вечность, – и он тотчас появляется перед тобой. Сколь ни думаю, что это за чудеса такие, никак не могу понять...

Отставной военный в звании подполковника рассказывает: когда его часть стояла в Абхазии, в зоне боевых действий между абхазцами и грузинами, им не выдали даже бронежилетов. Лично он обкладывал и обвязывал своё туловище томами классиков марксизма-ленинизма.

– А что – пуля не пробивает эти тома?..

– Нет...

КОГДА Я ПИСАЛ СВОЮ МАЛУЮ РОДИНУ...

Часто боюсь, что если начну писать город, или, вернее, перестану писать своё село, свою малую родину, то что-то в себе предам. И не только в себе – предам своих земляков-удинов. Что они обидятся и никогда не простят мне, что я перестал писать о своём кровном.

Какая ерунда. Мне больше нужно печься о форме. На крайний случай – можно ведь и удины одеть персонажем городской прозы. Благо, нынче удины рассеяны по всем российским городам и весям.

Сейчас много разговоров о новой литературе. Всё старое, всё наработанное огулом отвергается. Соблазн велик, конечно, отвернуться от самого себя и писать, как того требует время, как требуют новые заправки от литературы. Но это уже было, было не однажды, и, как показывает исторический опыт, ничего нового не получится. Главное – не поддаться, не сломаться, сохранить самого себя.

В то же время очень важно старые истины, старые ценности поместить в новые формы. Задача весьма трудная. Но надо стараться. Вообще я заметил, писателю, родившемуся в селе, трудно прийти к новым формам. Вроде порою он и образованнее, и искреннее, и трудолюбивее многих горожан, и опыт его шире, глубже, но никак не может прийти к новым формам. Может, в силу воспитания труднее предать привычное: это ведь серьёзная вещь – привычка.

А новые формы – как ни крути – нужны. Куда же деваться – вся жизнь пошла новая. Все отношения. По крайней мере – внешняя видимость новая. А это – много, через эту внешнюю видимость следует свои старые излюбленные ценности облекать в новые формы. Создать всего лишь новую упаковку. Этого будет вполне достаточно.

Ещё нужно помнить, что всякая книга требует ухода от своего времени, от живой окружающей конкретики, от всего наболевшего. Уход либо в прошлое, либо в будущее. Нельзя хорошо писать, живя одним только настоящим. Нужно уходить и от себя сегодняшнего – так же – либо в прошлое, либо пускаться в мечтания...

Много чего есть в моих записках. Так же много чего нет. Но если создаю полнокровный мир, там должны быть все чувства, все страсти, все потери и обретения, все победы и поражения, вся полнота бытия. Боже мой, как много изначально было мне дано и как я не достоин всего, что мне дано.

Я родился и вырос в сугубо уникальной удинской среде, хоть весь напичкан русской культурой, но моё восприятие мира исключительное – я это порою чувствую. Так вот, обнаружить и воспеть свою исключительность – главная моя задача.

Нужно спокойно писать малую родину: её запахи, краски, звуки, лица, нравы, характеры, её истории – её суть. Просто всегда следует помнить, что я навсегда утратил родину и мне необходимо восстановить её образ в первую очередь для себя самого. А там и для моей дочери. Для множества удинов. Тогда это будет и для других. Для всех.

Когда я писал свою малую родину, своё село, своих земляков, свой народ, который почти целиком жил в одном селе, писал родню свою, находил в них и доброе, и злое, а теперь, когда жизнь так страшно изменилась, когда кругом, как порою кажется, одно только зло, и мой народ так безвинно пострадал, рассеялся по свету и находится на грани исчезновения, и я уже не бываю там, на малой родине, – теперь моё село, моё старое, древнее, ветхозаветное село превратилось для меня в сплошной рай, а мои земляки – в ангелов...

Утром закончил рассказ – и какое-то странное состояние на душе. Не хочется даже перечитывать. Получился ли он – тоже нет уверенности. Но в то же время испытываю такую сладостную опустошённость, как после близости с любимой женщиной.

Самое трудное для меня – сесть за стол и начать рассказ. Обычно всё во мне и вокруг противится этому. Да и далее, если всё же я заставил себя сесть и начать, меня подстерегают немалые трудности.

К примеру, может получиться вполне путный рассказ, если я о своём персонаже знаю самую малость. Но если я знаю о нём всё или хотя бы много – обычно ничего дельного не выходит. Сiju себе, кропотливо и страстно пишу, после оказывается, что рассказ у меня не удался. Всё вроде выписано, всё на месте – строить в общем-то я умею – а нет, чего-то неувлимого, чего-то главного не хватает.

Вообще у меня ничего не получается, если ставлю перед собой ясные цели и планирую свои занятия. Я очень стихийный человек. Я должен существовать как животное или растение, чтобы что-то дельное выдать из себя. Всякая регламентация жизнедеятельности вышибает из меня всё художническое.

Этими записками, скорее всего, рисую свой каждодневный образ жизни в период кризиса, когда не пишется традиционная проза. Не более того. Но в то же самое время никто ещё не доказал, что лучше – вымышленная жизнь или образ реальной жизни. Непрерывное повествование или фрагментарность...

В. Катаев стиль своих книг «Трава забвения», «Алмазный мой венец» назвал мовизмом. Мовизм – по В. Катаеву – совершенно свободный осколочный стиль. Вместе с тем В. Катаев неизменно в этих книгах блюл общий сквозной сюжет, т. е. у него всегда в наличии был единый замысел.

Смею думать, что я ушёл гораздо дальше. У меня абсолютная свобода. Я ничем не связываю себя. Никакими условностями. Никакими жанровыми рамками. Я только вглядываюсь в дебри своей памяти и слушаю свою душу – и записываю.

Часто моя повседневная жизнь не выходит за пределы листа писчей бумаги. Что бы я ни делал, чем бы ни занимался, о чём бы ни подумал, каким бы страстям ни предавался, всё укладывается в границы прямоугольного листа. Потому что пришло время выдавать из себя. Всё отдавать – всё и отдаю, стараюсь отдать, счастливо зная, что взамен мне ничего не нужно. Ушло время, когда я жадно впитывал, поглощал всё подряд, запасался впрок впечатлениями и знаниями. Жизнью запасался.

Вот что ещё важно для меня: мне хочется, где бы вы ни развернули мою книгу, чтобы читать было интересно. Отчасти ещё и поэтому пишу в такой форме. Скажем, прочитав страничку-другую, можно было спокойно отложить книжку, а после, если потянет, так же спокойно раскрыть в любом месте и читать. Мне этого очень хотелось бы. Но не всех такая манера устраивает. Многие советуют мне вернуться к привычной повествовательной прозе.

– Всё, тебя больше печатать не буду, – говорит мне, скажем, главный редактор одного альманаха. – Дважды за четыре номера опубликовался – хватит. Да и проза твоя не всем по душе.

– Будешь, никуда не денешься, – возражаю. – Та солома, что идёт у тебя из номера в номер, совершенно несъедобна. Так что придётся печатать меня, чтоб солома стала чуть едовой...

Правда, не всегда удаётся писать так хорошо, как я того хочу. Иногда совсем ничего не получается. К примеру, мне давненько хочется написать изящные кисти рук одной моей знакомой. А как мне это сделать, я не знаю. Так же долго я мечтаю написать каштановое дерево, что красуется неподалёку от нашего дома. Написать его ранней весной, когда только набухли почки и всё дерево – и ствол, и ветки, и ветви – так налились соком, что в ясную погоду светятся, как сте-

клянные, тёмно-кровавым нутряным цветом. А как мне это сделать, опять же не знаю.

Между тем мне иногда передают мнения разных людей о моих последних публикациях: наконец, мол, в городе появился прозаик, которого хочется не только читать, но и перечитывать. Что и говорить, мне бывает приятно такое слышать. Я знаю, что у меня есть свой читатель, близкий мне по духу человек, достаточно поживший, о многом передумавший. Такой читатель сам заполняет пространство меж моими затравками живой водицей, живым раствором бытия, в своём воображении создавая цельные характеры, судьбы, события, истории. Такой человек мне друг и доброжелатель. Он доверяет мне – и я ему доверяю: потому я так краток.

Вместе с тем из своих записок я выпариваю всю влагу, оставляя одну только соль. Не знаю, хорошо ли это.

Раньше, когда я только начинал писать, в моей голове рождалось столько сюжетов, что не успевал записывать, да и вряд ли кому удалось бы запечатлеть на бумаге такой бурный поток. Но и писал я тогда плохо: плоско, бездумно, чужим каким-то языком. Теперь же сюжеты совсем не появляются. Зато почти каждая фраза, записанная мною, обретает весомость и является как бы законченным произведением. Теперь я знаю: если ты состоялся как личность, всё, что выходит из-под твоего пера, достойно внимания.

Вот ключевое слово: «внимание». Нужно выпестовать в себе внимательное отношение и к тому, что происходит лично в тебе, и к окружению. Тогда всё будет складываться без особых усилий. Вообще в литературе усилие – последнее дело. При всём этом я мало успел написать. Но мне думается, моя сила в скрытых во мне возможностях. Это как в любви: не обязательно, если у мужчины сильная потенция, он должен переспать как можно со многим числом женщин.

К тому же моя эскизность – форма уважения к своему читателю. К состоянию его души в нынешних условиях жизни. Что не значит, конечно, что я подлаживаюсь под читателя. Вовсе нет. Просто сегодняшняя моя краткость совпадает с ритмом жизни многих людей. Бывают такие счастливые совпадения, если ты чутко прислушиваешься как к себе, так и к течению времени.

В такой форме я записываю всё то, что обычно со временем забывается. Все эти случаи, картинки, мимолётные чувства составляют бесценную прелесть каждодневной жизни – и потому я их запечатлеваю и сохраняю. Спустя годы или даже десятилетия всё большое и значительное, общественно значимое можно будет вспомнить или восстановить по газетам, телепрограммам, но все эти мелочи могут бесследно исчезнуть.

Я сказал, рассуждая о слишком ретивых наших стихокропателях:

– Я не поэт, даже не филолог, и стихов, пожалуй, не люблю. Я всего лишь люблю поэзию, братцы. А она так редко случается.

Разумеется, наши стихотворцы обиделись. Да и вообще со многими, почти со всеми писателями и издателями я не в ладах. Вроде перед всеми виноват. Этого обидел резким суждением. Тому не уделил должного внимания. Третьему нахамил, как ему кажется, без видимой причины. Часто меня гложет сплошное чувство вины и раскаянья.

Между тем многие люди – гораздо хуже относящиеся к бездарному окружению – умеют держать себя в руках. Я не знаю, сдержанность и скрытность – достоинство или порок. Иногда мучаюсь, переживаю, что я не умею ладить с людьми, порчу отношения, тем самым осложняя себе жизнь. А с другой стороны, это мой путь, наверное, моё поведение в литературе. Ничего с этим не поделаешь.

Такой уж тип Стихотворец Такой-то: весь в говорении. Всё чего-то кричит. Орёт во всю глотку. Вечно кому-то что-то доказывает. В чём-то убеждает. Все эти его вопли – от пустоты. Он болезненно самолюбив – вот и кричит, желая скрыть, что пол и гол. Я же по одному лишь тембру голоса обычно определяю: есть в человеке что путное или нет. За ним же наблюдаю почти два десятка лет и потому с ленцой говорю:

– Я живу возле вокзала и потому хорошо тебя знаю. Знаю досконально, окончительно, тут не о чем говорить.

– При чём здесь вокзал? – раздражается он. – На вокзале я почти не бываю.

– Тебе там и не надо быть. Это я рядом с вокзалом живу. Бывает, сижу поздней ночью за столом на кухне, курю себе, что-то читаю или записываю. В городе почти полная тишина, только с вокзала слышно, как стучит на стыках рельс маневровый паровоз, перецепляет вагоны...

– Да брось ты всё о вокзале!.. – нетерпеливо перебивает он, верно, желая нести какую-то очередную свою чепуху, но я упрямо продолжаю:

– Так вот, сижу ночью и слышу, каким зычным голосом командует по радио диспетчер – словом, все путевые шумы доступны в открытое окно. Слышу, к примеру, как с сотрясающим землю грохотом пролетают, не останавливаясь, товарные составы – и всегда точно определяю, который состав гружёный, а который порожняком, значит, несётся через наш город..

Он ничего не понимает, да и не слушает уже меня. Он говорит начинающему стихотворцу, как бы разбирая его сочинения:

– Не экстраполируйте! Не надо! Никогда не экстраполируйте!..

А тот, бедняга, смотрит на него, разинув рот и вытаращив глаза, пытаюсь понять, чего он не должен делать в стихах.

Ещё стихотворец Такой-то любит выступать на собраниях. Если же не удаётся, не дают ему слова, всерьёз расстраивается и несколько дней ходит сам не свой, с мрачным лицом, точно несчастье какое стряслось с ним.

Случается, сам оценивает свои опусы, говорит безо всякого смущения и на полном серьёзе:

– Сегодня ночью написал гениальное стихотворение. Вот послушай...

Часто бахвалится тем, что его отец и братья военные, гордится ими, высокими и крепкими мужиками. Говорит всерьёз и убеждённо:

– Не люблю людей маленького роста. Прямо на дух не переношу.

Будучи типичным горожанином, в пылу полемики, когда не хватает аргументов, начинает распространяться о русской деревне. О тяготах или преимуществах деревенской жизни.

– Где ты деревню-то видал?! – восклицаю. – В окно вагона, что ль? Да и там ты лишь своим отражением любовался, милоч.

Когда у него появляются деньги, что случается, впрочем, крайне редко, тратит с показушной щедростью.

С гордостью говорит, что никогда не изменял жене – и я ему верю: женщины не любят таких мужчин...

Терпеть можно умного, значимого человека, многое от такого можно перенести, зная, что своим делом когда-нибудь ты ему докажешь, ты его убедишь, кто есть ты, так сказать, откроешь ему глаза на себя. Но нельзя и не нужно терпеть пустых, никчёмных людей. А их кругом великое множество.

К тому же моё кавказское обличье подчас в людных компаниях – что красная тряпка для быка в корриде. Так же раздражает и возбуждает иных молодцов. Особенно – если я речист и заметен. Если честно, от многого могу отказаться в спорах о литературе. Согласиться со всем, кроме, пожалуй, одного: не могу не сказать бездари, если он неотвязно домогается моего мнения о себе, что он безнадёжен.

Иногда даже хочется промолчать, но не в силах оказываюсь, когда вижу, что бездарь не только не видит, что он бездарь, но вдобавок ещё не способен распознать талантливых людей, когда ему кажется или мнится, что все такие, как он, либо он такой же, как все талантливые люди. Тут я никак не могу промолчать. Я хочу сказать, часто бездарный писатель и как читатель бездарен...

Мой образ жизни не меняется на протяжении десятилетий: сижу дома, читаю себе, что-то записываю, думаю. Вроде всё о чём-то важном, главном думаю – а ухватиться за это главное никак не удаётся. Кажется, если всё же достигну это самое заветное, буду несказанно счастлив, сочту свою жизнь удавшейся. Всё это наивно, наверное. Скорее всего, никогда не будет мне покоя, никогда не удовлетворюсь написанным, никогда не вздохну облегчённо. Вся жизнь – погоня за чем-то незримым, призрачным, вся жизнь – погоня за самим собой, истинным, глубинным, сокровенным. Даже такого очевидного вопроса – зачем? – не возникает, так вовлётся, втянулся в эту тяжкую и бесконечную погоню.

ЕСЛИ Я НАУЧУСЬ...

Говорим о свободе. О свободе выбора – какая вздорная чушь!..

О какой свободе может идти речь, когда ты вечно находишься в плену судьбы, характера, темперамента, похоти?..

Какое мне дело, что обо мне, о том или ином моём поступке подумает тот или иной человек. Я не сужу никого. Я ни от кого не завишу, и никто от меня не зависит. Вот все дела – и вся свобода.

Истинно свободным может и должен быть лишь тот, кто наделён исключительным чувством меры и ответственностью за себя. Всё в тебе – как добро, так и зло. А остальные люди всего лишь сторонние наблюдатели твоей жизни.

Говорят: счастьем своим человек не склонен делиться, счастье он обычно утаивает от посторонних, а с несчастьем своим носитися как с писаной торбой, прямо навязывает всем подряд.

Все правильно.

Ведь стыдно, совестно выказывать на людях своё счастье. Умный человек, если он счастлив, то подсмеивается над своим счастьем, всячески принижает его в присутствии людей.

Мне кажется, несчастливые люди – самые чуткие и отзывчивые люди. А счастливый человек часто – глух и слеп, он оглушён и ослеплён своим счастьем.

Лучше говорить людям да, чем нет: да, ты умён, да, ты добр, да, ты красив, да, ты талантлив, да, ты достоин. Тем более ничего ведь не меняется, когда вместо нет, говоришь людям да. Ровным счётом ничего. Но все бывают довольны и счастливы.

Выходит, чаще всего обман и есть основа счастья. Мнимого, конечно, счастья. Но многие живут мнимостью. Так что не ленись расточать приятие и одобрение. Помни, что истина нужна единицам. Как угадаешь такого единственного, будь искренен и прям, будь правдив и доверчив: он тебя поймёт.

Душа человека архаична. Она не подвержена веяниям времени. Для души нет понятия прогресса, как и для настоящего искусства. Она апеллирует – если можно так выразиться – чувствами и вечными истинами. Слишком долго она формировалась и отстаивалась, чтобы какой-нибудь мимолётный век мог её уничтожить. Поэтому я верю, что человек вернётся к своей душе. Иначе пшик его цена.

Человек всю свою жизнь стремится быть лучше, чем он есть на самом деле. Правда, это ему не всегда удаётся или удаётся плохо – и в этом драма его жизни. А всё остальное – так, созерцание да сравнение и вытекающие отсюда эмоции: зависть, злоба, ревность. Но ещё большая драма, совсем трагедия, когда человек ошибается, путает, ложно понимает свою суть.

Чаще всего схватываюсь с людьми, ругаюсь или, точнее, они ругаются со мной лишь потому, что я вслух называю, даю названия вещам, явлениям, поступкам, чем лишаю их невинности. Разумеется, условной невинности, общепринятой, кажущейся.

Как жаль, что нынче сонмы людей повседневную рутину сделали смыслом жизни и существуют таким образом, будто у них сто жизней впереди, будто сегодня они могут торговать на базаре, завтра учительствовать, послезавтра – ещё что-то делать.

Я не люблю слово «гнусный». Не потому, что оно плохое по смыслу, вернее, не только поэтому. Не люблю, как оно звучит. Не люблю даже людей, которые его произносят. А произносят, эксплуатируют его чаще всего сами гнусные люди.

Во мне нет наглости. Могу быть и дерзким, и насмешливым, и даже презирающим. Но наглым – никогда.

Хотя в этой жизни мне, конечно, не хватает смирения. Не могу смириться с тем, что мир таков – какой есть, люди таковы – какие есть, сам я таков – какой есть.

Если я научусь наконец молча и терпеливо сносить плохих людей, если научусь умению не вспылить от оскорбления окружающих, буду несказанно счастлив. Что будет значить, что я победил самого страшного врага – свой темперамент.

А то порою такая пылкость прёт из меня, что более всего боюсь оплеух: нечаянных своих и негаданных чужих. Единственно позорное и лишнее в общении с плохими людьми – старинная оплеуха.

По своим задаткам я всегда был пылким и восторженным. Но в силу происхождения и личной семейной трагедии частенько умышленно вёл себя незаметно и сдержанно. Сироты многое в себе подавляют и до поры кажутся окружающим совсем не теми, каковыми на самом деле являются.

Иногда мне изменяет чувство меры. Я так увлекаюсь, что забываю обо всём на свете. С самого детства такой – не могу вовремя остановиться. Тётка моя рассказывала, как трёхлетним мальцом я забрёл к ней во двор и объявил:

– Я пришёл к тебе в гости. Теперь угощай меня.

Тётка посадила меня на палас под тутовым деревом и стала потчевать чаем.

– Так ты выдул целых двенадцать стаканов, – говорила тётка гораздо позже. – Я наливала, ты выпивал, я наливала, ты выпивал. Куда только лезло в этакую кроху – ведь и пописать только дважды просился?

Я не умный. Умные умеют устраиваться в этой жизни. Умные приспособляются ко всякой ситуации. Умные всегда преуспевают. Я – что-то другое. Правда, я не знаю, насколько хорошо это что-то. И хорошо ли вообще. Быть другим всегда и всем трудновато.

Многим людям нужны необходимые для жизни определённые навыки, знания, способности, средства. Если они всё это или хотя бы часть этого достигают, с удовольствием успокаиваются, вернее, далее

живут легко и припеваючи, пользуясь и руководствуясь всем нажитым опытом. А я так не могу. Я каждую конкретную минуту должен сызнова переживать и проживать. Для меня опыт предыдущей жизни совсем ничего не значит.

Человек, копающийся в себе, почти всегда общается со своими недостатками, они, недостатки, углубляют его душу, принуждают его мыслить, анализировать, сличать, узнавать и делать выводы – словом, без недостатков человек вряд ли может стать полноценной личностью. А достоинства – что ж о них думать, если они имеются...

С каких-то пор уже не умею драться. Не могу бить человека. Жалко становится. Между тем жалость – плохое чувство. Жалость портит человека. Его характер. Жалость размягчает. Теперь я это знаю хорошо. Меня много жалели в детстве. Жалели как безотцовщину и испортили. Потому я такой мягкотелый, робкий, застенчивый до сих пор.

А нужно быть крепким и цельным, гибким и изворотливым. Но для этого в детстве, именно в детстве и, может, в подростковом возрасте тебя должны либо безотчётно любить, либо безжалостно ненавидеть. А жалость – это сопли, не более того, и ты вырастаешь размазней, и этот жестокий мир готов сожрать тебя, заглотать, разжевать, размолоть и выплюнуть как мерзость. Вот что такое жалость...

В детстве и юности, кто бы и как бы ни обидел меня, я никогда не жаловался. Не потому, что с таким уж твёрдым характером, просто некому было жаловаться. В доме не было ни одного мужика. К тому же я старший среди детей. Кому жаловаться-то?..

Известно расхожее: понять значит простить. Видимо, не так-то уж хорошо, что научился понимать и прощать. Ведь не всякого можно и нужно прощать, а я прощаю всех подряд и каждый раз возвращаюсь на круги своя: мне делают подлость – я прощаю, и снова делают подлость – и так без конца. Я переругался со всем светом, чтобы сохранить самого себя, свою внутреннюю суть в цельности – и потому надо писать и писать, иначе всё коту под хвост. Я не знаю, чего я стою, однако я знаю, вижу, понимаю, чего стоят многие из моего окружения, и это моё понимание убеждает меня в том, что всё же и о себе я кое-что разумею.

Едем в поезде. Все в вагоне спят. А я сижу у окошка. Потихоньку рассветает. Состав останавливается на каком-то степном полустанке. Наступает тишина. Но тишина в вагоне не бывает полной. Вон из соседнего купе доносится могучий мужской храп. Вон на верхней полке нашего купе златовласая девушка во сне что-то жаркое зашептала. Вон жена моя выпрастывает из-под простыни руки и с хрустом в суставах потягивается. Вон снаружи раздаются какие-то невнятные женские голоса. Я с интересом выглядываю в окошко. Неподалёку несколько невзрачных домиков. Четыре часа утра, а там все встали,

коров выгоняют, тихо переговариваясь. Ничего вроде примечательного, но на душе отчего-то так покойно и радостно...

ИМЯРЕК

По-настоящему злые люди обычно редко скандалят – коль сами не хотят скандала. Возьмём хотя бы моего давнишнего приятеля прозаика Имярек. Он никогда не расслабляется. Всегда в напряжении, всегда собран, как бы сжат до предела. Всегда ждёт от жизни какого-то подвоха. Всякого человека подозревает в чём-то неприглядном. И всех ненавидит, как живых, так и мёртвых. Рядом с ним, находясь в одной комнате или гуляя по городу, постоянно ощущаешь его ненависть и злобу ко всем без исключения. Как бы он ни улыбался, какие бы добрые слова ни говорил, это ощущение не исчезает.

Есть писатели, умеющие писать о чём угодно и писать очень хорошо. Задай только тему. Писать таким авторам – по большому счёту – всё равно о чём: у них не бывает своих тем. Как не бывает у них ни судьбы – ни личной трагедии. Они всегда разрабатывают чужие темы. Они идут от культуры. От литературы. Таков, в общем, и Борхес, и По, и Свифт, и мой приятель Имярек, и многие, многие другие.

Имярека – того, к которому я как-то относился, с кем считался, общался, во многом я сам сотворил для себя. Он тоже, конечно, старался, подстраивался под меня, под мои представления о жизни. К примеру, зная, что я не изменяю жене, он тоже говорил, что не изменяет жене, а после оказывалось, что не пропустил ни одной, переспал со всеми, с кем можно и с кем нельзя. Я любил свою малую родину, и он клялся и божился в любви к своей малой родине, в то же время проза его сочилась ненавистью и презрением к своим землякам.

Но как свободно, как ветвисто, как насыщенно Имярек умеет вести повествование. Как здорово владеет языковыми, сюжетными, стилистическими хитростями. Но всё равно он пишет исключительно мастерством. У него работают голова, память и рука. Ни одного рассказа, ни одного абзаца, ни одной строки им не написано сердцем, чутьём, интуицией. При всём умении его проза всё же очень старательно организованная стихия. Хотя иные куски написаны с такой виртуозностью, что дух захватывает. Его проза – литература злого, ненавидящего ума, и он может писать, сколько ему хочется и как захочется. В литературе он может многое, почти всё, за исключением самой малости: он не может быть художником Божьей милостью.

Более того, у него всё та же махровая советская литература. Единственная разница: приверженцы социалистического реализма были ангажированы известной идеологией, а Имярек всего лишь её отсутствием. Он тоже пишет то, что нужно новым литературным законами. А им нужна пустота. Им нужна беспринципность. Им

нужно отсутствие любви, сострадания, тепла, доброты, света, красоты. Нужна пустая игра в литературу, и он это легко и не без удовольствия делает.

По своей натуре, по душевной сути, конечно, он не злой. Он зол умом, соображением, соотношением себя с другими. Он не злой – он озлобившийся. У него чересчур болезненное самомнение, и часто все его поступки нелепы, все претензии смешны и, как у ребёнка, себялюбивы. Иногда складывается впечатление, будто он ещё и не жил на этом свете: всё делает как бы с чистого листа и с такой бездарностью, с таким отсутствием опыта, что диву даёшься. К примеру, он родился и вырос в русской деревне, но не умеет чистить картошку. Казалось бы – чего проще, а вот такой безрукий...

ЗАПАХ ЖАРЕННЫХ КАШТАНОВ

Этот человек слывёт всезнайкой и, как всякий всезнайка, мало в чём понимает толк. Помнится, как Георгий Витальевич Семёнов говорил о нём – тогда ещё начинающем писателе:

– Я этого парня боюсь. Он всё-всё на свете знает: все химические формулы, все математические уравнения, теоремы, все законы физики, все философские течения, всю мировую литературу, историю, географию. Дураком себя чувствуешь – так он давит на тебя своей информированностью. А проза его – нет, о ней лучше не будем...

В 60–70 годы читающая публика в нашей стране жила, больше сличая своё существование с литературой, нежели с самой реальной действительностью или с каким-то конкретным представлением о достойной жизни. Литература значила гораздо больше, чем всё остальное.

У Фазиля Искандера разговор о вернувшейся с фронта лошади, о том, что она порченная, никуда не годится.

« –... У ней гордость убили.

– Какую гордость? – спросил я.

– Ясно какую – лошадиную... »

А ведь у нас, у многих и многих людей, то же самое. Лично я, мне кажется, за последние годы почти утратил гордость. Бываю и заносчив, и самонадеян, и глупо полемичен, но чистая и достойная гордость постепенно исчезает из моей сути.

Мне в юности очень нравилось слово «лингвистика». Только лишь из-за этого слова, можно сказать, в девятом классе я подписался на журнал «Филологические науки», в котором ни одной статьи не прочитал до конца – поскольку ровным счётом ничего не понимал.

Мой приятель-писатель шестидесяти лет сказал о радостных женских столах-воплях во время любви:

– Да все они притворяются. Ничего такого от природы не бывает...

Я с удивлением оглядел его. Он ведь всю жизнь считался любовником-искусителем. Боже, это какие же женщины ему попадались или каким же любовником он был!..

Мой школьный учитель Георгий А. в пятидесятые годы прошлого века учился у отца нашей невестки, и отличался он, Георгий А., надо сказать, чересчур пытливым умом, а отец нашей невестки – известно, крестьянин крестьянином по духу и по образу жизни – понятно, каким он мог быть учителем (кстати, до недавних пор я почему-то считал его учителем биологии, оказалось, нет, историком числился). Так вот, Георгий А. начиная с первого сентября что ни урок доставал учителя всевозможными вопросами. Тот не сразу отвечал на вопросы, да и не мог ответить по скудости своих знаний, приходил домой и часами рылся в книгах, готовя ответ для любознательного ученика. Считай, всё своё свободное время просиживал за столом. А у него огромная семья, большое хозяйство и множество всяческих прочих забот. И однажды он не выдержал, оставил ретивого ученика после уроков и поговорил с ним начистоту: дескать, ты дашь мне, такой-сякой, кусок хлеба заработать?.. Я же днём и ночью мучаюсь над твоими вопросами, а у меня пятеро детей, у меня ореховый сад, огород, скотина – и всё это требует рук!.. А я всё сижу за книжками – виданное ли дело!..

На турбазе не в меру экзальтированная женщина с нами на рыбалке: – Ой, как вы так можете – живого червя на крючок? Ему же больно. Ой, я не могу смотреть на такую жестокость. Как вы только можете? Нет, я не могу, пойду лучше телевизор посмотрю...

А в телевизоре по всем каналам мордобой и убийства, море крови и океан слёз...

Моя мать одна, без мужа, вырастила пятерых детей. Я её первенец, и я часто и со многими людьми говорю, что я горжусь своей матерью, что я не достоин её, что я мало чего стою по сравнению с её судьбой и с её самопожертвованием ради детей. Но однажды один человек на малой моей родине возразил мне:

– Да чего ты всё прибедняешься! – сказал он. – Тем, что ты сделал и делаешь, ты с лихвой искупил все муки твоей матери.

Моя мама всех военных без разбора называет военками. Да и то: она ведь, кроме военкомата, и не видела никаких военных учреждений. Одиннадцатилетней девочкой провожала отца своего на фронт, после молоденькой женой снаряжала мужа в армию, затем деверей, двоюродных братьев, наконец, сыновей, одного за другим, и ещё многих, многих близких мужчин...

Мать моя очень деятельна. Всякое безделье угнетает её. Я же – совершенная её противоположность: малейшая деятельность удручает меня и вышибает из равновесия. Попросту бесит.

В малом возрасте мне нравилось, как от мужчин пахнет, это мог быть и запах табака, и запах одеколона, если он шёл из парикмахерской, или просто запах пота от хорошо поработавшего мужчины...

В те годы я очень любил разглядывать лица людей. Особенно лица мужчин, наверное, потому, что у женщин больше других достоинств во внешности, у мужчин же все достоинства и недостатки сосредоточены преимущественно именно в лице. У мужчин лица гораздо интереснее.

Мне кажется, вся моя нынешняя городская жизнь не стоит одного осеннего дня на моей малой родине: вставал ранним утром, шёл к каштановому дереву и собирал опавшие за ночь каштаны, омытые росой и блестящие так, будто лакированные, и засовывал в карманы штанов. Придя домой, садился возле жестяной печурки и ножичком слегка надрезал каждый каштан и раскладывал на раскалённой поверхности печки. После замирал в предвкушении дивного лакомства, ловкими касаниями пальцев переворачивая каштаны.

Ах, знаете ли, друзья, как потрясающе вкусно пахнут жареные каштаны!..

Мне всего лет шесть или семь. Сажу на веранде и слышу похоронную музыку кларнета – и с отчаянной болью сжимается сердце, и глаза мои непроглядной мутикой заволакиваются. Откуда эта боль и эти слёзы – я ведь тогда ещё не знал, не переживал смерть человека?..

Хоронят Шюкэси Вазена. Он умер от чахотки. Я его видел почти каждый день. Возвращаясь вечером домой, он проходил мимо нашего дома и, часто останавливаясь, начинал надсадно кашлять, сотрясаясь худющим телом. Между тем многие считали его опасным человеком, поскольку за пазухой он носил страшный нож-бейбут и всякого, кто не поглянется, мог запросто зарезать. Так говорили взрослые. Но я его не боялся, мне было жалко Вазена, когда он кашлял, выхаркивая свои лёгкие, и когда встречался со мной взглядом, то его землистого цвета суровое лицо смягчалось какой-то виноватой улыбкой..

Мне кажется, иногда я испытываю то же самое, что испытывает семя, почка или злак какой, лопаясь, с муками прорывается к свету, к продолжению жизни. Или как из яйца с великим трудом вылупляется цыплёнок, пробивается к первому глотку воздуха и, пробившись, мгновенно начинает взмахивать ещё мокрыми слизистыми младенческими крылышками, торжествуя, что оказался в этом прекрасном мире...

Вроде все нынче получили свободу – никаких ограничений: делай что хочешь. Но нет же – не всё и не всегда получается. Оказывается, труднее всего обрести подлинную свободу именно сегодня. Ибо истинная внутренняя свобода человека не имеет ничего общего с внешней свободой. При внешней свободе можно заработать кучу денег и купить, к примеру, себе роскошный автомобиль или построить огромный особняк. Но нельзя, к примеру, взять и влюбиться. Нельзя

сесть и написать хороший рассказ или стихотворение. Нельзя выйти на улицу, разговориться с нечаянным прохожим и бескорыстно подружиться с ним. Поскольку за последние годы из жизни постепенно уходит доверчивость, стало быть, уходит и возможная интимность между незнакомыми людьми, как бывало раньше: случайно познакомишься с человеком, и он всем своим сокровенным поделится с тобой, и ты поделишься с ним. Вот какие – так сказать – парадоксы рождает наше время...

Когда-то учились с ним в одном классе. Тогда он был тих, незаметен, скупен. Но здорово умел шевелить ушами. Со всей школы сбегались смотреть, как ловко он двигал ушами. Сам при этом оставался серьёзным и деловитым. В те годы это было, пожалуй, единственное его достоинство. А сейчас он, считай, на белом коне. Сейчас он богат, самоуверен, всегда весел и речист. А я помню, к примеру, урок зоологии. Как он вышел к доске рассказывать о насекомых и сразу выложил:

– Несакомые...

И класс грохнулся в хохоте.

– Что-что? – спросила учительница.

– Как что – несакомые! – ответил он уверенно.

– Ну и кто они – несакомые твои?

– Ясно кто: комар, мух, пчёл и ещё кое-кто.

– И что же дальше?

– Летают и кусают.

И замолчал – ни слова больше не в силах добавить. А класс всё покатывался от хохота.

Не однажды замечал: девушки менее стыдливы, чем юноши. Самая обыкновенная девушка, если понадобится, может запросто раздеться – особенно если она хороша собой – в присутствии юноши. А юноша – не сможет, во всяком случае, не всякий юноша сможет обнажиться при девушке. Да и в дальнейшем – то же самое: всем известно, к примеру, что очень многие женщины нагишом ходят по квартире. А теперь вообразите себе мужчину, разгуливающего по дому в чём мать родила...

Если женщина хочет раздеться, если она хочет для вас раздеться, она разденется тут же, никуда не укрываясь и ничем не прикрываясь, разденется, стоя пред вами, ничуть не смущаясь или делая вид, что не смущается. Она будет демонстрировать вам себя – своё тело – свою самость. Не в этом ли, впрочем, предназначение женщины: вот, мол, я, вся какая есть для тебя – бери и владей...

Женщине нравится, когда её телом любитесь мужчина. Она полнее себя чувствует – полноценнее, когда ею любятесь. Иначе – она оскорблена, иначе – она уродина, иначе – жизнь ей не жизнь. Поверьте мне. Я знаю, что говорю. Если я не прав, пусть девушки или женщины мне возразят. Но – не мужчины. Мужчины в этих вопросах более всех лицемерны...

Известно, что красивые девушки в подружках предпочитают иметь дурнушек – тогда она, красавица, всегда в центре внимания. Между прочим, я заметил, это устраивает и дурнушку. Благодаря подружке-красавице на них обращают внимание и к ним липнут красивые молодые люди. Конечно, дурнушка терпит муки, дурнушка всегда в сомнениях, всегда в ожидании, всегда боится подвоха. Дурнушка – почти всегда несчастна, и в ней постоянно происходит незримая внутренняя работа. Дурнушки бывают очень умны. Из них со временем вырастают мудрые женщины. В частности, я знаю женщину, внешне похожую на доску-горбыль. Но как она интеллигентна, как умна, какое у неё сердце, какая душа!..

С приятелем ездили на кладбище, на могилу его матери. Стоял морозный зимний день. Обильный снег кругом лежал, и колючий ветер задувал. Устроились кое-как, отворачиваясь от ветра, за маленьким металлическим столиком, разлили водку в стаканы и помянули покойную. Закурили и стали оглядываться: кругом бело и людей совсем нет – слишком холодно всё ж. Вдруг видим: целая стайка воробушков подлетела к нам, прыгают по оградкам, памятникам, крестам, чирикают, то отлетают, то подлетают совсем близко. Мы стали им крошить хлеб – и поднялся такой весёлый птичий переполох! Что любопытно, очень скоро воробушки наелись и разом все улетели, точно поняли, что негоже в таком месте сильно надоедать людям, и оставили нас в покое в нашем горестном раздумье.

ВСЁ НЕЙМЁТСЯ

Я очень люблю кошек. Не вообще кошек, а тех, которые у нас жили. Одна и сейчас есть. Люсей зовут. Девственница, хотя ей уже пятый год. Никогда не была на улице. Только однажды прошлой зимой я вынес её во двор, увидела белый снег и таким матом заблажила, так заверещала, уцепившись коготками мне в плечо, что я быстрее занёс её обратно в квартиру.

Ещё она любит целоваться. Происходит это действие таким образом. Жена говорит: «Люсь, пойдй поцелуй папу, мясо тебе дам». Люся подходит ко мне, лезет на колени, передними лапками цепляется за футболку на моей груди и, вся вытянувшись, трётся мордахой о мои щёки. Потом спрыгивает на пол, идёт к холодильнику и ждёт обещанного мяса, всё оглядываясь на жену. Но жена не торопится, слегка издеваясь над ней, и кошка опять лезет ко мне целоваться. После снова к холодильнику. Так повторяется не раз и не два, наконец жена уступает, швыряет ей на пол положенный кусочек мяса. Моя мать, гостя у нас, как увидела такое, воскликнула:

– Да вы сумасшедшие – и вы, и ваша кошка! Сроду такого не видала. Как вы её научили?

Я и не помню, когда и как это началось. Просто я уверен, что кошки гораздо умнее, мудрее собак, но они не выпячивают себя. Мудрость всегда скромна и молчалива, незаметна. Впрочем, Люся

весьма капризная кошка, балованная. К примеру, речную рыбку не ест, подавай только морскую. Да много чего о кошках можно рассказать. Я раз десять, если не больше, писал о них в своих книгах. Но мне всё неймётся.

Алиска тоже была домашней кошкой – не знала ни улицы, ни котов, то есть прожила свою кошачью жизнь старой девой. Помню, как однажды жена завела в квартиру соседского кота, но наша Алиска такой шум подняла, так визжала, вся ощерившись, и так насканивала с когтями на бедного кота, испуганно сжавшегося в углу прихожей, и всё это до тех пор, пока не выпустили кота обратно за дверь.

Только тогда Алиска чуток успокоилась, хотя ещё долго то и дело с недоверием выходила в прихожую, осторожно подходила к двери и всё мяукала, как бы жалуясь на такое наше вероломство: как же, на её родную территорию пустили какого-то кота.

Так она жила – без улицы и без положенного по природе кота, и всем была довольна. Впрочем, раза два в год та же самая природа давала о себе знать, и Алиска начинала орать днём и ночью, всё носилась по квартире, не находя себе места, случалось, опрокидывалась на пол и каталась на спине, не переставая орать и стонать. Жена теряла наконец терпение, отправлялась в зоомагазин и приносила необходимые кошачьи капли, и очень скоро Алиска успокаивалась.

Её всегда отменно кормили, время от времени купали в ванной в тёплой воде и с шампунем, и спала она исключительно с моей женой на одной подушке, верно, считала жену то ли матерью, то ли единственной подружкой, а может, и то и другое вместе.

Надо сказать, что она была красивой кошкой, наполовину сиамская, худая, стройная, преимущественно белой масти, только кончики ушей и хвоста чёрные.

Такая вот дивно красивая и всеми любимая кошечка как-то захворала: совсем перестала есть, что ей ни подавай, и целыми днями ходила и жалостливо мяукала.

Жена понесла её к врачам, благо недалеко от нас зооветеринарный институт. Там её обследовали и обнаружили рак матки и сказали, что околет, если не прооперировать. Она уже в возрасте была, девятый год шёл, и по уму надо бы просто усыпить её, чтобы не мучилась. Но жена моя согласилась на операцию, за что заплатила две тысячи рублей.

После операции трое суток кошка находилась в реанимации, организм её за время болезни резко ослабел, систему с витаминами ставили и прочее, прочее. За это время по совету врачей жена сшила ей что-то вроде жилетки-бандажа, чтобы она не зализывала рану со швом. Принесла Алиску домой в специальном кошачьем контейнере и в этой жилетке.

Нашу кошку нельзя было узнать. Страшно худая, со свалывшейся шерстью, с истекающими глазами, она медленно, пошатываясь, ходила по квартире, пытаясь обнюхать родные углы, и то и дело валилась от слабости набок. Однако на другой день вроде чуток ожила, начала понемножку что-то есть, и нам казалось, что она поправляется.

Хотя, конечно, это было мучительное зрелище – видеть, как она привычно разгоняется, как и прежде, чтобы запрыгнуть на пианино, но не хватает сил допрыгнуть, с костлявым стуком срывается на пол. А ночами постоянно стонет, поминутно вздрагивает и что-то внутри у неё хлюпает.

Так длилось несколько дней. Потом как-то в третьем часу ночи вышла на кухню, а я не спал ещё, сидел себе и что-то читал. Алиска посмотрела на меня слизистыми, мутными глазами, жалобно мяукнула и попыталась потереться мордочкой о мою ногу, но не смогла – повалилась набок, закатила глаза и затряслась в конвульсиях. Я кинулся, разбудил своих, и вот на наших глазах в течение 10–15 минут Алиска в чудовищных муках померла...

**Вадим
ГОРИНОВ**

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЕСНЫ

***

Уехать бы в Питер. Хоть *на* день.
Сорваться с петель.
Увидеть себя бесшабашным, бездомным, влюблённым.
К скамейке на Марсовом поле, к – повсюду – воде.
К губам, приоткрытым по-детски, сухим и солёным.
Когда-нибудь выбраться из суматошной Москвы,
Из праздников пьяных, от множества ставших привычкой
Общений (ведь не о чем!) ваты – обратно и ввысь.
В уют пирожков привокзальных – полночных, отличных.
Родиться бы заново в этом побеге от всех
Бессонниц, бессмыслиц, на сердце налипших слоями.
А чуточку позже, быть может, вернуться совсем
В осеннюю улицу, в детство с его тополями.

***

Немного сыра и дешёвого вина
И – быть бы рядом.
А чуть тому назад – казалось нам –
Так много надо.
Весенним переулком – на закат,
Лет через тридцать
Откроется простое. А пока –
Молчит и длится.

***

Хожу, дышу – ещё не тридцать.
И помнит лес, и пахнет гриб.
И почему бы не влюбиться
Опять – в неполные свои.
И отчего не рассмеяться:
«Не так уж вправду страшен чёрт».
И солнце жаркое: двенадцать.
И сердце тёплое ещё.

-
- Вадим Горинов родился в Москве в 1963 году. Окончил Московский авиационный институт. Автор трёх поэтических сборников. Печатался в журналах «Смена», «Слово-Word», а также в «Литературной газете». Живёт в Москве.

***

Бродить по улицам, мечтать.
Шататься без руля и смысла
Бог знает где... Уж лучше так,
Чем дома на диване киснуть.
Уж лучше ветер и зима,
Попеременно – снег и слякоть:
Когда подует, будто март,
Когда метёт и крутит всяко.
И вспоминаешь, что живёшь,
Что есть дела важней и проще,
Когда торжественно идёшь
Распахнутою снежной рощей.
Выходишь на трамвайный круг –
На звон, на перестук, на память.
И, просветлённый, имя вдруг
Роняешь лёгкими губами.

***

Идёшь, и сердце прыгает.
Совсем по-детски светится.
Над страхами, над рынками –
Как будто вверх по лестнице.
Внезапною свободою –
Колотится – разбужено.
Вершащейся: так вот оно!
Вокруг – высокой службою.
На волю – с детства – пленником:
Нахлынуло – и узнано
По точному продлению
Во сне звучавшей музыки.
Чутьём глубинным: истинно –
Из множества просеяно,
На свет пробилось листьями
И песнями весенними.

***

Любовью пишется легко:
Одним штрихом, одним дыханьем.
Наверно, не было стихами
Всё, что писалось до сих пор.
Какой подарок к Рождеству:
Помимо праздничного снега,
Понять, что я поэтом не был,
Прийти к такому – самому.
Как будто свежим ветерком
Дохнуло ласково и томно.
Душа открыта и огромна:
Прими опять учеником!

***

Начинать с: «Люблю тебя» –
Счастье настоящее.
Утро. Небо – в голубях.
Ты – в окно смотрящая.
Легче тихие слова
Шарика воздушного.
Та же, вроде бы, кровать,
А касались душами.
После – за полночь – дождя
Так дурманит марево.
Двое рядышком сидят
В мире, им подаренном.

***

Вот так бы и состариться –
В безделье и любви.
Расслабленными пальцами
Знать волосы твои.
Расставленными вехами
Промахивать года.
И душу – так же нехотя –
Берущему отдать.

***

Привет тебе, четвёртый месяц,
Безвластия несколько недель,
Ручьёв воркующая песня,
Снегов безволие, слов капель.
Асфальта блещущее блюдо,
Деревьев медленные сны.
И – сердцем – невозможность чуда
И неизбежность – вновь – Весны.

***

А нужно просто правду
Вновь говорить учиться,
Чтоб захотела радость
Опять во мне лучиться.
И чтоб проснулся новым
Ребёнок, крепко спящий,
И снова в мире чтобы
Всё стало настоящим.

***

Мне хватит кусочка стола –
В нём мир отражается целый.
Здесь звуки цепляет игла,
Здесь смотришь как в прорезь прицела.

Охота, погоня, война,
Любовь к покорённому звуку –
Как нежно умеет она
Направить ведомую руку.
Чтоб снова возникли значки
Из хаоса многих звучаний
Простым продолженьем руки,
Вселенной моей окончаньем.

***

Наслаждение. От воды,
От восторженного – умыться.
И расходитя тихий дым,
И дорога с пригорка длится.
И разгадывать облака
Так легко, по траве шагая,
Если детством живёшь пока,
Ничего ни о чём не зная.

***

В поисках счастья, в поисках Бога.
(Есть же, наверное, где-то они.)
Мне ведь и нужно в общем немного.
Просто немного нужно любви.
И догадаться будет нетрудно.
Сердце почует прежде всего.
Так и брожу я в поисках Чуда,
Веря в него и не веря в него.

**Елена
КОМАРОВА**

СТРАДАНИЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ В СЛОВО...

***

Подари мне фамилию эту
И присядь перед дальней дорогой.
Есть ценнее подарки на свете,
Только мне даже этого много.

Подари мне фамилию эту
И – прощай! Возвращаться не надо.
Мне хватает тепла от рассвета,
Хватит золота от листопада.

***

Пора. Приходится прощаться.
Спешим мы к новым переходам.
Прощайте, время и пространство.
Пренебрегая постоянством,
Мы выход спрячем за уходом.

***

За гранями существования
Иное встретим мирозданье.
Там нету «быть или не быть»,
Там всё одна спаяла нить.

Там из корней основы брэнной
Растут сады другой Вселенной.
И машет, машет ближний твой
Тебе счастливою рукой.

-
- Елена Евгеньевна Комарова родилась и живёт в Саратове. Окончила филологический факультет СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Работала журналистом. Публиковалась в межвузовских научных сборниках. В литературно-художественном журнале печатается впервые.

***

Я изменилась, но ничто не изменилось,
Хоть говорят, что мир находится в движенье.
Такою же осталась очевидность,
Не поменяла даже выраженья.

Как теннисные мячики над кортом,
Заложниками вечных траекторий
Летают дни в пространстве этом стёртом
Туда-сюда, как бабочки в неволе.

Искать на ощупь сущее и сущность –
Загаданная недругом немилость.
Скользит из рук луч, истину несущий.
Наверно, это я не изменилась.

***

Почему ты не такой, как мы?
Почему не любишь пенье хором?
Почему ты мёрзнешь под забором
И боишься наших разговоров
Больше, чем суммы или тюрьмы?

***

Вроде бы и уходит, а всё равно остаётся.
Жалуются, что трудно быть сразу в двух местах.
Легче б договориться – не быть, а просто присниться.
Только б не перепутать эту и ту страницу,
Не затеряться странником навечно в снах и мечтах.

***

Продолжается прошлая жизнь
За границами слуха и зренья.
Где-то тень на экране дрожит
Давних дней, приведённых в движенье.

Оторвётся лоскут, и впотьмах
Кто-то скажет: «И надо ж – приснилось!»
Кто-то скажет: «Проходит весна,
И опять ничего не случилось».

***

В мире, где никто не улыбается,
Где кострами вера укрепляется,
С рвением один другого судит –
Осторожно. Двери закрываются.
Следующей станции не будет.

***

Быть и не быть, с союзом «и», не «или».
Зачем два состоянья разделять?
Как плюс и минус, счастье и несчастье,
Как жизнь и смерть – союз не разорвать.

Хоть целое бывает меньше части,
Но друг без друга им не обойтись.
Бегут две параллельные прямые,
Чтоб в точке искупления сойтись.

***

Не скрипнет дверь, не упадёт звезда.
За что такая тишина даётся?
По всей планете встали поезда,
Такси уходят только в никуда,
И нить орбиты, кажется, порвётся.

До точки невозврата путь пролёт,
Широкий путь, как в Библии писалось.
Из тысячи оставленных дорог
Одну верни мне, милостивый Бог.
Одну – и хватит. Этакая малость!

***

И постучишь в мою ты дверь,
Устав от долгих переходов,
От унижений и потерь,
Ноябрь принявши за апрель,
Не веря в благость исхода.

И я скажу: «Открыта дверь
И для тебя, и для другого.
Меня давно здесь нет, поверь.
Любовь горит свечой теперь,
Страданье превратилось в слово».

***

Снятся мне какие-то квартиры
Этого или иного мира.

Если там всё так же, как и здесь –
Или мало нам того, что есть?

Если ж там не будет ничего –
Для чего всё это? Для чего?

***

Давай пройдем по Млечному пути.
Разлука, встреча – смысл у слов утрачен.
Мне трудно думать и любить иначе:
Земные фразы ничего не значат,
А неземных пока мне не найти.

***

Как молодость без красоты,
Пуст и напрасен день дарёный.
Бредя дорогой разветвлённой,
Как Цезарь, скажешь обречённо:
«И Ты, о Господи, и Ты».

***

О Господи, в Твоих садах
Валяться на траве бы вечность.
Зачем Ты создал человечество?
Чтоб тосковать о бесконечном
В аккордах, книгах и холстах.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**Гульсара
ТУКТАРОВА**

НЕБА СИНЯЯ ВОЛНА

ПЕРЕКРЕСТЬЕ

Все листья разом опадут,
Оставшись в памяти древесной,
И кажется, я пропаду,
И кажется, я не воскресну!

И страшно: вдруг не ляжет снег
На слякоть пустоши лучисто,
И серый берег серых рек
Не разбежится серебристо...

И неужели сердцу в такт
В тоске невыносимо долгой
Петь одиночество в стихах,
Как пела преданная Сольвейг?

За крестик медный на груди,
Такой сквозной и невесомый,
Держусь всей силою любви
И верю в дух и облик новый.

-
- Гульсара Сагиндыковна Туктарова – поэт, прозаик, публиковалась в журналах «Волга–XXI век», «Возрождение», в альманахах «Чувства без границ» (Москва), «Нетерпеливые строки» (Саратов). Член поэтического клуба «Диалог» (Саратов), автор поэтических сборников «Пять лепестков лотоса», «Страница». Победитель областного турнира поэтов (2011), лауреат Гран-при Алексеевских чтений 2013 года в номинации «Поэзия», лауреат Гран-при творческого фестиваля «С верой, надеждой и любовью» (2013). Руководитель Литературного клуба «Возрождение» (ЗАО Светлый). Главный редактор литературно-художественного журнала «Возрождение». Ответственный секретарь Ассоциации свободных поэтических объединений Саратовской области. Член Союза журналистов России.

КАКАЯ ЕСТЬ...

*Какая есть. Желаю вам другую,
Получше.
Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики...*

Анна Ахматова

Какая есть. Другой уже не буду.
Рассвет застанет снова над строкой.
Ночь надо мной живительно безлюдна,
Лишь музыка плывёт в тиши рекой.

Несметность как бессмертие – без края
Бежит из жерла вечного огня
И звёздной рябью по земле играет,
Чтоб кануть завтра в океане дня.

Но тонкий круг, заметный лишь немного,
Не ляжет больше шёпотом на дно,
И спросится по мере самой строгой
За волшебство, что под залог дано.

Послушница, раба упрямой строчки,
Иду по свету вечного огня..
Другой уже не буду, это точно!
Не станет строк – не будет и меня.

***

Вошла я в дом, хлебнувшая тоски,
Отца просила: «Господи, спаси!»
Во мне, казалось, не осталось сил,
Но чудо сотворилось: Он простил.
Семья встречала – ласкова, добра,
Здесь были каждый брат или сестра,
И мать следила с радостью в очах
За мной, согретою в солнечных лучах
Любви. Любовь жила во всём,
Она во мне росла как снежный ком,
С высокой покотившийся горы
И обезжавший белые дворы.
И музыкой заря во мгле была,
Перерастая Словом сумрак зла.
И уходила смуглая Агарь
В пустыню ненадёжную, как встарь.
И Сарра молча ей глядела вслед,
Вновь в имени моём встречая свет.

ПЕРЕСМЕНКА

Деревья ослепительно черны,
А снег, как никогда, лучисто-бел.
Штрихи весны отчётливы, верны,
И почерк до отчаянности смел.

Дыханье за отмеченной чертой –
Зимы усталой длинные лучи,
А ей вослед, пугая чернотой,
Орут как оголтелые грачи...

Часы спешат к победному теплу –
Зима плечом касается весны,
Печально замыкая тайный круг...
И некогда досматривать нам сны.

БАРАБАНЩИК

Моей дочери Римме посвящается

Бьёт небесный барабанщик
Песню пламенной души,
И весна приходит раньше
Из неведомой глуши.

Руки-бабочки взлетают
Над безумной суетой,
И плывёт по луже талой
Ломтик солнца золотой!

Юность тонкая, как лучик,
Пробивает жаркий лёд:
Верьте, верьте: будет лучше,
Всё печальное пройдёт!

А весна, совсем девчонка,
Обнимается со мной,
Согревая дробью звонкой
Шар застуженный земной.

НЕБА СИНЯЯ ВОЛНА

Неба синяя волна
Омывает сердце, руки,
Протекают сквозь меня
Краски, запахи и звуки,
Колокольный красный звон,
Трепет солнечной речушки...
То я с мячиком девчушка,
То – старушка у икон.

ЗАБРОШЕННЫЙ ХРАМ

Сколько на Руси таких церквушек:
Брошенных, дряхлеющих, пустых...
Сор-трава дорогу к храмам глушит,
Если позабыли мы о них.

Сколько силы, сколько веры святой
Гибнет в нас, когда стихает звон
Колокольни. Кто же виноватый,
Что спасенье изгоняем вон?

Пусть черны намоленные стены,
Через тернии светлеет лик.
Луч горит любви благословенной
И прощает нас, слепых, глухих.

Тропка пробивается к порогу,
Бузина краснеет за окном...
Гонит сердце смутную тревогу
За Россию на юру крутом.

***

Пропали с криком журавли,
А звёзд горят огни-лампады
Над скорбной памятью земли –
У обелиска за оградой.

От острой боли не вздохнуть
На поздней сердца перекличке,
Перелопаченную грудь
Надежда лечит по привычке.

Она, как бабушка моя,
Всегда добра, всегда приветна,
Благословляя и молясь,
Мне говорит: «Любовь бессмертна!»

**Алексей
ЗАРЕВИН**

ДВА РАССКАЗА

ДОМ

На излёте зимы неожиданно потеплело.

Казалось, конец февраля, быть бы самым лютым морозам. Но с запада подул сильный тёплый ветер, пригнал в город чёрные пухлые тучи, и они стали ронять на снег скупые зимние капли. Дождь буравил лежалые сугробы, превращал их в жёсткую пемзу; тротуары стали опасны, как горные ледники. Прохожие робко ступали на всю подошву разом, придерживались за стенки домов; поругиваясь, обходили опасные места, огороженные полосатой лентой с наклеенными бумажками «Осторожно: сосули!»

Чёрт знает что, а не климат! Ерунда, а не февраль!

Семён толкнул плечом массивную дверь, поднажал, стал на пороге. Темно, а фонари всё не горят. И ветер, ветер... Тёплый, как парное молоко. Лицу приятно, а тело зябнет. Крыльцо, ступени к тротуару. За тротуаром бордюр, а за бордюром сугроб. Ровный такой сугроб. Это у Степана-дворника манера: снег сгребаёт в сугробы да ровняет лопатой сверху.

С чего бы тело зябнет? Что-то не так. Не хватает чего-то...

«Пальто, – сообразил Семён. – Не хватает пальто!»

На нём нет пальто и шапки, вот он и мёрзнет. Только отчего бы он без пальто вышел? Верно, в гардеробе забыл. Или он пришёл вовсе без верхнего? Зябко...

Семён закрыл дверь и сделал несколько шагов обратно, в вестибюль. Вот гардероб, сюда сдают одежду. Но он не помнил, чтобы раздевался и сдавал пальто. Не было этого. И шапки не было. Но не мог же он прийти в одном только пиджаке, верно? Человек не может разгуливать по улицам в пиджаке по такому холоду. Ах, ну что за голова, что за память?! Без Веры он не жилец. Как хотите, а без Веры ему не прожить. Она всё знает и про паль-

-
- Алексей Александрович Заревин родился в 1974 году в Ставрополе. Служил в Советской армии. Занимался коммерцией. Прозу пишет пять лет. В литературно-художественном журнале публикуется впервые.

то, и про шапку, она только в живописи не понимает, но это и к лучшему. Про живопись он ей объяснит, а она ему – про пальто и шапку.

Семён посмотрел на ноги. Увидел ботинки с узорами соли. Кожа сначала промокает, потом подсыхает, и проступают узоры. Если бы не Дом, то он написал бы узоры, но это после.

После.

Сейчас надо писать Дом. Придёт Вера, ей надо объяснить про Дом. Она, дурочка, никак не поймёт. Ты, говорит, всё дом какой-то пишешь, а лучше бы портреты писал. Семён улыбнулся и медленно направился в мастерскую.

Тихо в училище, сумрачно, пусто. Шаги отдаются гулко. Прекрасное здание! Всякий раз, проходя у крайней правой колонны вестибюля, Семён чуть задерживался, и его переполняли восхищение и благодарность. Он не смог бы объяснить, почему из этой точки ему открывалось всё великолепие замысла мастера, но именно отсюда он видел всё здание разом, как бы изнутри и одновременно снаружи, ощущал лёгкость его, полёт. Видел воздушные арки и бесконечные анфилады с лепниной по необъятным как небо потолкам. Какие линии, какая геометрия! Тридцать с лишним лет назад Семён впервые застыл здесь, не в силах двинуться с места, и выронил мольберт, с которым пришёл на вступительные испытания. Ах, время надежд и упований!

Незаметно он поднялся на второй этаж и услышал ровный басовитый голос. Верно, профессор Лебедев проводит факультатив. Семён на цыпочках подошёл к аудитории и приоткрыл дверь. По глазам ударил яркий свет дневных ламп. Профессор стоял за кафедрой и ровно гудел десятку первокурсников о Возрождении. Белая окладистая борода его и насупленные брови подтверждали серьёзность монолога. Студенты конспектировали.

Семён присел на крайнее место в амфитеатре и стал смотреть на бороду. Удивительная борода! Семён не выдержал, вскочил, крикнул «Браво!» и захлопал в ладоши. Профессор прервал рокот, посмотрел поверх очков, узнал Семёна и произнёс:

– Мнэ... Да. Благодарю вас, Семён Ильич. Благодарю... Однако я заканчиваю и потому прошу вас...

– Да-да! – выпалил Семён. – Удаляюсь! Браво!

Он счастливо засмеялся и вышел.

На душе стало светло и вольготно, и жизнь показалась прекрасной, большой и счастливой. Только вот Вера... Она ведь придёт скоро. Ах ты, боже мой!

Семён прыжками помчался в мастерскую.

Третий этаж, четвёртый... Дверца – как в каморку папы Карло.

Семён включил свет. На мольберте белый ватман, на нём наброски женского портрета. К чёрту портрет! В клочья его! Надо написать Дом.

Вера, милая дурочка, не понимает. Она говорит: писать портреты. Надо ей объяснить, что портрет – это мелочь! Это самое простое, что может написать художник. Писать лицо живого человека – чепуха! – в этом нет магии, волшебства нет. Ведь человек – живой. Уже живой. Его мать-природа сделала живым! Сила Художника в том, чтобы сделать живым неживое!

Вот он стоит, напротив. Чёрт, сейчас не видно: на улице темно, а в мастерской светло – ни пса не видать! Но он там. Камень, кирпич, строительный хлам, цвет был когда-то не то розовым, не то бежевым, теперь не поймёшь. Потёки на стенах, тронутых плесенью. Штукатурка облупилась местами, обнажились жёлтые блоки ракушечника.

Но главное – окна. Вся штука в окнах! Как глаза – зеркало души человеческой, так в окнах – вся душа дома! Глаза, глазницы – полные жизни и пустые... Ох, голова кругом от этих мыслей! Не уловить, не поймать... Семён на секунду застыл посреди комнаты, замер, к чему-то прислушиваясь, потом лихорадочно вытащил свежий ватман, закрепил на мольберте, схватил карандаш и стал рисовать Дом. Ошибка в том, что раньше он пытался маслом, а надо акварелью. Конечно, акварелью – в ней жизнь!

Дверь скрипнула, он оглянулся. В мастерскую почтительно, бочком вошёл сторож Палыч, неловко крикнул и вымолвил:

– Семён Ильич... Не сердчай, пришёл я.. Повечеряй со мной, не побрезгуй. Ты опять тут будешь, я понимаю... Да ведь тяжело одному-то. Вот, вижу, снова Верочку писал...

Он поднял с дощатого пола ватман, брошенный Семёном, положил на стол и стал расправлять помятости. Семён, опустив руки, смотрел на сторожа и думал, что вот есть такой старый человек Иван Палыч. Он чем-то похож на Дом, потому что в нём есть жизнь, а в Верочке нет жизни. И зачем расправлять ватман, если жизни в портрете от этого не прибавится...

– ...Мне Константин Георгиевич сказал, мол, сходи-ка к Семёну Ильичу, проведай, – говорил сторож, – ведь снова примчался в чём был, а? Пойдём, Сёмушка, пойдём. Верочку помянем. Эх...

Семён посмотрел на свои ботинки в разводах соли. В оконном отражении увидел худое бледное лицо, прилипшие ко лбу мокрые волосы. Привычно что-то сжалось в груди, как будто на сердце надели обручальное колечко, и серое, тоскливое отчаяние тихо растеклось по нутру.

– Иди сам, Иван Палыч. Ступай. Я тут посижу, не волнуйся...

– Ну, слава те хосспади, – старик механически перекрестился, – пришёл в себя, милый... Ты вниз-то, ко мне... Повечеряем...

И он вышел, плотно притворив дверь.

Семён повернулся к портрету и тихо всхлипнул.

ВАЛЬКА

В Одоевском городском суде слушалось дело об алиментах.

На месте ответчика сидел Ефим Лукин, крепкий черноволосый мужик лет сорока, с недельной щетиной на широких щеках и суровым взглядом из-под густых бровей. Своим видом он являл оскорблённую невинность и несогласие. Ноги его были скрещены, руки переплетены и уложены на умеренное чрево, на лице читалось презрение с недоумением, ноздри с шумом втягивали и выпускали спёртый воздух зала заседаний.

Истица, немолодая женщина по имени Лизавета, одной рукой нервно теребила кончик платка, другой гладила по волосам сидящего рядом мальчугана.

Мальчугана звали Валькой, было ему от роду восемь лет. Как Ефим, он был черноволос и не согласен: казалось ему, что батю обижают, и виновата в этом мать, которая хочет за здорово живёшь засудить отца. Валька сердился, уворачивался от материнской ладони и глядел на Лизавету с показной досадой. Ещё чувствовал Валька неясную тревогу, что вроде из-за него сыр-бор, и, хотя это факт не очевидный, избавиться от виноватости не получалось. Вот и батя на него не смотрит... Чего не смотрит-то? Это ж мать судит, а он ни при чём!

Отца Валька не знал и почти не помнил. Из всех детских впечатлений осталось ощущение чего-то родного, надёжного. Помнил только, как мать подсаживала на печь, а там его, крохотного, подхватывали большие тёплые руки, укладывали животом на загорелую волосяную грудь и укрывали спину шершавыми ладонями. Валька изо всех сил прижимался к бате, хватал губами твердые волосы отцовской бороды, вдыхал запах махорки и пота, да так, распластавшись, и засыпал.

– Слушается дело... – скороговоркой зачастил секретарь.

В первые дни войны Ефим бросил работу в колхозе, уехал в Тулу, устроился на военный завод и получил бронь. Изредка наезжал домой, но осенью сорок первого Одоев оккупировали немцы, и визиты прекратились. Весной сорок второго Лизавета родила сына, а в сорок четвёртом Ефима всё-таки забрали на фронт, Вальке ещё и двух лет не исполнилось.

Лизавета честно ждала мужа с войны и не поддавалась даже на ухаживания председателя колхоза, которого три месяца оккупации прятала в погребе.

Вернулся Ефим только в сорок седьмом, чужой, неприветливый. Преподнёс китайский шёлковый платок и рассказал, что в городе у него давно вторая семья, а приехал только затем, чтобы объяснить и дать Лизавете полную свободу. Так и отбыл обратно в Тулу.

Месяц Лизавета ревела, выслушивая советы подруг, как отомстить изменщику и его подколодной змее. Зазывали её и к бабке-ворожее, дескать, суженого вернёт, а полюбовнице сделает небо с овчинку; предлагали помощь отчаянных тульских ребят, мол, так отметелят, заречётся на сторону глядеть... Лизавете, однако, несмотря на боль и смертельную обиду, хватило рассудка отмести эти предложения.

Самый дельный совет дал спасённый ею председатель: подавай, мать, на алименты. А чего? Сына растить надо: обусть, одеть, в люди вывести, и всё одна. Если, говорит, решишься, сгоняю в райцентр, всё разузнаю, а время придёт, отвезу в суд на своей машине.

«Судиться с мужем стыдно, это правда, – размышляла Лизавета, – а Валька чем виноват? Отца у парня нет и уж не будет, пусть хоть так...»

В общем, убедила себя принять позор ради сына.

– Ваш ребёнок, Ефим Григорьевич? – спросил судья, когда секретарь замолчал.

Ответчик скосил взгляд на Вальку. Мать шепнула на ухо: «Встань...» и потянула за ворот вверх. Валька слез со стула, хмуро поглядел на батю. Жгучий, нестерпимый стыд разъедал нутро, ведь что люди скажут: отца родного засудил... Ох, горюшко!

Ефим отвёл взгляд и твёрдо ответил:

– Нет.

«Не признал! – ахнул Валька. – Не признал! Как же... Почему?! Мать в город нарядила – сам себя не признаешь. Рубашка в горошек дурацкая, штаны наглажены, а главное – волосы зачёсаны, прилизаны, как у буржуа какого! Как же его такого признать?»

Валька сел на место, убедился, что мать смотрит в другую сторону, быстро взъерошил волосы на макушке, вскочил и выпалил:

– Батя, а так признаешь?

По залу пробежали бабьи вздохи вперемешку с мужицкими смешками. Ефим поглядел на сына, дёрнулся, втянул носом воздух, закрыл глаза, уронил лицо на ладони и резко выдохнул. Лизавета скривилась, закусила губу и заскулила. Судья задумчиво снял толстые очки в роговой оправе, постучал ими по столу, поморщился и тихо произнёс:

– Не стыдно, товарищ Лукин?

В зале повисла кладбищенская тишина, слышно было только муху, стучавшуюся о стекло за тяжёлой бархатной шторой.

Судья снова постучал очками по столу.

– Истица, какова желаемая сумма алиментов?

Лизавета перестала скулить, робко встала, оглянулась, ища поддержки.

– ...адцать ... ать! – донеслось с последнего ряда, где сидела молодая председателя жена. – Двадцать пять!

– Двадцать пять рублей? – вопросительно ответила истица, стоя к судье вполборота.

Судья нацепил очки, переложил какие-то бумаги, нашёл нужную и погрузился в чтение. Через минуту он встал и огласил:

– Постановлением районного суда гражданин Лукин Ефим Григорьевич обязан ежемесячно выплачивать истице пятнадцать рублей вплоть до достижения совершеннолетия их общим ребёнком. Копию постановления направить по месту работы гражданина Лукина.

Солнце заливало пыльные улочки районного центра, кипела белым цветом черёмуха.

Лукин скрутил папироску, прикурил, выпустил носом белый дым.

– Батя!

Ефим резко обернулся. Валька, румяный от смущения, стоял в пяти шагах, мял в руках кепчонку.

– Батя, это всё мамка. Я бы никогда... – отчаянно прошептал он.

– Поди сюда, – сказал Ефим.

Валька приблизился. Вдохнул запах махорки и новый незнакомый аромат крепкого одеколona. Хотел обнять отца, но оробел, только вымолвил:

– Прости, батя...

Ефим провёл ладонью по чёрным волосам и сипло сказал:

– Всё. Иди, мальчик. Ступай.

Андрей
МИХАЙЛОВ

САРАТОВ НА РУБЕЖЕ ПЯТИДЕСЯТЫХ- ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Каким же запомнился мне родной город раннего детства?

Вопреки логике и моей обострённой зрительной памяти – чёрно-белым, как в кадрах кинохроники тех лет. Большая часть улиц была мощена булыжником, только главные и не все центральные имели асфальт и фонарные столбы. Остальные улицы освещались довольно слабыми лампочками с колпаками, напоминающими канотье. Стояли массивные бетонные мусорные урны, а на площади Революции (сейчас Театральной) – красивые чугунные. Кое-где в центре висели огромные уличные часы. На площади перед цирком из закреплённого на столбе громкоговорителя звучали передачи Всесоюзного радио.

На некоторых перекрёстках центральных улиц торчали металлические милицейские будки со стеклянным верхом и конической крышей, выкрашенные серебряной краской; на стальных тросах висели четырёхсторонние светофоры, было их немного. Стояли и другие будки – деревянные, в которых с весны до осени сидели чистильщики обуви. Чистильщики были все в годах, очень смуглые, с какими-то несоветскими лицами. Среди них выделялась одна старуха. Много лет спустя я случайно узнал, что то были потомки ассирийцев – народа, создавшего одну из первых величайших цивилизаций древности.

Запряжённых лошадьми телег было немногим меньше автомобилей. Медленно ступали лошади-тяжеловозы мохнатыми толстенными ногами. Звали их битюгами. Све-

-
- Андрей Станиславович Михайлов родился в Саратове в 1953 году в семье инженеров-строителей. После окончания стройфака СПИ (ныне СГТУ) работал в крупных проектных организациях и на радиоприборном заводе. Более десяти лет отдал охране окружающей природной среды – сначала в институте «Гипропромсельстрой», а затем в Саратовском городском комитете экологии и в городской администрации. Публиковался в журнале «Волга–XXI век».

жие «конские яблоки» можно было встретить где угодно. Во дворах сохранялось немало конюшен, ещё не перестроенных под жильё.

Из автомобилей грузовики составляли несомненное большинство. Среди легковых преобладали «Победы» и «Москвичи», число принадлежащих частникам машин было ещё незначительно. Попадались знаменитые «Эмки» и огромные «ЗИМы» (скопированные по указанию Сталина с американского «Паккарда» модели 1942 года), на которых до появления «Волги» разъезжало начальство. Часто встречались американские, поставленные в годы войны по ленд-лизу: юркие «Виллисы», широкие, мордастые «Доджи». У большинства грузовых мощных «Студебеккеров» верхняя часть фар прикрывалась параллельными земле прямоугольными пластинами, что вызывало у меня большой интерес. Как пояснил сосед дядя Дима, сделано это было в целях светомаскировки: так с воздуха труднее было обнаружить автомобиль по включённым фарам. По городским улицам ездило много трофейных легковушек. Водителей в те годы называли шофёрами, а на дом, коль стряслась беда, вызывали «карету скорой помощи».

Мотоциклы не сильно уступали по численности автомобилям, большинство из них имело коляску с прорезиненным пологом, куда усаживались жёны. Германских мотоциклетов среди них было мало. Впрочем, и лучшие советские были копиями трофейных, как и «Москвич-400» – «Опель-Кадетт» советского разлива. Мотороллеры встречались редко – они только появились. Это уже был «перевод с итальянского». Поездки на такси являлись диковинкой. Трамвайных маршрутов действовало значительно больше, чем троллейбусных. Наряду с более совершенными моделями ходили совсем старые, дребезжащие и скрипучие трамвайные вагоны с дверями по обе стороны.

Мама с папой летом часто уезжали в отпуск куда-нибудь отдохнуть, и я с бабушкой ходил их провожать-встречать на железнодорожный вокзал. Для этого нам с ней требовалось купить перронные билеты, просто так никого не пускали. Незабываемое зрелище: набирающий ход чёрного цвета паровоз с красной звездой спереди, густой дым из трубы, всё ускоряющее вращение красные здоровенные колёса, движимые кривошипными механизмами.

А воздушный транспорт только набирал силу. Летали небольшие «Ил-14» и «Ли-2» (выпускаемые по лицензии американские «Дугласы»). Самолёты гудели над самым центром – трасса проходила вблизи улицы Рахова. Существовала только одна взлётно-посадочная полоса. Высоко в небе над городом оставляли тающий след реактивные самолёты военной авиации с Энгельсского аэродрома. Когда они преодолевали звуковой барьер, раздавался грохот.

Летом все устремлялись на Волгу. Главными местами отдыха был Зелёный остров, пляж на песках прямо напротив набережной и «Ударник», как по имени Дома отдыха называлось любимое горожанами место на левом берегу напротив самого начала Сталинского (Заводского) района, после заполнения водохранилища переименованное в «Сазанку». Отдыхали и на Казачьем острове, куда добраться можно было только на лодке. На Зелёный остров и «Ударник» ходили речные трамваи «Москвич» с открытой верхней палубой и низко

расположенным над водой закрытым салоном, а на пляж – открытые баркасы с деревянными лавками по периметру и крохотной рубкой рулевого по центру, с установленным перед ней мотором Харьковского тракторного завода (ХТЗ). По всем направлениям пускали самоходную баржу «Рекорд». Её знали все горожане, так же, как и единственное мышинного цвета пожарное судно «Самара».

На таком трамвайчике (на фото) мы с бабушкой обычно сидели на предпочитаемой всеми верхней палубе. Особенно здорово было устроиться на скамейке в носовой части.

В выходные уже у пристаней начиналось светопреставление. Людей пускали «порциями», а путь на посадку проходил по периметру дебаркадера – как ещё называли пристани. Отец часто брал меня на плечи – задавить в пружей толпе могли запросто.

Винтовой пароход и речной трамвай «Москвич». Фото 50-х годов

Мне запомнились две поездки. Первая – с бабушкой и маминной крёстной на пляж, где мы расположились у чудной тихой заводи с энгельсской стороны. Вторая же – с родителями на Зелёный. Перед поездкой я был предусмотрительно натёрт мазью от комаров, от которой у меня только что кожа не слезла. Не знаю, как комаров, а соседей по пароходику я распугал точно своими стонами и жалобными вскриками. Было мне года четыре.

Надо сказать, что в то время не было и в помине пляжных кабинок для переодевания. Мужчины, поголовно носившие чёрные семейные трусы, переодевались прямо на пляже: под трусами заранее были надеты чёрные же, большей частью узкие плавки на пуговичках с одной стороны. Закончив купание, мужчины вновь надевали поверх мокрых плавок трусы и, расстегнув под ними плавки, легко снимали их. Просто и удобно. Случалось, что, не имея плавок, купались и в трусах, а закончив купание, выжимали их в ближних кустах. Обычным делом было ходить в трусах на даче, шорты тогда не продавали. На пляже можно было видеть во всей красе и татуировки, или, как их по-другому называли, наколки, порой безграмотные. Но мода на них уже шла на убыль. Помню, как на пляже у дач в селе Пристанное увидел немолодого мужчину с выколотыми на груди церковными куполами без крестов, которых было немногим меньше, чем на храме Василия Блаженного. Через много лет я прочитал, что так рецидивисты отображали число «ходок» в зону.

Волгу бороздили тысячи лодок – в основном вместительные деревянные, но изредка встречались и металлические; тарактелки «гулянки» с трёх- или с шестисильным мотором. Зимой много таких лодок хранилось неподалёку от берега, иногда даже не во дво-

рах, а на тихих улицах перед старыми одно-, двухэтажными домами. Возни с ними было немало: конопатить, шпаклевать, красить, – зато они были устойчивы при крутой волне, что дорогого стоило при внезапно налетевшей буре. Намного меньше плавало дюралюминиевых лодок с подвесным мотором, легко обгонявших деревянных собратьев. Яхт тогда было совсем мало, что немудрено, учитывая их стоимость. Рыбаки часто ходили на вёсельных лодках. А вот надувных резиновых лодок что-то не помню в это время – то ли забыл, то ли их были единицы.

В 1959 году в значительной степени совершилось начатое годом раньше заполнение водохранилища, получившего позже название Волгоградского. От пляжа осталась песчаная коса, Зелёный и Казачий острова более чем наполовину ушли под воду. В это время намыли полосу песка вдоль нижнего яруса новой Набережной, которая ненадолго заменила старый пляж на острове. Полностью водохранилище было заполнено в 1961 году.

На рубеже десятилетий в городе с многочисленных голубятен гоняли голубей, а мальчишки запускали воздушных змеев. Немало находилось любителей походить на ходулях. Смекалистые подростки из досок мастерили себе самокаты, где вместо колёс приспособляли шарикоподшипники. Катились они с жутким грохотом. Другое развлечение – катать по асфальту согнутой на конце толстой железной проволокой ободы велосипедных колёс без спиц. В парках такое не позволялось.

Дорожки в парках и скверах были вымощены мелкодроблёным красным кирпичом. Непременным атрибутом парков были гипсовые спортсмены и пионеры, иногда олени и лётчики. Всего не перечислить. Чуть заметно улыбались с гипсовых сидений гипсовые же Ильичи. Сохранялись и скульптуры Сталина. На сценах эстрадных ракушек перед заполнявшими скамейки зрителями проходили выступления не только самодеятельных, но и профессиональных артистов, собирали зевак городошные площадки. В Горпарке прыгали с парашютной вышки, но эта забава доживала свой век. Гуляющие в Липках по знаменитой аллее читали надписи на постаментах с бюстами писателей и композиторов. На клумбах цвели петунии, бархотки, львиный зев, анютины глазки, скромно белела кашка. По вечерам распускались, благоухая, цветы табака на высоких стеблях.

К услугам гуляющих были павильоны с крупными буквами на дверях. В худшем положении находился горожанин, которому, что называется, «приспичило» вдалеке от места организованного отдыха. Заботясь об удовлетворении всё более возрастающих потребностей советского человека, власти как-то забыли об отправлении естественных надобностей. На городских улицах соответствующих заведений было до боли мало. Особого упоминания заслуживает одно из них, стоявшее аккуратно на месте нынешней проходной областного правительства. Назвать его сортиром язык не поворачивается, поскольку это явилось бы незаслуженной похвалой. Светильник не всегда горел даже по праздникам. Солнечный свет, пробивавшийся через крохотные, никогда не мытые оконца, освещал пол, вступить на который

было просто страшно. К тому же он был так густо присыпан хлоркой, что выедало глаза. Сочетание хлорки с налипшим на пол тут и там природным продуктом рождало огушительное амбре. Слабаки порой отпраплялись искать ближайшую подворотню, ну а мужчины покрепче запоминали это заведение навсегда. Это, конечно, мелочь, но уж очень характерная!

Вечером горожане часто собирались у телевизоров, которые были не у всех. На самые интересные передачи, фильмы иногда приглашались соседи. Многие покрывали выключенный телевизор накидкой – существовало стойкое предубеждение, что иначе экран «выгорает».

Главным развлечением оставалось кино. Попастъ на интересный фильм в выходной день или на вечерний сеанс было непросто, билеты нередко брались с бою, да и в кассах предварительной продажи за билетами на лучшие ленты очередь занимала заранее. Двухсерийные фильмы показывали в два приёма, иногда между показом первой и второй серии проходило время. В кинотеатрах «Победа» и «Центральный» перед началом сеанса играли оркестры, во многих на маленьком экранчике в фойе показывали документальные фильмы. В «Центральном» к тому же в огромном буфете можно было выпить вина, ну, а в «Ударнике» в крохотном буфете, в левой стороне у лестницы, ведущей в зрительный зал, наливали и коньяк, рюмку которого папа любил пропустить перед сеансом. В дореволюционной постройке «Центральном», носившем когда-то имя «Гранд Мишель», мальчишеское воображение поражали стоявшие в высоко расположенных нишах по обе стороны самого большого в городе зрительного зала гипсовые копии античных статуй. Трёхзальная «Победа», открытая в год 10-летнего юбилея Победы над Германией, впечатляла сталинским ампиром, огромными фойе, увешанными крупными цветными снимками любимых народом киноартистов; стендами с рассказами о лучших советских фильмах. Но нас, малышню, привлекал кинотеатр «Пионер», где в основном и шли фильмы для детей. А перед сеансом в расположенном с задней стороны зрительного зала фойе часто выступали школьники с номерами художественной самодеятельности.

На фото цирка за столбом виднеется киоск, в котором продавали мороженое. Справа – торец нашего двухэтажного дома.

Работали и другие, довольно плохонькие кинотеатры. Крохотный «Красный Октябрь» на углу Чапаева и Ульяновской чаще звали «курятником». Под стать ему был кино-

*Цирк до реконструкции.
Фото конца 50-х годов*

театр «Искра» на проспекте Ленина, в квартале между улицами Мичурина и Чернышевского, устроенный в бывшем соляном амбаре. Солиднее выглядел «Рабочий» – на одноимённой улице неподалёку от драмтеатра, куда я часто ходил, так как дальше от центра было проще купить билеты.

Кинотеатр «Летний» (в нём не было отопления) представлял из себя здоровенный деревянный сарай, стоящий в глубине квартала напротив кинотеатра «Пионер». В нём даже отсутствовал потолок и были видны деревянные фермы перекрытия. Как-то во время сеанса на моих глазах с балки с отчаянным «мяу» сорвалась гулявшая по ней кошка и шмякнулась на пол на фоне идущего фильма прямо перед первым рядом.

Билеты проверяли не на входе в сарай, а у ворот расположенного перед ним двора, с клумбами, лавочками и буфетом с правой стороны. В этом дворе в декабре открывался ёлочный базар. Продавали больше ёлки (сосны войдут в моду в 60-е годы). Современного изобилия не было и в помине, иной год покупали со второго, а то и с третьего захода. Сосед дядя Витя даже неказистую ёлку доводил до кондиции, вставляя в высверленные механической дрелью отверстия в стволе подобранные на базаре обломанные ветки.

«Аллея писателей» (хотя в ней были бюсты и композиторов) в Липках, как её называли многие, не пережила вандализма начала 90-х годов.

Аллея писателей. Фото 70-х годов

Хотя было здорово посмотреть интересный фильм, намного большую часть свободного времени многие из горожан отдавали чтению. Со второй половины 50-х годов тиражи художественной литературы значительно увеличились, стали массово издавать зарубежную классику, собрания сочинений, больше стало книг современных западных авторов, появились переводные издания о путешествиях. Стало приоткрываться всё разнообразие мира, идеологические скрепы ослабли. В моём раннем детстве интересные книги нередко лежали на прилавке – книжный бум настал позже.

На 1 Мая и 7 ноября между окнами Главпочтамта вывешивались огромные портреты членов Президиума ЦК КПСС. Дальше всех от оригинала и веселее других был облагороженный лик Никиты Сергеевича. Запомнились своей бородкой Булганин и нерусской внешностью – Микоян. В целом же наглядной агитации было заметно меньше, чем в последующие десятилетия. Время изобилия перетяжек, транспарантов и монументальных конструкций ещё не насту-

Хотя было здорово посмотреть интересный фильм, намного большую часть свободного времени многие из горожан отдавали чтению. Со второй половины 50-х годов тиражи художественной литературы значительно увеличились, стали массово издавать зарубежную классику, собрания сочинений, больше стало книг современных западных авторов, появились

пило. Демонстрации не были столь организованными и парадными, какими они стали в брежневский период. Праздничную атмосферу создавали духовые оркестры, которые были на многих предприятиях, баянисты и гармонисты. День Победы ещё не стал нерабочим днём. На груди фронтовиков звенели медали, блестели ордена. Настоящие. Юбилейные поголовно всем служившим в армии в годы войны тогда не раздавали. После демонстрации под музыку проигрываемых на патефоне пластинок отмечали праздник дома. В головку звукоснимателя вставляли новую стальную иголку, чтобы звук был чище. Я же крутил ручку патефона, взводя пружину. Мне очень нравились вальсы «Амурские волны» и «На сопках Маньчжурии».

Хорошим тоном считалось пить водку не из бутылки с некрасивой этикеткой, а переливать в стеклянные графины прозрачного бесцветного стекла, ну а если в хрустальный – то высший шик! Курили не сигареты с фильтром, а папиросы, которые многие доставали из портсигара.

Всё же праздники были только отдушиной для людей, живших в большинстве своём бедно. Многие, чтобы занять денег, закладывали вещи в ломбард. Там, где сейчас площадь перед новым зданием ТЮЗа, в будке между домами была мастерская лудильщика кастрюль. Обычным делом считалось отдать в швейную мастерскую или частнику для перелицовки старое пальто. Купить хорошую одежду в магазине было трудно. Никто не удивлялся, если на день рождения дарили отрез материи на пошив костюма. В нашем доме жил скорняк, шивший из меха шубы и шапки, кроивший воротники. Ещё не повывелись и работающие частным образом обувщики. Мама вспоминала, какую прекрасную обувь шил ей знакомый мастер.

В грязь горожане надевали на ботинки галоши, зимой – поверх валенок, которые носило большинство. Это было удобно: никто и не думал предлагать гостям тапочки. Главным женским головным убором был платок. Мужчины зимой носили преимущественно шапки-ушанки, а в тёплую погоду нередко – соломенные шляпы. Кепки носили все. Папа, как бывало в то время, переодевался иногда вечером в пижаму. В пижамах же порой и спали, хотя эта традиция уже уходила. Я же, как и мои сверстники, носил сатиновые шаровары с бумажной рубашкой в холодное время, а с безрукавкой – летом. То, что сейчас называют «поло» и «рубашкой с коротким рукавом», в те годы, по крайней мере в Саратове, часто именовали одним словом – «шведкой». А маленькие мальчики носили на поясе лифчики, к кото-

*Двор перед кинотеатром «Летний».
Фото 60-х годов*

рым на застёжках крепились чулки. В своё время эти непослушные застёжки доставляли мне немало мучений.

Минувшая война напоминала о себе множеством инвалидов. Мало кто из них имел инвалидные мотоколяски. Большинство передвигались на трёхколёсных механических открытых колясках с рычагом, как у дрезины. Горше всего было видеть безногих инвалидов на маленьких и низких деревянных платформах на колёсиках, калеки отталкивались от мостовой какими-то чурбачками. А отец рассказывал мне о побоище между инвалидами и милиционерами, свидетелем которого он стал после войны. Оно произошло у главного входа на стадион «Динамо», что в те годы находился между главным входом в Липки и старинным зданием, где сейчас областной колледж искусств. Нищие, большей частью калеки, составляли неотъемлемую часть городского пейзажа. Много их собиралось у Крытого рынка.

Характерной чертой того времени были и шествующие через город похоронные процессии. За медленно едущим грузовым автомобилем с откинутыми бортами покрытого материей кузова, на котором стоял гроб без крышки в окружении венков и цветов, шли родные и близкие покойного, сопровождаемые музыкантами. Что иное могло быть более сильным напоминанием о неизбежном конце? Таких процессий прошло много по Астраханской, совсем рядом с нашим домом, и звуки траурной мелодии были хорошо слышны и сквозь закрытые окна. Традиция эта ушла в прошлое в конце шестидесятих годов, когда последний путь стал совершаться только в автокатафалке.

Конечно, не только выраженная в музыке печаль разносилась в воздухе. По дворам ходили точильщики с тяжёлыми станками на плечах, зычно и протяжно кричали: «То-чу но-жи, нож-ни-цы!» На запряжённых понурыми лошадками телегах разъезжали старьёвщики – сборщики утиля. За тряпьё и пригодную для переработки всякую всячину давали мелкие предметы обихода, детские игрушки. Сами сборщики под стать своему занятию имели весьма потрёпанный вид. В сквере у кинотеатра «Победа» китайцы, на радость детворе, продавали жужжалки. Это были круглые коробочки, привязанные тонким шёлковым шнурком к деревянной обструганной палочке. Забавой были и покрытые специальным слоем парные шарики. При ударе один о другой раздавался пистонный выстрел, проскакивала искра.

Автоматов для продажи газировки было мало, к тому же они порой стояли без стаканов, которые тырили выпивохи. В центре города устанавливали много сатураторных тележек, с которых тётки в белых халатах продавали газировку. С 1961 года стакан «чистой» стоил копейку, а с сиропом – три копейки (позже стало четыре). Чаще всего сироп был лимонный. Существовала и уличная услуга, ныне крепко забытая: на центральных улицах за несколько копеек можно было взвеситься на массивных, крашенных белой краской весах. Много внимания уделялось оформлению магазинных витрин, особенно нарядными они были в праздничные дни. В них часто можно было увидеть пирамиду, сооружённую из консервных банок со сгущёнкой или сайрой, ещё не перешедших в разряд дефицита. В правой витрине известной всем кулинарии на проспекте Кирова, в кварта-

ле между Горького и Вольской, к Новому году выставляли огромные, покрытые кремом кондитерские сооружения. Популярным сюжетом был Московский кремль.

В витринных окнах первого этажа Дворца пионеров выставлялись выполненные кружковцами модели кораблей. Вообще это было время широчайшего распространения всевозможных кружков. В двухэтажном доме наискосок от кинотеатра «Пионер» работал единственный в своём роде магазин с торговыми автоматами. Можно было не только попить газировку, но и купить несколько видов пирожных, ромовую бабу. Едва ли кто предполагал, что в будущем появятся магазины со свободным доступом к товарам. Покупки носили в «авоськах» (плетёных сетках). Продавцы ловко крутили кульки для сыпучих продуктов из грубой плотной бумаги по преимуществу светло-бежевого или синего цвета. Кассиры привычно перебрасывали костяшки на счётах. Можно было купить кусковой сахар, который дома кололи специальными щипцами. Молоко привозили в магазины в больших алюминиевых бидонах и продавали только в разлив. Мясо пока не стало вечным дефицитом и продавалось в магазинах. В мясных отделах на стене висели в рамках цветные плакаты, демонстрирующие, как разрубается говяжья туша.

В магазине «Рыба», что находился на проспекте Кирова, угол Горького, в здании гостиницы «Европа», стоял огромный аквариум, из которого продавцы сачками вылавливали живых лещей, судаков, сомов, карасей и прочие дары Волги. А раньше, с конца XIX века, в этом же помещении располагался знаменитый винно-гастрономический магазин купца Моисея Николаевича Иванова. Не знаю, правда ли, что когда в Саратове в 1889 году впервые появился телефон, то «номер первый» был установлен в доме губернатора, а «номер второй» — для приёма срочных заказов в магазине Иванова.

В самом центре, на проспекте Ленина, в сохранившемся втором от угла с Горького двухэтажном доме прежнего Верхнего базара магазин «Хозтовары» торговал скобяными изделиями. Запомнились печные заслонки, чугуны на любой вкус и размер и ухваты для них, топорища, огромные плотницкие гвозди, пирамиды оцинкованных вёдер.

От Крытого рынка и от Сенного возчики на одноосных деревянных тележках за приемлемую плату развозили запасаемые на зиму мешки с картошкой, луком, капустой, морковью. Лучшей в городе булочной считалась называемая в народе «У Стружкина» — на проспекте Кирова, в доме слева от кинотеатра «Пионер», прозванная так горожанами из-за расположенного во дворе хлебозавода, носившего имя погибшего революционера. Там можно было почти всегда купить горячий хлеб. Особенно вкусны были большие витые сдобные булки с тёмно-коричневой блестящей поверхностью, а также французские булки с хрустящим гребешком, переименованные потом в городские. Магазин обильно украшали связки кренделей с маком и сушек. Большим спросом пользовались сухари. Были они очень плотные, с особым вкусом. Их размачивали в чае, который многие мужчины пили из стаканов в подстаканниках.

Серебряные подстаканники заслуженно считались отличным мужским подарком, ничуть не хуже серебряного портсигара. В парикмахерских стригли механическими машинками. Для мальчишек стрижка была незамысловатой: оставляли на очень коротко подстриженной голове только чёлку. «Освежали», коль на то было желание и средства, одеколонами – мужским «Шипром» и дорогой «Красной Москвой». К услугам дам была и популярная «Белая сирень».

Главной домашней собакой была овчарка. Я не представлял себе, как много их высвободилось после закрытия сталинских лагерей.

Самым распространённым осветительным прибором в квартирах были светильники с абажуром, а люстры только входили в обиход. Свет часто отключали, и во всех семьях имелись керосиновые лампы. Керосин можно было купить не только в хозяйственных магазинах, но и на разлив в керосиновых лавках. Стены оклеивали бумажными обоями, завешивали коврами – символом домашнего уюта и достатка. У многих дома в керамическом горшке росли фикус или пальма, а нередко присутствовали оба. Буфеты только начали вытесняться сервантами, а платяные шкафы по старинке назывались шифоньерами, лучшие из которых имели снаружи зеркало. В редкой квартире не было этажерки и дивана с откидными пуфиками и неизменной полочкой на высокой спинке, и сундуки не повывелись. У нас был необыкновенно красивый, обитый медью сундук с медными же накладками иного оттенка, с накидными петлями и скобами аж для трёх замков. Бабушка рассказывала, что когда раньше поднимали его крышку, то механизм играл мелодию. В моде были аквариумы и большие шумящие морские раковины.

Появились в продаже очень несовершенные стиральные машины – без нагрева воды и автоматического отжима, а также стиральные порошки. Белое бельё кипятили на газовых плитах в оцинкованных баках. Выстиранное бельё, и не только постельное, часто развешивали во дворах на толстых бельевых верёвках, подпираемых длинными деревянными шестами. Принесённое с мороза, задубевшее, оно пахло свежестью. Краж белья практически не было. На смену погребам стали приходить холодильники, достать их было непросто. Ставшую всесоюзно известной и поставлявшуюся и на экспорт модель «Саратов» с начала 50-х годов выпускали на одном из оборонных предприятий Ленинского района (по забавному недосмотру, такой холодильник стоял даже в квартире Штирлица в фильме «Семнадцать мгновений весны»). С наступлением холодов скоропортящиеся продукты в «авоськах» нередко вывешивали через форточки на улицу. Иногда же такие продукты на небольшое время клали между оконными рамами. А на подоконниках с наступлением весны в жестяных банках из-под консервов выращивали из пророщенных луковиц зелёный лук, который редко в это время продавали в овощных магазинах.

Всё же, несмотря на вечные проблемы бытовой неустроенности, дефицита множества товаров, начиная от дрожжей (ими из-под полы в буквальном смысле торговали тётки в тамбуре Крытого рынка) и импортных лекарств и кончая мебельными гарнитурами, автомобилями и путёвками в санатории, вопреки невысоким в большинстве

своём зарплатам, люди не теряли оптимизма и веры в то, что жизнь станет легче. Трудности они сами объясняли колоссальными затратами на восстановление разрушенного в войну и необходимостью крепить оборону страны. Атомная война не казалась столь уж призрачной, а Саратов называли в числе первоочередных целей.

Первый спутник и последующие космические аппараты лучше всяких лекторов убеждали в научном прорыве, по темпам развития страна входила в число мировых лидеров. Не было царящей ныне вопиющей социальной несправедливости; социальный статус, призвание значили много, о высоких конкурсах в институты торговли слышно не было. Высшее образование уже автоматически не гарантировало высокой зарплаты, но давало возможность карьерного роста. Встречались мужчины, носящие на лацкане пиджака ромбовидный знак с гербом СССР на синем фоне, говорящий о наличии вузовского диплома. Знак этот из-за его формы шутливо называли «поплавком». Когда я сам заканчивал институт, то узнал, что раньше бытовала традиция его «обмывать», положив на дно стакана с водкой.

Почти все выписывали газеты, которые начинали читать с последней страницы — там почти не было материалов о партийной жизни, статей на производственные темы, заметок о победителях соцсоревнования, сообщений о рекордных надоях молока и другой столь же «привлекательной» информации. В единственной областной газете «Коммунист» (а городской не было) рядом с прогнозом погоды, радио- и телепрограммой, афишей театров и кино печатались в специальном разделе извещения следующего рода: имярек возбуждает дело о разводе с... Это было настоящее пиршество для кумушек!

Помимо железнодорожного моста сообщение с городом Энгельсом в судоходный период обеспечивали паром и два однотипных пароходика «Саратов» и «Энгельс» дореволюционной постройки. Хорошо помню их, так как бабушка водила меня на Волгу довольно часто. Забивались они пассажирами до отказа. Пристань стояла немного выше теперь, увы, уже бывшего Речного вокзала, искалеченного переделкой в торговый центр. Пожалуй, это наиболее зримое выражение «звериного оскала капитализма». Зимой действовала ледовая переправа, по которой передвигались грузовики и легковушки, в том числе такси. Ездили и на санях. Случалось изредка, что проваливались под лёд.

Пароход «Энгельс» паромной переправы Саратов–Энгельс до Октябрьского переворота (именно так его именовали первоначально сами же большевики) назывался «Афина» по имени одной из дочерей саратовского купца Михаила Згуриди, владельца четырёх парохо-

Пароход «Энгельс». Фото 60-х годов

дов, получивших название по именам его детей, один из которых – Александр – стал знаменитым режиссёром научно-популярных фильмов, трижды лауреатом Сталинских премий.

А город рос, благоустраивался. Близилась к концу его газификация. Продолжалось строительство новой многоярусной набережной, шли концерты в недавно завершённом красивом и уютном здании филармонии, открыли Дворец спорта, заселили два самых высоких в городе восьмиэтажных дома железнодорожного ведомства у Мирного переулка, приступили к сооружению первого в городе плавательного бассейна «Саратов», нового здания театра оперы и балета. Надстраивали старые дома, иной раз над двумя этажами появлялись ещё три. Возводились последние «сталинки», после известного правительственного постановления – уже без архитектурных излишеств, с «выбритыми» фасадами. В 1960 году открыли 4-й троллейбусный маршрут.

Продолжалось строительство пятиэтажных хрущёвок, в которых не было коммунальных квартир (совсем недавно с огромным удивлением узнал, что были взяты за основу типовые проекты, разработанные во Франции, по которым там строились дома, конечно, в значительно меньшем количестве). Никому в голову не приходило обозвать «хрущёбой» квартиру без соседей. Тем не менее в домах со всеми удобствами жило меньшинство, домов с дощатыми уборными во дворе было множество, а немалое их число, случалось, и в центре, не имело даже водопровода. Много людей жило в полуподвалах и подвалах, их имели почти все старые дома. Брошенные дома нередко использовались в качестве складов. Большая часть горожан продолжала мыться в банях.

Внимательный читатель обратил внимание, что не всё описанное относится только к Саратову, кое-что нельзя причислить к детским впечатлениям, кое-что существовало и раньше, и потом, но мне представляется, что без этого картина саратовской жизни на рубеже 50–60-х годов была бы менее полной. Прошло более полустолетия, что-то кануло в Лету, но многое, и не всегда к радости горожан, перекочевало в следующий век, описание которого читатель не встретит на этих страницах.

**Александр
ЛЕПЕЩЕНКО**

Продолжение. Начало в 11–12 2016, 1–2 2017

СМЕШНЫЕ ЛЮДИ

Роман

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

«Нелюдимо наше море, день и ночь шумит оно...» – написал в 1829 году Николай Языков.

Кажется, именно тогда в отечественной литературе и зародилась маринистика. Но если «для сочинения книги о море достаточно воображения и наблюдательности», то «для правдивой книги о морях нужно самому на какое-то время стать им».

Двадцать лет назад корреспондент газеты «Вечерний Волгоград» Игорь Гулевич не только стал моряком, но и отправился в экспедицию. Посвящалась же она 500-летию первого плавания Колумба в Новый Свет и открытию островов Карибского моря – Гуанахани (Багам), Эспаньолы (Гаити) и Хуана (Кубы). О том, как это было, я теперь узнавал из тетради моего друга. Сам он называл её «судовым журналом» и вёл все полгода, пока ходил на яхте «Артистка».

Вот его записи:

«9 апреля 1992 года. Сегодня Иосиф сказал нам, что до отплытия остался всего лишь месяц. И вот о чём я подумал: надо бы покрестить «Артистку», прежде чем мы «оставим берега Европы обветшалою».

В Средневековье неизменным атрибутом крещения делалось вино. Им щедро кропилась палуба судна перед выходом в первый рейс. Именно так крестили суда, участвовавшие в плавании Христофора Колумба. Вероятно, на «Санта-Марию» пожалели хорошего вина. Как известно, она трагически закончила свою жизнь. А значит, мы не должны скупиться на вино...

Что решит экипаж – Толик Красноармейцев, Юра Колосков, Володя Гермаш, Рауф Ахмеров и Иосиф Иосифян? Не будут ли они против? Чёрт возьми, я постараюсь их убедить! Жена говорит, что я умею делать предложения, от которых невозможно отказаться».

«Ахмеров, Ахмеров... опять этот Ахмеров... – появилась мысль. – Надо будет расспросить о нём Гулевича...»

«10 апреля 1992 года. Какая экспедиция, ведь у меня жена и пятилетний сын! Нет, надо вникнуть... Я же не буду гвоздить аллигаторов и снимать скальпы с врагов... Путешествия обесчудесились! Остались лишь лихорадки-трясовицы, перемены климата, ливни и бури... Господи, я всё перенесу! Дерзнул же апостол Павел сказать: «Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!»

«17 апреля 1992 года. В экспедицию я возьму с собою «Книгу о разнообразии мира» Марко Поло. Именно она была среди первых напечатанных в Европе изданий, а её экземпляр хранился у генуэзского моряка Христофора Колумба. Вместе с ним книга совершила плавание через Атлантику в Новый Свет, так и оставшийся для Колумба чудесными островами пряностей в далёком восточном море, о котором так восторженно поведал венецианский купец-разведчик Марко Поло».

...По этим строчкам чувствовалось, что моему другу симпатичен Христофор Колумб – величавый, в широких одеждах, с картой в руках и спокойным лицом. А потом представился и сам Гулевич за штурвалом «Артистки»: из-под «афганки» куда-то вдаль смотрели его глаза цвета кваса. В них будто бы читалось: «Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин».

«Вот так от прогулок по Волгограду шагнуть к Новому Свету, переплыть шесть морей и один океан и мечтать воротиться домой. Да, двадцатипятилетний Игорь Гулевич был решителен!» – размышлял я, окуриваемый дымом сигареты, пока не наткнулся на запись от 9 мая.

«Экспедиция началась. Сегодня, в День Победы, в два часа пополудни, мы под дулами сотен глаз наконец отчалили. Волгоград провожал нас долго. Дома на берегу были словно крошки сыра. Думаю, я увижу их ещё ой как не скоро!.. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

«11 мая 1992 года. Звёзды рассыпаны как песок. У штурвала меня сменил Колосков. Небольшие волны, словно тихие мысли, накатывают на яхту. Впереди часто моргает маяк. Устал, ложусь спать».

«15 мая 1992 года. Нет ни времени, ни сил делать записи. Увы и аминь! Это всё после вчерашнего. Вчера яхта зарылась в туман... Из-за такого каторжного тумана можно нажать сплин».

«22 мая 1992 года. Таганрогский залив. Ейск. Тесная кучка красных, жёлтых и белых домиков в порту. Какой-то пьяный стонет песню и терзает гитару. Яхту обнажили, спустили паруса – и закипела работа. Пополнили запасы пресной воды и провианта, убралась. Я купил газету и проглотил её как таблетку».

«2 июня 1992 года. Вспомнились строчки: «Я надеюсь, что море сильнее площадей и прочнее домов из бетона...» Поживём – увидим!»

«20 июня 1992 года. Лучше бы этого не видеть! Мы обручились с бурей. Палуба вырывается из-под ног, и море словно опрокидывается нам на голову. Катится ком по яхте от бака. Волна как надгробие. Каждый нерв, каждый мускул наш бодрствует».

«24 июня 1992 года. Мы сидим на палубе, или, как мы называем её, «на улице». Нам кажется, что посуда скликает друг друга. Из-за ветра Иосиф не ходит, а танцует перед нами. Порой капитан скрипит как уключина».

«29 июня 1992 года. У каждого моря не только свой цвет, но и характер, к каждому привыкаешь заново. Эгейское море удивительно фиолетово-чернильным цветом и коварно выпрыгивающими на метр-полтора муринами, способными атаковать рыбаков на маленьких лодках. Поэтому ноги в воду с борта мы там на всякий случай не опускали.

Средиземное море таит опасность второй боковой волны. Если от неё не ушёл, то жди удара водяной кувалды. Например, при шторме в четыре-пять баллов, стоя за штурвалом, я пропустил всего одну такую волну. Когда трехметровая пена сошла с палубы, с удивлением обнаружил, что вода способна гнуть металлические штыри. Полуметровый коротыш – держатель леера, опоясывающего собой яхту ниткой-забором, согнулся. Его диаметр был не менее пары сантиметров. Плотность стали уступила плотности воды!»

Дни как тучи, приближались всё грозней и грозней.

Записи в тетради Гулевича не велись до 26 июля.

«Позади шесть морей, сломанные мачта в районе Мальты и двигатель у берегов Испании, отсутствие денег, вышедшие из строя лаг и эхолот, множество других проблем и мужественное решение в Гибралтаре идти дальше. Решение было действительно непростым. Каждый из шести членов экипажа имел право голоса, и мнения разделились. Двое категорично высказывались за движение вперёд, двое были готовы идти в любую сторону, двое настаивали на возвращении домой. Мы вышли из бухты Альхесирас, не зная, куда пойдём дальше. Только через час победили большинство и русское «авось».

А действительно, зачем был нужен двигатель, если на нём можно только отчалить и причалить? Деньги? Океан их не солит. Сломанную и не подлежащую восстановлению мачту мы «похоронили» на Мальте, а на последние доллары приобрели и установили старенькую английскую. Она была короче на пару метров прежней, что существенно сказывалось на скорости, но достойно держала укороченные шкертками волжские паруса. Идти вперёд казалось более логичным, чем побитыми тащиться назад.

Океан... Его мощь чувствовалась уже в Гибралтарском проливе, напоминавшем короткий шланг огромной помпы-океана, в котором наша пятнадцатиметровая яхта – песчинка. И когда на вдохе океан проглатывал её, погружая в свои воды, Средиземное море казалось сущей безделицей. Многотонная серо-зелёная волна подавляла. Сила – именно в ней. Она живая. Она либо примет тебя, либо разда-

вит. Нужно стать с ней единым целым, тогда есть шанс, тогда удача будет с тобой среди миллиона таких волн».

«Шесть сотен тысяч ровных порций/Воды живой в одной горсти...» – пропел я и представил океан, о котором рассказывал в «судовом журнале» мой друг. А ещё показалось, что величавый Колумб гадательно смотрит с палубы вдаль.

...Волны походили на сорвавшихся с цепи псов.
Ветер бил в гребни, ерошил пенную шерсть.
«Ведь сможешь ты мне, Господи, не позволишь жизни скомкати!»

Проснувшись, почувствовал, что волосы налипли на вспотевший лоб. Неожиданно скрипнула входная дверь, и в гостиной послышался смех Марины и Артемия.

«Как же я соскучился по ним, словно не Гулевича, а меня не было дома полгода...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

– Ты спал, Алёша? – спросила жена.
– Да, и мне приснился сон.
– Какой же?
– Что сердце моё не болит... Оно – колокольчик фарфоровый в жёлтом Китае. Э-э... на пагоде пёстрой... Висит и приветно звенит...
– Всё шутишь?
– Шучу, моя поцелуйщица.
– Ну-ну, а Опоченин дозвониться до тебя не может. Мы с ним в гипермаркете сейчас свиделись... Ты бы набрал Женю...
– Пап, а он без мальчиков был, – доедая кукурузные палочки, вмешался в разговор Артемий.
– Я понял, сынок. Пойдём помоем ручки, а потом я позвоню дяде Жене.

...Пока сын исследовал в своём игрушечном микроскопе каплю абрикосового сока, а жена крутила педали велотренажёра, я созвонился с другом.

У него был такой голос, словно медь ударяет в медь. Он едва сдерживал волнение. И причина имелась.

Полдня Опоченин мотался по городу за одним скандальным бизнесменом и фотографировал – редакция газеты «Твоё» заказала у него снимки, на которых этот господин был бы в окружении дам. И вот дамы, одетые в а-ля французские тряпки со лба до пупа, теперь висли на нём.

В общем, таблоид мог выбирать, что поставить на обложку.

Но это ещё не всё. Мой друг сфотографировал бизнесмена и в куда более интересной компании. На снимках, которые Опоченин прислал мне по электронной почте, были запечатлены известный политик, сам бизнесмен и франтоватого вида молодой человек. Этих

троих я узнал сразу: Пушкарук, Самвел Иосифян и Сажин сидели за столиком в ресторане «Армения» и что-то обсуждали.

В том, что эти фотографии – удача, и что в нашем расследовании появилась новая зацепка, я не сомневался. Конечно, мы и раньше знали, что Сажин связан с Иосифяном, а вот Пушкарук всплыл только теперь. Впрочем, нет. Мы видели его с Татьяной Андреевой в аукционном доме: человек в чёрном костюме и на алом «кайене» – он приезжал к директору. Ещё тогда его лицо мне показалось знакомым, ну а теперь я точно знал: это Вячеслав Михайлович Пушкарук. Пятьдесят два года, чрезвычайно влиятелен, не мельтешит на телеэкране, заместитель председателя регионального правительства.

«Нужно показать снимки Ивану, да и как можно скорее...»

Гулевич-младший оказался способным следователем. Его методы приносили результат. Я поверил в парня. Если имелось одно решение задачи, он не останавливался и искал второе.

«Возможно, эта дорога не приведёт никуда, – говорил Иван, – но я пройду её до конца... Это первое правило следствия».

...На следующий день с утра пораньше мы с Опочениным отправились к Ивану.

Через полчаса мы были уже на улице Коммунистической – улице, тянувшейся параллельно одной из самых оживлённых волгоградских магистралей. Дом № 64а оказался каменногрудым великаном с глазами хмурых немых окон. Когда мы подъехали, Гулевич-младший ждал нас у входа в Главное следственное управление.

– Поговорим у меня в кабинете, – сказал Иван, здороваясь. – Идёмте!

Кабинет напоминал небольшой, но, кажется, надёжный сейф. Единственным светлым пятном был портрет Путина, всё остальное – стены, стол, стулья, шкаф и даже папки в нём – в серых тонах. Ноутбук, настольная лампа, телефонный аппарат – и те были серыми...

Мы подсели к столу.

Иван поправил чёрный форменный галстук и вопросительно взглянул на меня.

– Алексей Николаич, вы что-то хотели сообщить?

– Да, кое-что... Но пусть начнёт Евгений Александрович...

Молодой следователь слушал Опоченина и время от времени делал пометки в блокноте. Потом мы разложили на столе фотографии, отпечатанные моим другом.

– Так это вы Пушкарука видели в аукционном доме? – спросил меня Иван, вертя в руках одну из фотографий.

– Теперь я уверен в этом... Именно он был у Подобедова. Мне тогда показалось, что директор аукционного дома его боится. Видели бы вы лицо Михаила Юрьича! А ведь Пушкарук ему даже не кивнул в ответ, когда уезжал. Могу предположить, что между ними состоялся неприятный разговор...

– Вы не договариваете, что вскоре директора кто-то убил...

– Как знать? Возможно, эти два события между собой и связаны, – сказал я. – И вот ещё что... Записная книжка, которую я умык-

нул у Подобедова, своих тайн пока не выдаёт. Впрочем, я пытаюсь разгадать шифр...

– Да, вы правы... Жаль, что нет доказательств. И особенно жаль, что я не могу пока приобщить эти фотографии к делу... Но я хотел бы оставить их у себя... Это возможно?

– Конечно, Иван, ведь мы привезли их для вас! – обрадовался Опоченин.

Он, как и я, почувствовал в каждом жесте, в каждом взгляде, в каждом слове этого чернобрового живчика огромную заинтересованность.

– Сказать, что полны руки козырей, нельзя... Но, знаете, – задумался Иван, – эти снимки сейчас всё равно кстати. Доказательной базы не хватает, а вот со временем... Со временем, я думаю, мы сможем подкрепить её. В любом случае, спасибо за помощь!

...После встречи с Гулевичем-младшим мы наскоро перекусили в кафе и поехали в Волгоградский порт. Опоченину хотелось познакомиться с окрестностями, а мне – подышать волжским воздухом.

– В глазах его застенчивость хороших семей, – меняя объектив, сказал вдруг Евгений.

– В чьих глазах? – не понял я.

– Я говорю о Ване... Честный он парень.

– Да, ты прав, он именно такой.

Ножницами резали гудки пароходов.

Под ногами шелестели листовые разливы.

Я закурил и спустился по щербатым ступеням к Волге. Какая-то муругая муть неслась над водой. Рассерженный ветер бросался на всё, что попадалось ему на пути.

Вскоре появился порядком озябший Опоченин. Он напоминал непонятно каким ветром занесённого сюда бедуина. В чёрной бородке застыли капельки воды, руки посинели и уже не слушались.

Бодливые волны набегали на верхние ступени набережной, и мы вернулись к машине...

– Слушай, Алёша, я пока снимал, кое о чём подумал.

– И о чём же ты подумал?

– Может, снимки с этой троицей в Сети выложить? Как считаешь? Разразится скандал, начнётся возня... Пушкарук занервничает...

– ?..

– Тебе не нравится идея? – Опоченин скопил на меня по-щенячьи глаза.

– Нравится, вот только директор аукционного дома и дворник, оказавшийся случайным свидетелем, уже убиты... Чёрт бы тебя побрал, пообещай оставить свою затею!

– Да что ты так взвился? Я обещаю, обещаю...

Взлетал бич жёлтой молнии.

Как ужаленный кричал ветер.

День был весь заштрихован дождём.

Я развернул машину и напоследок взглянул на Волгу. В тёмных яблоках была эта злая река. Казалось, что именно она и рушилась теперь с неба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Гром гремел в своём боевом наряде. Но меня не интересовал сюжет, созданный природой: закрывшись в кабинете, я работал над книгой...

«Что же для Достоевского главное?»

Сам романист утверждал, что главное – это согласие и «согласье по возможности полное художественной идеи с той формой, в которую она воплощена».

«Для него главное было подействовать на читателей, – возражал современник, – заявить свою мысль, произвести впечатление в известную сторону. Важно было не самое произведение, а минута и впечатление, хотя бы и неполное. В этом смысле он был вполне журналист и отступник теории чистого искусства...»

Отступник ли? Я бы поспорил, ведь понимать таким и только таким образом творческий метод Достоевского – это неизмеримо суживать его и обеднять.

Впрочем, можно понять и современника, обескураженного «хаотичностью» сюжета. Где сюжет? А он заменяется исключительными, контрастными эпизодами. Остальное погружено в тень, которая если и рассеивается Достоевским, то случайно и как бы нехотя. Поэтому современник смотрит лишь «в известную сторону» и не может подняться до синтеза. И всё же удивительно, что этот современник не кто иной, как философ и критик, а ещё сотрудник журнала «Время» Николай Николаевич Страхов.

«Во всё существование «Времени», – вспоминал впоследствии Страхов, – сотрудники его составляли две группы. Одна держалась вокруг Ап. Григорьева, умевшего удерживать около себя молодых людей привлекательными чертами своего ума и сердца, особенно же искренним участием к их литературным занятиям; он умел будить их способности и приводить их в величайшее напряжение. Другую группу составляли Фёдор Михайлович и я; мы особенно подружились и виделись каждый день и даже не раз в день...»

Это разделение сотрудников «Времени» на две группы, по меньшей мере, неточно.

Из личной переписки видно, что идейно Страхов гораздо ближе в этот период к Аполлону Григорьеву, чем к Достоевскому. Возникает резонный вопрос: как же в действительности группировались сотрудники журнала? Во-первых, это друзья братьев Достоевских ещё по 40-м годам, прежде всего А. Н. Майков и А. Н. Плещеев; во-вторых, их сверстники, сотрудничавшие ранее в других изданиях, Ап. Григорьев и Н. Н. Страхов, и, наконец, молодые литераторы, начинавшие литературный путь именно в журнале «Время».

Так почему неточен Страхов? Зачем уверяет, что он и Достоевский «особенно подружились»?

И ещё. Григорьев упрекал «Время» в том, что журнал завёл «срамную дружбу с «Современником». Причиной недовольства Аполлона Александровича было активное сотрудничество в журнале автора «Политического обозрения» – публициста революционно-демократического направления А. Е. Разина, которого он называл не иначе как «Стенькой Разиным». Страхов же, в отличие от создателя «органической» критики, своего мнения об этом прямо не высказывает.

Но вернусь к тому, с чего начал: к главному.

О своеобразии своего реализма Достоевский в 1868 году писал:

«Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм – реальнее ихнего реализма. Господи! Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавают».

И в конце жизни в записной тетради 1881 года Достоевский вновь возвращается к своему пониманию реализма: «При полном реализме найти в человеке человека», я «реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

«Как будто не другого кого-то читаешь, – выскочило–вспомнилось вдруг, – а слушаешь свою же душу, только глубже, чем обычно».

...Ночь подкралась как воровка.

Деревья в саду напоминали обнявшихся братьев. Я смотрел на них и думал, что напишу сегодня ещё одну главу как минимум, вот только выпью чая с чабрецом.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Когда с чаем было покончено, я решил выкурить трубку и уж тогда продолжить работу. Достал пачку голландского табака, но так к ней и не притронулся.

«И зачем обещал жене меньше курить?.. Я? Разве я когда-нибудь говорил это? Ладно-ладно, говорил...»

Чертыхнувшись, взял из буфета горсть бубликов, которые почему-то смахивали на кольца табачного дыма... Только перед экраном ноутбука я наконец забыл о том, что с наслаждением не отравился никотином.

«Ведь можно прожить и без табака... На чём же я остановился?.. Ага, на сибирских записках Достоевского...»

Я погасил верхний свет, включил торшер и вернулся к работе:

«Эти «Записки из Мёртвого дома» приняли теперь в голове моей, – делился соображениями романист, – план полный и опреде-

лённый. Это будет книжка листов в 6 или 7 печатных. Личность моя исчезнет. Это записки неизвестного, но за интерес я ручаюсь...

Там будет и серьёзное, и мрачное, и юмористическое, и народный разговор с особенным каторжным оттенком... и изображение личностей, никогда не слышанных в литературе, и, наконец, главное – моё имя... Я уверен, что публика прочтёт это с жадностью».

Всё и вышло так... 1 сентября 1860 года в газете «Русский мир» было опубликовано начало «Записок из Мёртвого дома». А спустя год во второй книжке журнала «Время» сообщалось, что «Записки...» Достоевского «все сполна будут напечатаны в нашем журнале».

«Его небрежная страница, – не скрывал впечатления Лев Толстой, – стоит целых томов теперешних писателей. Я... прочёл недавно «Записки из Мёртвого дома». Какая это удивительная вещь!»

Предельно откровенен был и Александр Герцен:

«...Эта эпоха оставила нам одну странную книгу, своего рода *carmen horrendum* (песнь, наводящая ужас), которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как известная надпись Данте над входом в ад: это «Мёртвый дом» Достоевского, страшное повествование, относительно которого автор, вероятно, и сам не подозревал, что, очерчивая своей закованной в кандалы рукой фигуры своих сотоварищей-каторжников, он создавал на материале нравов одной сибирской тюрьмы фрески а-ля Буонарроти».

Книга Достоевского действительно стала сенсацией, бестселлером, как сказали бы сейчас. Романиста то и дело приглашают на литературные вечера. Но вот что любопытно: Фёдором Михайловичем интересуются революционеры, да и сам он в журнале сотрудничает с А. Е. Разиным, который близок к демократическому лагерю. Более того, Н. Ф. Бунаков посещает собрания редакционно-литературного кружка братьев Достоевских. Вскоре этот человек станет членом подпольной революционной организации «Земля и Воля».

«Достоевский читал с эстрады в первый раз из «Мёртвого дома», – свидетельствовал издатель и также член организации «Земля и Воля» Лонгин Пантелеев, – ему... была сделана самая трогательная орация».

Как понимать это сближение с революционными демократами?

Демократы, естественно, отвергали цензуру. Романист тоже был её противником, о чём говорил ещё в своих показаниях следственной комиссии по делу петрашевцев.

Вряд ли спокойно воспринял Фёдор Михайлович вмешательство цензуры в текст «Записок из Мёртвого дома».

Я разломил последний бублик и без удовольствия его сжевал.

«Вот закончу главу и позволю себе... трубку... Чёрт! Наживаю страдания, жернова на шею... И всё из-за чего? Из-за табака?»

Минуты через две я собрался с мыслями и снова стал писать:

«Студенческая история...

Волнения в столице.

В конце 1861-го молодых людей арестовывают и сажают в Петропавловскую крепость. От редакции «Времени» им посылается гости-

нец – огромный ростбиф, «с прибавкою бутылки коньяку и бутылки красного вина».

Но знал ли Достоевский о «фантастическом проекте»: «захватить в Царском селе наследника и за освобождение его предъявить царю требование конституции»? Страхов.. Страхов – тот знал о дерзком и крайне опасном замысле студентов и их старших товарищей из журнала «Современник». А Достоевский? Возможно, и знал от того же Страхова. Но вот как Фёдор Михайлович комментировал в «Бесах» то, что происходило тогда: «...бесчестилась Россия всенародно, публично, и разве можно было не реветь от восторга?»

Да, он ещё тогда разглядел бесов...»

«А сейчас? Болотная площадь, «Манежка». И рёв, и восторг... Блогеры и сочинители детективов первыми расплёвываются со страшной», – уколола мысль, и я сам себе сказал:

– О завтра моё! – тебя
Выглядываю – как поезд
Выглядывает бомбист...

Проспал я, как говорится, до трубы и чувствовал удивительную бодрость.

В начале девятого показалась прорезь зари, а уже около десяти небо было как фаянс, зеленоватое. В этот момент курлыкнула сирена, и возле дома остановилась машина. Над черноголовым верхом «Волги» кружили вороны. Я смотрел то на них, то на Ивана Гулеви-ча, быстро поднимавшегося по ступенькам веранды.

«Вот и моё завтра... вот оно...»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

– Мы нашли его!
– Кого же вы нашли, Иван?

Гулевич-младший пожал мне руку, прошёл в гостиную, аккуратно, словно огромную ценность, положил синюю фуражку на журнальный столик и упал в кресло.

– Алексей Николаич, как я устал... Дадите чая?

– Вам с молоком?

– Лучше, пожалуй, с бутербродом. – Глаза, пронзительные и добродушные, уставились на меня.

«Такие люди, как этот краснотубый живчик, с первого взгляда внушают симпатию», – подумал я, нарезая ветчину для бутербродов, но сказал другое:

– Вы кого-то поймали?

– Подфартило! Мы нашли оператора аукционного дома Сергея Голомазова.

– Невероятно, что он до сих пор жив... Ведь он или соучастник, или важный свидетель.

– Да, вы правы... Вот только со следствием этот человек не желает сотрудничать. Твердит одно: камеры в день убийства Подобедова отключил случайно... никто, мол, не подговаривал...

– Но как вы отыскали его?

– Просто повезло... Ваш друг, фотограф, обмолвился о свадебном агентстве, через которое он иногда получает заказы... Когда вы уехали от меня с Опочениным, я вдруг вспомнил, что пропавший оператор тоже подрабатывал на свадьбах... Ну об этом ещё его жена рассказывала. Так вот, я обзвонил три агентства – ничего. Звоню в четвёртое, говорю: «Мне бы оператора Голомазова, свадьбу поснимать». «Да не проблема, запишите номер!» Записываю, созваниваюсь, назначаю встречу. И вскоре без всякого напряжения задерживаю Голомазова... В общем, моему воображению не за что зацепиться. Оператор не появляется ни дома, ни на работе, его хоть без вести пропавшим объявляй, а он преспокойно свадьбы снимает. Как это понимать?

– Не постигаю, Иван... Думаю о Голомазове и пожимаю в душе плечами...

– ?!

– Хорошие вести, как известно, не лежат на месте! Голомазов нашёлся, и это сейчас – главное.

– А если он не заговорит?

Этим вопросом Гулевич-младший выразил всё, что бродило в нём. Он театрально отодвинул от себя чайную чашку, и мне подумалось, что даже самым искренним людям свойственна поза. Через минуту он перестал играть. Лицо у него было доброе, а глаза безмятежные.

«Так-то лучше», – решил я.

– Иван, мне кажется, что для начала нужно понять, почему он не хочет говорить... Что это – страх? А может быть, ему пообещали заплатить за молчание?

– Пообещали?

– Ну конечно, ведь если бы ему уже заплатили, вы бы никогда не нашли его... Я думаю, ему не на что было жить, поэтому он и рисковал с этими свадьбами... Поэтому и уехать никуда не мог, ждал, пока всё не прояснится. С женой, скорее всего, он потом бы встретился, объяснился и... пропал бы. Нужно узнать о его прошлом... Это может помочь.

...Я не сомневался, что Иван уже навёл справки о Голомазове. И он действительно разузнал если не всё, то многое. Вот его рассказ, несколько подправленный мною.

«Уроженец волгоградской окраины, сын слесаря железнодорожных мастерских, Сергей Голомазов в неполные шестнадцать лет начал трудиться, переменив к маю 1996 года несколько чернорабочих профессий, потом участвовал в чеченской кампании, чудом уцелел.

И вот он, замордованный до равнодушия к самому себе, до полного беспамятства, существовавший дотопле, как и время, породившее его, «в убогом виде, разрозненности и без общего ясного смысла», вернулся домой. Он, не знающий подлинной ценности ни своей,

ни чужой жизни, начал словно оттаивать и умом и сердцем. Он – полюбил.

Как ни странно, любовь представлялась ему способом развязывания всех и всяческих узлов. Ради девушки Голомазов стал совершать поступки вызывающие. Впрочем, приводы в милицию и дебоши закончились свадьбой. Когда родилась дочь, нарадоваться не мог. Подучился на курсах операторов, завёл нужные знакомства и устроился на хорошую работу. В ипотеку влез, квартиру купил. Его жене было приятно рассказывать знакомым, что «Серж в аукционном доме служит».

И вдруг эти убийства.

Подозревают Сергея, его ищут, а когда находят, он почему-то отказывается давать показания. Он не берёт на себя вину, но и не отрицает её...»

Пока Иван рассказывал биографию оператора, в моём уме одна мысль обгоняла другую.

«Жизнь сразу превратила его из ребёнка во взрослого человека, лишив юности. До войны он был мальчиком, а после неё уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу стиснуть зубы и драться... И он дерётся. Конечно, он способен совершать поступки, не поддающиеся математическому исчислению... Нет, здесь не страх, здесь другое... Он кого-то покрывает, за деньги покрывает, чтобы обеспечить жену и дочь...»

– Вот, Алексей Николаич, его фотография.

Я взял снимок, чтобы получше рассмотреть. На меня взирал высокий худой человек с лицом как печёное яблоко. Брови у него были до того светлые, что он казался безбровым. Мне подумалось, что, когда он состарится, рот его превратится в узкую холодную щель.

«Нет, такого точно не испугаешь... Такой если на что-то решится, то пойдёт до конца...»

– Иван, послушайте меня! Нужно срочно добиться его ареста... Этим вы сохраните ему жизнь... Кроме того, он ценный свидетель. Да, я убеждён, что он – именно свидетель... Но пока пусть все считают его подозреваемым...

– Да, вы правы. – В тёмных добрых глазах Ивана появилось странное выражение. – Я не представляю, как мне это отойдёт, но я постараюсь закрыть Голомазова...

– Постарайтесь, иначе мы не узнаем его недобрую тайну.

...Гулевич-младший уехал, а я решил пройтись по саду. Настроения не было. Меня словно выпотрошили. Точно таким же был и сад. Казалось, что он старается съежиться, укрыться от приближающейся зимы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Морозы двинули...

Метель запаслась огромным напряжением где-то в заволжской степи и не собиралась стихать.

Тяжёлая фура с грузом не на один десяток тонн легла прочно на бок, как иногда пьяница ложится посреди улицы. Когда я про-

езжал место аварии, вдруг по-плохому закричала полицейская сирена. Чтобы протиснуться между перевёрнутым грузовиком и машиной ДПС, я сбавил скорость.

Минут через десять-пятнадцать показался отель «Замок на песках». Молча, без огней, тихим ходом я съехал со Второй Продольной.

«Снег – вещество чепуховое...» Надо же такое придумать...

Пока я прикидывал, как бы приручить это «вещество», трактор с жёлтой мигалкой прогрыз узкую дорожку к моему двору. Я выключил двигатель, закрыл машину, но тотчас застыл, подслушивая свирепую вьюгу. Потом калиткой поломал островерхий сугроб и пошёл по занесённой аллее.

Всё было умыто рассыпчатым снегом. И только деревья придавали такой же эффект пейзажу, как принуждённая улыбка грустному лицу. Но утром, когда я уезжал, эти же самые деревья были словно в ножнах из разноцветной стали.

Впрочем, сейчас ни сугробы, ни аллея, ни весь остальной инвентарь природы меня совсем не трогали. Время срезало всего три недели нового года, а я уже ничего и никого не хотел видеть. Прямо-таки по Платонову: «Вот что самое страшное в человеке – когда его люди не интересуют и не веселят и когда природа его не успокаивает, т. е. когда он погружён весь в свою томящуюся душу».

«Что же случилось? Что так тревожит меня?»

Теперь я служу в министерстве культуры, и эта служба мне не кажется бесполезной. Я не главный чиновник департамента по охране памятников и избавлен от того, от чего не был избавлен, когда работал главным редактором общественно-политической газеты... Наконец-то могу не суесловить. Да, только теперь и могу.

«Люди заняты ненужным, люди заняты земным...»

Ну а чем десять лет занимался я? Разве журналистикой?

Масс-медиа... медиум... Проводник между сидящими «в кабинетах из кожи» и всеми остальными – вот кем был я. О том ли мечтал? Разве это журналистика Карамзина и Пушкина? Нет, конечно... Мне тяжело, как замураванному в стене. Но я сам возвёл её... сам.

Почему же теперь рушу эту чёртову стену? Потому что мне дали под рёбра, в печёнку, и я трепетал, белый и умирающий? Нет, здесь совсем другое. Я знаю, что «есть пропетая сердцем сказка про Чело́века». И она мне дороже всего – всего, на что истратил целое десятилетие. Да, я больше не пишу статей, но «пока во мне сердце, мозг и эта тёмная воля творчества – «муза» мне не изменит».

Нет, не изменит! Сегодня мой бывший научный руководитель профессор Млечко спросил, как продвигается книга о Достоевском. Я поделился. Потом Александр Владимирович заговорил об Арсении Тарковском, о том, что готов носиться с одним его стихотворением целый год и больше ничего в душу не лить.

– Каждая душа, Алёша, имеет свой литраж... – Млечко тускло улыбнулся и, не замечая моего вопросительного взгляда, продолжал: – Сына Арсения Тарковского, Андрея, и понимаю, и люблю... Но вот фильмов его стараюсь не смотреть... Переполняют, через край льётся.

– Александр Владимирович, а помните «Ностальгию»?

– ?!

– Как это там было?.. Э-э... Я тоже, когда не знаю, что мне сказать, прошу сигарету... Но я так и не научился курить – это слишком трудно...

– Да-да, трудно... Надо научиться не курить, а делать что-то важное... Надо, чтобы мысли твои были более весомыми... Сперва я был эгоистом: хотел спасти свою семью, а спасать надо всех... весь мир.

– У людей в голове, конечно, шевелятся такие мысли, но никто теперь не говорит об этом...

– Вот именно, Алёша, а жаль! Пошлые, посредственные, срединные – не о Тарковских это... Это важно... Прозрения... Сколько у них этих прозрений, духовных поворотов! А помните «Бесов»? Там есть значительный эпизод. Достоевский включает в него цитату из Апокалипсиса: «И ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия. Знаю твои дела; ты ни холоден ни горяч; о, если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды», а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг». Да, Достоевский тоже не терпел срединности... душевного индифферентизма... Понимаете?

...Поднявшись на веранду, я оглянулся.

Деревья стояли в темноте, и в них бурчал ветер. Казалось, он не знал, к кому притулиться.

Я изострил слух: сквозь ветер было слышно, как где-то вдалеке бесчинствовали собаки. В эту самую минуту на душе сделалось покойно, и почему-то вспомнилось:

*А ночь на улице темнѳхонькая,
Валит белый снег, расстилагтся,
Заметает след человеческий...*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Холодный вечер наливался бурей, готовый избушевать всё вокруг.

Временами дом дрожал от свирепой, безысходной силы.

Я поглядел в забитое снегом окно – ничего не видно. Допил ряженку, погасил свет на кухне и в гостиной, поднялся наверх. Марина и Артемий уже спали – по пятницам, после бассейна, они по обыкновению ложились рано. Но мне спать не хотелось, и я решил почитать «судовой журнал» Гулевича.

Вот о чём Игорь Алексеевич писал более двадцати лет назад:

«3 августа 1992 года. Попали в Гольфстрим. Забавное дело: целый день ты идѳшь с креном и хорошей скоростью, а ближе к вечеру узнаѳшь, что тебя отбросило на пару десятков миль назад.

Мы в положении, в котором бывали и другие пенители морей.

Например, в 1513 году отправилась на поиски «счастливых островов» флотилия под командованием Понсе де Леона, участника вто-

рого плавания в Новый Свет Христофора Колумба. Тогда ещё верили в легенду о том, что есть острова, где бьёт «источник вечной молодости» и где жизнь подобна библейскому раю. Паруса каравелл наполнял попутный ветер, но мореходы с удивлением заметили, что суда двигаются гораздо медленнее, чем можно было ожидать. В конце концов парусники стали даже удаляться от цели, их снасти трещали под напором благоприятного ветра.

Главный кормчий флотилии Антон Аламинос определил, что здесь действует сильное неведомое течение. Так совершилось знаменитое в истории мореплавания событие: открытие европейцами Гольфстрима – огромного потока в океане, который, согласно образным сравнениям мореплавателей, не пересыхает даже во время сильной засухи и не выходит из берегов при самом большом половодье.

Сначала полагали, что открытое испанцами течение зарождается в Мексиканском заливе. Отсюда и произошло название «Гольфстрим», означающее в переводе на русский «течение из залива». Однако позднее установили, что истоки течения лежат несколько южнее и восточнее, чем предполагалось ранее. Заканчивается же Гольфстрим в Северном Ледовитом океане...

Гольфстрим пульсирует, словно кровь, движимая сердцем по артериям. Те, кому, как и мне, довелось видеть его, замечали, что он течёт подобно голубой реке среди зелёных вод Атлантического океана».

«4 августа 1992 года. Вероятно, этот день был подобен первому исконному дню. Неотлучное солнце следовало за яхтой, со всех сторон текла неприятная вода. Штаны Иосифа от движения задрались, и виднелась бурая кожа. Капитан казался громадным, опухшим от ветра человеком. Время от времени он переставал двигаться и смотрел вдаль, будто вспоминая забытое. «Персонаж с полотна Ван Гога, – подумалось мне, – весь выжженный солнцем».

Вечером Иосиф надел свою ватную, жёлто-тифозного цвета фуфайку и подсел к нам. Никто не перебивал его. Он долго рассказывал о Гольфстриме, который американские торговые моряки уже во второй половине восемнадцатого века использовали в навигационных целях. «Из Америки в Англию янки шли в его струе, – говорил, покашливая, наш капитан, – а на обратном пути обходили Гольфстрим стороной. Они совершали рейсы на две недели быстрее английских почтовых пакетботов. Да, моряки его королевского величества не знали об этом течении...»

Потом Иосиф умолк. Лицо его залезло в воротник фуфайки, но я был уверен, что он так же, как и мы, видел эту вечернюю жёлтую зарю. Такая бывает лишь в Атлантике!

Прошёл час, и яхта отправилась в ночь. И только небо светило над нами мучительной силой звёзд».

«8 августа 1992 года. «Встань за штурвал – пришей себя к делу!» – крикнул мне капитан. Я встал, но с ужасом смотрел на шевелившийся океан. Огромные волны рыли пучину и сами в неё рушились. «Артистка» то ползла в пропасть, окружённая валами воды, то взлетала на гору. И всё-таки управлял яхтой я, а не трепещущая стихия».

«10 августа 1992 года. Вчера океан по-прежнему изнемогал бурей. Мы корячились у бесившихся парусов. Ахмеров, Гермаш и Красноармейцев что-то кричали, но гром бури рвал их голоса, и ничего не было слышно. Казалось, что яхта летит, промахнувшись, в океанскую прорву».

«11 августа 1992 года. Холодный дождь порол «Артистку» весь день, и мне было жалко её. Писать не могу, всё промокло, да ещё и качка».

«12 августа 1992 года. Сегодня дул такой же усердный ветер, что и вчера. Я долго повторял одни и те же слова: «Господи, и нам сопутствуй в плавании, всякий бурный ветер утиши и будь Помощником и Заступником, ибо Ты Бог Благий и любящий человек, и Тебе славословие приносим, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

...Полчаса как стемнело. Ветер утихомирился, идёт лишь ничтожный дождь».

«13 августа 1992 года. Как не согласиться с тем, что хорошие мысли приходят не в уюте, а от пересечения с людьми и событиями? Мы пережили эту бурю, вон и солнце вылупляется! И капитан повеселел, у него даже причёска как цветочек... Прибодрился и наш кок Рауф. «Стол накрыт на шестерых», – сказал он, подавая «праздничную» похлёбку из шпрот.

Да, ну и буря! Самые стойкие из нас, кто безболезненно перенёс все моря, в океане вдоволь «накормили рыб».

Трёх дней с лихвой хватает, чтобы привыкнуть к болтанке. Потом уже земля непривычно начинает уходить из-под ног, и ты её с трудом «держишь» широким матросским шагом... Несколько суток пути от Гибралтара до острова Мадейра мы съедали по три сухарика и паре карамелек – больше ничего не было. Штормило прилично, одно проходившее мимо судно сбросило ход и зависло над яхтой в ожидании нашего зова о помощи. К удивлению таращившихся на нас иностранных матросов, мы пили чай и дружески махали им руками, мастерски закрывая собой кружки от захлёстов забортной солёной воды так, чтобы не пролился сам напиток. Судно прогудело в нашу честь и двинулось дальше.

За кормой «Артистка» несла трёхцветный российский флаг. От его второго рождения прошло всего несколько месяцев. Мы привыкли к нему быстрее тех, кто остался дома.

В моём рюкзаке лежит один такой «лоскуток», на котором пять пожеланий от Иосифа Иосифьяна, Рауфа Ахмерова, Володи Гермаша, Юры Колоскова и Толика Красноармейцева. Они опытней меня, разница в возрасте доходит до девятнадцати лет, но каждый из нас – звено одной цепи, каждый должен руководствоваться именно этим на вахте, при работе с парусами и в любых конфликтах, которые неизбежны в столь длительном плавании. Когда иностранные яхтсмены спрашивали, сколько времени экипаж провёл на предварительных тренировках по психологической совместимости, мы улыбались».

...Волна размером с гору чавкнула, навалилась, и... я проснулся.

«Судовой журнал» Гулевича был по-прежнему раскрыт. Не знаю, почему так притягивали внимание рисунок яхты и две строки:

*Снизу – яма; сверху – высь:
Между них – вертись, вертись...*

Я повернулся в кресле, в котором провёл эту ночь. Руки и ноги, спина и шея болели.

«И как это Гулевич обитал на крошечной яхте столько месяцев?..»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

И месяца не пройдёт, как Иван Гулевич и Татьяна Андреева поженятся.

Пока моя жена обдумывала, что бы такое подарить молодым, я был озадачен магией чисел. Свадьбу Гулевичи назначили на 15 февраля, а ведь когда-то в этот же зимний день и Достоевский повенчался с Анной Григорьевной Сниткиной.

Совпадения на этом не заканчивались.

Когда Марина решила купить для молодых копию «Сикстинской мадонны», я вспомнил, что точно такая же была и в кабинете у Достоевского. В живописи Фёдор Михайлович выше других ставил Рафаэля и высшим его произведением признавал «Сикстинскую мадонну».

Впрочем, сам Достоевский некоторым напоминал Эль Греко.

«Оба наделены даром делать незримое видимым, – писал, к примеру, Сомерсет Моэм. – Оба были людьми неуёмных, бурных страстей. Оба, судя по всему, шли непроторёнными тропами в тех областях духа, где не дышат воздухом обыденности. Обоих терзало желание передать некую страшную тайну, которую они постигли каким-то шестым чувством и напрасно тщились передать её с помощью наших пяти чувств. Оба отчаянно пытались вспомнить кошмар, который жизненно важно вспомнить, но вспомнить никак не удаётся, хоть он и брезжит в сознании. Как и у Эль Греко, у Достоевского люди, населяющие огромные полотна, – крупнее, чем в жизни, они тоже выражают свои чувства неожиданными и прекрасными жестами, но смысл этих жестов ускользает».

...В субботу жена с сыном отправились в студию Ульяны Словесновой за картиной, а меня настоятельно попросили остаться дома.

«Всё равно с тобой за покупками невозможно ходить – торопишь!» – отрезали они.

«Ну и ладно, займусь писаниной... Если после студии мои поедут ещё и в «торгушку», то у меня будет пять-шесть часов спокойной работы...»

Открыл ноутбук и стал перечитывать главу за главой: «Сжата у меня мысль, суждение в каких-то тисках; цежу её неуклюже, сквозь зубы, по слову... Кто-то скажет, мол, много поэтического беспоряд-

ка, небрежность в творчестве. «И хорошо! – возражу я. – Ведь видны «минуты забвения, усталости в творческой руке...» Да, и вот ещё что... Есть отступления, в которых «больше красоты, нежели в целом плане создания...» Итак, к исследованию!»

«Несмотря на многочисленные попытки установить причины петербургских пожаров мая 1862 года, тайна их до сих пор не раскрыта.

Первые революционные прокламации появились в столице Российской империи ещё в 1861 году: это были «Великорусс» В. А. Обручева и «К молодому поколению» М. А. Михайлова. 14 мая, накануне петербургских пожаров, была распространена наиболее радикальная по содержанию прокламация «Молодая Россия» П. Г. Заичневского, обещавшая «залить улицы кровью и не оставить камня на камне». («Петербургские пожары и Достоевский». Публикация Н. Г. Розенблюма.)

«Через несколько дней после пожара, истребившего Толкучий рынок, – вспоминал впоследствии Чернышевский, – слуга подал мне карточку с именем Ф. М. Достоевского и сказал, что этот посетитель желает видеть меня. Я тотчас вышел в зал; там стоял человек среднего роста или поменьше среднего, лицо которого было несколько знакомо мне по портретам. Подошедши к нему, я попросил его сесть на диван и сел подле со словами, что мне приятно видеть автора «Бедных людей».

Он после нескольких секунд колебания отвечал мне на приветствии непосредственным, без всякого приступа объяснением цели своего визита в словах коротких, простых и прямых, приблизительно следующих: «Я к вам по важному делу с горячей просьбой. Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок, и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения того, что сделано ими». Я слышал, что Достоевский имеет нервы, расстроенные до беспорядочности, близкой к умственному расстройству, но не полагал, что его болезнь достигла такого развития, при котором могли бы сочетаться понятия обо мне с представлениями о поджоге Толкучего рынка. Увидев, что умственное расстройство бедного больного имеет характер, при котором медики воспрещают всякий спор с несчастным, предписывают говорить всё необходимое для его успокоения, я отвечал: «Хорошо, Фёдор Михайлович, я исполню ваше желание».

Он схватил меня за руку, тискал её, насколько доставало у него силы, произнося задыхающимся от радостного волнения голосом восторженные выражения личной его благодарности мне за то, что по уважению к нему избавлю Петербург от судьбы быть сожжённым, на которую был обречён этот город...»

Собеседники, естественно, не могли не затронуть в разговоре тревожного вопроса о пожарах. Но вот как сам Достоевский изложил эпизод этой встречи. Поводом для неё послужили вовсе не пожары, а прокламация, призывавшая разрушить социальный и политический строй, истребить царскую фамилию. Конечно, редактор «Времени» был поражён.

«Несмотря на то, что я уже три года жил в Петербурге и приглядывался к иным явлениям, — писал Фёдор Михайлович, — эта прокламация в то утро как бы ошеломила меня, явилась для меня совсем как бы новым неожиданным откровением: никогда до этого дня не предполагал я такого ничтожества! Пугала именно степень этого ничтожества.

Перед вечером мне вдруг вздумалось отправиться к Чернышевскому. <...> Он встретил меня чрезвычайно радушно и привёл к себе в кабинет.

— Николай Гаврилович, что это такое? — вынул я прокламацию.

Он взял её как совсем незнакомую ему вещь и прочёл. Было всего строк десять.

— Ну, что же? — спросил он с лёгкой улыбкой.

— Неужели они так глупы и смешны? Неужели нельзя остановить их и прекратить эту мерзость?

Он чрезвычайно веско и внушительно отвечал:

— Неужели вы предполагаете, что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?

— Именно не предполагал, — отвечал я, — и даже считаю ненужным вас в том уверять. Но во всяком случае их надо остановить во что бы то ни стало. Ваше слово для них веско, и, уж конечно, они боятся вашего мнения.

— Я никого из них не знаю.

— Уверен и в этом. Но вовсе и не нужно их знать и говорить с ними лично. Вам стоит только вслух где-нибудь заявить ваше порицание, и это дойдёт до них.

— Может, и не произведёт действия. Да и явления эти, как сторонние факты, неизбежны.

— И, однако, всем и всему вредят.

Тут позвонил другой гость, не помню кто. Я уехал. Долгом считаю заметить, что с Чернышевским я говорил искренно и вполне верил, как верю и теперь, что он не был «солидарен» с этими разбрасывателями...»

Версия Достоевского, по сравнению с рассказом Чернышевского, представляется более правдоподобной. Ведь в дни, близкие к посещению вождя «революционной партии», Фёдор Михайлович писал статью «Пожары», отвергавшую возможность участия в поджогах студенческой молодёжи, которая была в то время главной носительницей оппозиционно-освободительных настроений. Статья, с одобрения царя, её прочитавшего, была запрещена цензурой. С этого момента за журналом братьев Достоевских было установлено особое наблюдение, несомненно, сыгравшее свою роль в последующем запрещении «Времени».

Но вернёмся к пожарам.

То, что слухи, связавшие имя Чернышевского с пожарами и поджигателями, действительно существовали, подтверждается самим Николаем Гавриловичем.

«Мне известно, что, кроме обвинений, против которых я могу прямо оправдываться, потому что они прямо выражены, — свидетельствовал Чернышевский через год после своего ареста, — существова-

ло против меня множество других подозрений. Например, были слухи <...> что я даже был участником поджога Толкучего рынка».

...Ночь была светла от свежего снега – будто не метель разгоралась, а страшный петербургский пожар.

Послышались голоса: один из говоривших был встревожен, другой – подчёркнуто вежлив...

Вскоре я закрыл ноутбук и вытянулся на диване.

Когда я проснулся, в доме стояла мировая тишина. Марина с Артемием напоминали ратников, утомлённых сечей – настолько крепок был их утренний сон.

«По-моему, поход на «торгушку» закончился безоговорочной победой...»

Стараясь не шуметь, я спустился вниз, заварил чай и стал рассматривать «Сикстинскую мадонну». Копия, написанная знаменитой Словесновой, была великолепна. Впрочем, заинтересовала вовсе не она, а небольшая ваноговская репродукция.

На переднем плане был очеркнут безвестный крестьянин. Недалеко виднелась деревня во ржи, и над нею носился ветер и тихо крутил деревянную мельницу, размалывающую насущный мирный хлеб. Наверное, крестьянин жил в этой деревне, но не имел «ни сытости в желудке, ни счастья в душе»... В его жёлтых глазах стояла тоска, и, кажется, он был готов заскулить.

– Я знала, что тебя заинтересует этот крестьянин.

– Ты права, Марин, – сказал я, не оборачиваясь и не отводя взгляда от картины.

– По-моему, он хочет лечь на землю и заплакать.

– А как же нет? Неотложными слезами и заплакал бы... Такого не увидишь у Рафаэля...

– Пойдёшь сочинять? Иди, а я пока приготовлю поесть, – нахмурилась и неожиданно переменяла тему разговора жена.

– Я возьму Ван Гога наверх?

– Конечно...

...Перебрав множество мест, я повесил репродукцию над письменным столом.

«Этот крестьянин – ну чем не некрасовский Влас? Вот только Марина, кажется, расстроилась. Да, зря заикнулся о Рафаэле Санти... Ладно, за завтраком скажу, что это художник большого масштаба... и вовсе не потому, что эпоха и среда благоприятствовали полному расцвету его своеобразной гениальности».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Жена моя сияла, услышав, что напоминает прекрасную Фортину – возлюбленную Рафаэля, и что её черты я вижу не только в «Сикстинской мадонне», но и в «Святой Цецилии».

Артемию, запахнувшись старым бабушкиным платком, словно плащом, изображал благородного кабальеро. Он картинно вста-

вал на одно колено и, склонив курчавую голову, целовал руку нашей Мадонне. Марина, конечно, старалась соответствовать образу, но надолго её не хватало, и она начинала смеяться... А ещё мы играли в лото, смотрели «Трёх богатырей на дальних берегах» и бросались подушками.

Потом к жене приехала приятельница с пятилетней дочкой Ариной.

Востроглазые и востроносые, одетые в одинаковые светло-персиковые платья, обе гостьи щебетали так, что даже говоруну Артемию не удавалось втолкнуть слова.

Посидев с ними немного ради приличия, я пошёл к себе.

Не могу сказать, что не обрадовался гостям, конечно, обрадовался, ведь появилась возможность закончить главу о Достоевском. Тем более что целый день только и думал об этом. Прежде чем сесть за ноутбук, снова перелопатил архив. И вскоре весь найденный материал был расположен в такой вот последовательности:

«В ночь на 23 января 1863 года центральный национальный комитет Польши объявил о начале вооружённой борьбы. Мятежники намеревались восстановить Речь Посполитую в границах 1772 года.

«Редакция «Времени», — подметил впоследствии Л. Гроссман, — хранит о событиях в течение трёх месяцев полное молчание и наконец поручает написать ответственнойшую политическую статью философу и литературному критику Страхову, который никогда не выступал по вопросам международного характера.

Решено было написать статью не столько в военно-политическом, сколько в общеполитическом плане, заменяя освещение конкретных фактов разразившейся войны трактовкой проблем национальной культуры. Статья появилась в апрельской книжке «Времени» за подписью «Русский» и под очень двусмысленным заглавием: «Роковой вопрос». Оно намекало на знаменитые стихи Пушкина, написанные по аналогичному поводу в 1830 году:

*Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях или верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос?*

Катков в «Московских ведомостях» тотчас раскритиковал и статью, и журнал братьев Достоевских, а по сути, донёс властям «о неверном решении самого животрепещущего политического вопроса дня».

Достоевский сообщал в те дни Ивану Тургеневу:

«Мысль статьи (писал её Страхов) была такая: что поляки до того презирают нас как варваров, до того горды перед нами своей европейской цивилизацией, что нравственного (то есть самого прочного) примирения их с нами на долгое время почти не предвидится.

Но так как изложения статьи не поняли, то и растолковали её так: что мы сами от себя уверяем, будто поляки до того выше нас цивилизацией, а мы ниже их, что, естественно, они правы, а мы виноваты».

Так кто же виноват? Страхов?

По содержанию и стилю статья его чрезвычайно показательна. Манеру критика ядовито охарактеризовал всё тот же Катков в заметке «По поводу статьи «Роковой вопрос»: «...к сожалению, статьи его всегда заключали в себе что-то туманное и неопределённое и как будто ничем не оканчивались. В них чувствовалась мысль добрая по своему настроению, но воспитанная в праздных отвлечённостях, в бесплодном схематизме понятий».

И вот пока публицисты толкуют о понятиях, министр внутренних дел Валуев всеподданнейше докладывает государю «о помещении в № IV журнала «Время» статьи под названием «Роковой вопрос» в высшей степени неприличного и даже возмутительного содержания». Государь разгневан, он «высочайше повелеть соизволил в день 24 мая прекратить издание журнала «Время».

«Полонский в отчаянии, – вспоминала Елена Штакеншнайдер, – да и кто не в отчаянии? Страхов больше всех: Достоевские жили журналом. Только со Страховым, только со «Временем» могло случиться подобное... С этим бледным, невысказанным журналом, добродушным и туповатым».

Конечно, братья Достоевские стараются поддержать друг друга.

«Нынче получил я твоё письмо из Турина, – писал Михаил, – и нынче же спешу отвечать... Во-первых, о брате Николае не беспокойся. Он уже не умирающий, как ты пишешь, а сильно поправляющийся и даже выздоравливающий...»

Теперь о журнале. Дело о нём ещё длится. Надежды у меня ещё большие... Я составил объяснительную записку и написал письмо министру.

<...> Как жаль, что ты не взял «Призраки» у Тургенева. Ты такого маху дал, что я и сказать тебе не могу...»

«В Бадене видел Тургенева, – отвечал Фёдор, – давал он мне читать «Призраки», а я за игрой не прочёл, так и возвратил, не прочтя. Говорит, что написал для нашего журнала... А что я знаю о журнале?»

«Что тебе за дело знать о положении журнала? – укорял брата Михаил. – Была бы только повесть в руках. Знаешь ли ты, что значит теперь для нас Тургенев? Во всяком случае, я должен иметь журнал, иначе я погибну. У меня долги, и я сгнию в долговом отделении. А моё семейство?»

Если можно, на обратном пути заезжай в Баден и исхити у него повесть. Как бы ни назывался наш журнал, а начать повестью Тургенева – ведь это успех.

Только ради Христа не играй...»

«Результатом всех моих хлопот, – сообщал старший брат, – было то, что я узнал, что воскресить «Время» нет никакой возможности, но что мне позволяют издавать новый журнал... Прошение уже мною подано... И всё это я должен делать, не посоветовавшись с тобою. Мне это, друг мой, очень тяжело».

Михаилу Достоевскому действительно тяжело: надзорным органам сначала не нравится заглавие «Почва», а потом и «Правда», чиновники тянут с разрешением.

«Брат выхлопотал себе позволение продолжать журнал под новым названием: «Эпоха», – записал наконец Ф. М. Достоевский. – Позволение вышло только в конце февраля... Журнал, значит, опоздал, подписка уже повсеместно закончилась...»

«Что ж, проиграли так проиграли – валяй сдавай опять! – сказал я сам себе, просматривая отобранные материалы. – Статья Страхова недаром понравилась Достоевским... недаром... Она отвечала стремлению редакции «Времени» к независимости суждений... Точка зрения, выраженная в «Роковом вопросе», несомненно, отличалась от официальной. Это сразу было замечено газетой Каткова, что и вызвало её донос на журнал братьев Достоевских... М-да, остаётся лишь всё изложить...»

...К тому моменту, когда часы в гостиной пробили двенадцать раз, я закончил и главу, и начальную редактуру. В общем, теперь написанное должно было отлежаться.

«Пойду и я, что ли, на боковую... Как же я устал...»

– Так ты не спишь... – осёкся я, поражённый красотой жены.

Это была не рафаэлевская красота, надмирная и непостижимая, нет – это была красота колдовская, которую я всегда и любил.

– А ты бы хотел, чтобы я спала?

В голосе Марины послышалось что-то легкомысленно-игривое, она улыбнулась и поманила меня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

– Мне... Ну не верится мне в удивительно сошедшиеся случайности! – вспыхнул Гулевич-младший. – Вы только посмотрите, куда понесло вашего аукциониста!

– И как же я посмотрю? – покосился я на портрет Путина, висевший над столом Ивана.

– Алексей Николаич, допрос Гринёва записан... на камеру в ноутбуке.

– Вы, Иван, не перестаёте удивлять...

– Гм... до вас мне ещё далеко... До сих пор не могу забыть, как вы с Татьяной дымовую шашку в аукционном доме запалили!

– Ладно-ладно, давайте-ка ваше кино смотреть!

...У Гринёва был вид человека, которого прервали на важном месте и он не понимает, о чём его спрашивают. Вялая, холодная улыбка выдавалась на губах, и аукционист заморгал бесцветными глазками. Иван же смотрел долгим, приковавшимся взглядом.

– Вы, кажется, нездоровы? – заговорил наконец следователь.

– А? Что?

– Я спрашиваю: вам плохо?

– Плохо, но... Прикладываюсь к бутылочке, и становится гораздо утешнее, – задумчиво пожевал губами Гринёв.

– Из-за жены? Её, кажется, Подобедов увёл?

– Это не так! – твёрдо, хотя и негромко выговорил аукционист побледневшими губами. – Я любил мою Марью Ивановну, любил, но я не мог обеспечить её так, как Подобедов... Что она со мной увидела бы? Одну нищету? А Михаил Юрич... Он добрый... он позаботился о ней...

– Но вы же ненавидели его, хотели убить?

– Да, очень хотел убить, – ответил Гринёв, как бы давая самый обыкновенный ответ, – но не убил...

Пётр Андреевич выставил вперёд правую руку, точно защищаясь, и заплакал. Гулевич-младший плеснул из графина воды в стакан и предложил:

– Вот... выпейте...

Аукционист стакан не взял и, закрыв по-детски лицо руками, сидел неподвижно минуту или две, но потом неожиданно вскочил.

– Ни-кто, слы-ши-те: ни-кто, – начал он, как бы читая по слогам, – не впра-ве мне ука-зы-вать...

Иван промолчал, но в лице его показалось какое-то судорожное движение.

– Вы смеётесь? – рванулся было Гринёв.

– И не думал.

– Оставьте эту вашу официальную усмешку... Слышите?

...Я выключил видеозапись и обернулся к Гулевичу-младшему. Он покраснел, нахмурился, вскинул плечами. Кажется, хотел что-то сказать, но, словно уколовшись о мой взгляд, ничего не сказал, а только повернул правую руку так, чтобы я не видел шрам и татуировку «За ВДВ!»

– Знаете, Иван, у слабых характеров есть черта, до которой не надо их доводить... Гринёв поэтому и остервенился... Марья Ивановна – это боль его... Да и не мог он убить, вы же понимаете?

– Аукциониста, хотя у него и был мотив, я не подозреваю, – какая-то сухая, твёрдая нотка прозвучала в голосе Ивана, – а про жену я всё-таки должен был спросить...

Сделав вид, что не заметил раздражения моего молодого друга, я продолжал:

– Когда Сажин привёз его ко мне однажды домой, я, признаюсь, даже разозлился... Гринёв был мне неприятен... Низенького роста, азиатские черты лица, дублёная кожа... Знаете, он тогда на висельника походил... Но мне не было его жалко, а вот теперь... теперь я...

– Да, теперь его стоит пожалеть, – голос Ивана сделался мягким.

– Конечно, стоит... Будем дальше смотреть? – переменял тему разговора я.

Гулевич-младший кивнул и щёлкнул клавиатурой.

...Петр Андреевич сел на своё место, выпил воды, успокоился и заговорил:

– Извините меня, товарищ следователь! Самбициозничал я что-то...

– Ну хорошо, давайте продолжим!

– Всё готов для вас сделать, всё... поверьте! – пересластил неожиданно Гринёв.

Иван внимательно посмотрел на него и спросил:

– Что вы знаете о бюллетенях, которые исчезли из кабинета Подобедова? Для чего они вообще были нужны?

– Как для чего?.. Ведь это такая тетрабочка, где мы официально должны были заблаговременно публиковать дату, время торгов и всё-всё о лотах. Любопытная книжица! Пару лет назад она очень помогала Подобедову выполнять задания вышестоящего начальства, чтобы на аукционе не появились лишние претенденты.

– Каким же образом?

– Сейчас, сейчас объясню... Капли, как говорится, не оставлю на дне чернильницы, – осклабился Гринёв. – Допустим, приходит на какой-либо объект заявка от руководства, мол, надо продать конкретному товарищу. Подобедов поначалу очень переживал, а потом его научили, что надо делать. И теперь после поручений начальства у шефа загорались глаза, ведь под такую заявку он наладил продажу пары-тройки объектов своим личным клиентам. Так вот, когда лишние участники были не нужны, тираж этой книжицы в нераспечатанных пачках выбрасывался на помойку... Правда, я не знаю, почему не были выброшены все бюллетени. Видимо, Михаил Юрич просто забыл о них... так и оставались в кабинете. Ведь ещё два года назад мы были вынуждены отказаться от этих бумажек...

– А здесь поподробнее!

– Поподробнее так поподробнее... Понимаете, кому-то наверху пришла мысль передавать всё происходящее у нас в открытую сеть... Чтоб, значит, любой желающий мог убедиться: махинациям на городских торгах места нет. Какая же это была головная боль для шефа! Впрочем, вскоре всё утряслось. И повадился кувшин по воду ходить... Сервер мог зависнуть в самый кульминационный момент, трафик не позволял протиснуться всем желающим, во всяком случае, такими словами объяснялись с теми, кто не мог посмотреть прямую трансляцию. Видеозапись, что затем выкладывалась в архиве сайта, всегда можно было отредактировать.

– Пётр Андреич, а какова схема торгов?

– Хороший вопрос, ой хороший! Когда желающий что-то купить на аукционе подаёт заявку, он предварительно должен внести задаток – двадцать процентов от суммы покупки. Это нужно для того, чтобы претенденты просто так не задирали цену. Если впоследствии откажешься по какой-либо причине оплачивать покупку, сумма задатка уйдёт в казну...

– И это всё?

– Нет, не всё... – с хитрейшей иронией заметил Гринёв. – Не на каждый лот покупатели находились, и, если таковых оказывалось не более одного, торги по лоту отменялись, и желанный объект повисал в воздухе месяца на два-три, пока не выставлялся на новые торги. Поэтому нужным людям вовремя советовали подавать сразу две заявки – скажем, от себя и от жены или от приятеля...

– То есть если других желающих не оказывалось, лот можно было взять буквально даром, – подсказал Гулевич-младший аукционисту.

– Ну да, по бросовой цене... Единственное неудобство – приходилось замораживать на счетах нашей конторы два задатка, то есть сорок процентов от цены объекта. Впрочем, какое неудобство? Это

чушь, сапоги всмятку! Клиенты всегда соглашались... Только представьте: стоимость пяти-восьми объектов на каждом отдельном торгах в среднем по тридцать-сорок миллионов рубликов, сумма задатков еженедельно составляла двести пятьдесят и даже пятьсот миллионов...

– Получается, что на счетах аукционного дома крутилось до двух миллиардов рублей в месяц, – ослабив чёрный форменный галстук, подытожил Иван.

– И это круглый год! Набегала аховская сумма...

– Вы готовы всё это подтвердить в суде?

– Что?.. Вы это серьёзно? – всколыхнулся аукционист в испуге. – Я, я не знаю ни одной фамилии... я больше ничего не знаю...

– Ваши показания, Пётр Андреич, крайне важны... Вы слышали о программе защиты свидетелей?

– Я не хочу быть свидетелем! – Гринёв взвизгнул, но вдруг осел перед засверкавшим взглядом следователя.

– Останетесь в живых... Слышите? Сами же говорили, что за вами кто-то следит...

– Да-да, я заметил, – скорчился аукционист, – какой-то человек всё время ходит за мной...

– Так не празднуйте труса...

– Что я должен подписать?

...Видео закончилось, и Гулевич-младший закрыл ноутбук.

– Игорь Алексеич это уже смотрел? – спросил я.

– Пока нет, а что?

– Хотелось бы услышать его мнение. Мне кажется, что наш аукционист что-то не договаривает... А впрочем, не знаю...

– Да, конечно, я покажу отцу.

– Иван, не толкнуться ли нам в кафе... пообедать?

– Почему бы и не толкнуться? – Только теперь этот чернобровый, красногубый живчик позволил себе улыбнуться.

Он пропустил меня вперёд и, взяв с вешалки шапку с курткой, погасил свет в кабинете.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

– Доставайте-ка свой голландский табак и закуривайте! Знаете, очень хочется вдохнуть этот славный аромат!

– Понимаю, вот только я курить бросил...

– Как? Когда? – удивился Игорь Алексеевич.

Помолчав, подумав, он сказал:

– Мы так редко в последние месяцы виделись, что я толком и не знаю, как ваши дела...

– Расследование что-то заколодило... не идёт...

– Я не о расследовании говорю, Алексей Николаич... Как новая работа? С начальством общий язык нашли?

– С начальством? Да, заключил пакт о ненападении...

– Надолго?

– Не знаю, не знаю... Впрочем, именно сейчас я могу «через память действовать в живых»... Дело не только в такой эпической необходимости, дело здесь и в практической пользе... Наши военные мемориалы, Игорь Алексеич, нуждаются, бедствуют. Начальство поручило мне провести ревизию, определить масштаб этого бедствия. Вот и определяю... потому пакт о ненападении...

Движением борца, избавившегося от захвата, Гулевич выпрямил спину и встал.

– Алексей Николаич, вникните! Отечественная война стужёвывается силой забвения.. Увы, человеческое сердце склонно к этому! И нужно... нужно восстановить справедливость!

– Насчёт справедливости вы верно заметили.

– Да, верно... Но скажите, у вас кто-нибудь погиб в Сталинграде?

– Прадед, Алексей Николаич Калинин, в августе 1942-го на дальних подступах к городу попал в окружение... Был политруком... Погиб, подорвавшись гранатой...

– И моего деда Ивана брат здесь... снайпер пулей щекотнул... Да что говорить... видели, сколько имён в пантеоне?

Я кивнул.

Игорь Алексеевич ещё полминуты постоял, греясь у камина, и снова сел в кресло.

Мастиф по кличке Мрак показал зубы и лёг к ногам хозяина.

В дверь позвонили.

...Иван и Татьяна, вернувшиеся из театра, рассказывали нам о премьерере «Боинг-боинга». Время от времени эти счастливые жених и невеста перебивали друг друга и смеялись.

«Мы с Игорем Алексеичем пытаемся следить за перипетиями новой комедии, но думаем, кажется, совсем о другом. О нашем незаконченном разговоре...»

– А правда, Алексей Николаич, что вы кучу анекдотов знаете? – прервала мои размышления Татьяна.

– Правда, только рассказывать их не умею.

– Что, совсем-совсем не умеете? – не сдавалась девушка. – Попробуйте, я вас прошу!

– Ну и попробую! – сказал я, улыбаясь. – Вот вам случай! У меня на работе, в министерстве, почти все барышни сладкоежки. Любят, знаете ли, мороженое. А тут кто-то их пломбир из холодильника утащил. Они, конечно, заголосили, но никто не признаётся. Тогда я пошёл в кафе, купил мороженого и незаметно в холодильник сунул. Жду, значит. Обнаружили наши девушки пропажу, обрадовались. Полакомились, утихомирились. Чуть позже пишу записку и опять-таки незаметно на холодильник клею, всего два слова: «А спасибо?»

– А они что? – В глазах Андреевой засветилось любопытство.

– Они? Они тоже ответили... Спасибо, мол, но наше мороженое было от «Коровки из Кореновки», а ваше – порошковое, с молокоза- вода № 3... В общем, приголубили!

Иван хохотал-грохотал, у Игоря Алексеевича ходил живот, а Татьяна растерянно косилась в пол. Но вскоре уже и она смеялась громко и заразительно, закрываясь по-детски ладонью.

...После ужина мы переместились в гостиную, чтобы обсудить, как продвигается расследование.

Игорь Алексеевич разложил на журнальном столике документы и, не заглядывая в них, стал говорить. Своими обрядовыми жестами он напоминал священника. Я внимательно слушал его и мысленно пометал: «Многочисленные махинации в аукционном доме – пункт раз; убийство – пункт два; пропавшие бюллетени – пункт три; исчезнувший, но найденный видеооператор – пункт четыре; откровения Петра Андреевича Гринёва – пункт пять; ниточки, ведущие к Пушкаруку и другим высокопоставленным чиновникам, – пункт шесть».

– Только так, – сказал, вдруг повышая голос и дыша необыкновенно ровно, Гулевич, – заканчивать расследование и сажать их всех!

– Пункт семь, – сказал я.

– Что ещё за пункт семь? – переспросил Игорь Алексеевич.

– Записная книжка Подобедова – это пункт семь.

– А вы разве расшифровали записи? – удивился Иван.

– А что вас смущает? Кювье восстанавливал скелет доисторического животного по одной его кости. Так и для меня достаточно было одного слова-ключа, чтобы восстановить всю картину, расшифровать эти записи. Пусть и не сразу...

– Но в чём же фишка? – придвинулась поближе ко мне Татьяна.

– Знаете, это поразительно, ведь Подобедов применял цифровой «гамбеттовский» шифр... Точно такой же когда-то использовала «Земля и Воля», а потом и народовольцы. Вообще говоря, у народовольцев в ходу было множество ключей к шифрам: отдельно для членов грозного исполнительного комитета, отдельно для периферии, почти у каждого подпольщика был свой ключ. В деятельности «Народной воли» активно применялась защита информации, шифровки довольно часто писались невидимыми чернилами между строк безобидного послания... Но, повторюсь, покойный Подобедов оставил нам поразительное чтиво. Слово-ключ к нему: «Машенька».

– «Машенька»? – Возле глаз Игоря Алексеевича резко обозначились морщины.

– Ну да, – продолжал я, – шифр Подобедова открывается именем его жены Маши, Марьи Ивановны...

– Это бывшая жена Гринёва, – уточнил Иван.

Татьяна от нетерпения заёрзала на диване и я, более не затягивая, рассказал о том, что в записной книжке зашифрованы фамилии чиновников и суммы, им причитавшиеся.

– Вот списки, Иван, изучайте!

– Алексей Николаич, вы же понимаете, как теперь пойдёт расследование? – разволновался Гулевич-младший.

– Поэтому и передаю вам эти списки.

– Конечно, всю информацию предстоит ещё проверить, но у нас теперь в любом случае преимущество, – подытожил Игорь Алексеевич, и в голосе его слышалась радость действителя.

...На улице возле машины мой друг вспомнил о допросе Гринёва.

– Посмотрел и я видеозапись... Этот несчастный, в темя битый человек то просит прощения за промахи, за свою косую жизнь, то давится нетерпением, огрызается... Но вот чего он точно не делает, так это не врёт Ивану.

– Да, пожалуй.

– Я всего на десять лет старше вас, – неожиданно перескочил на другое Гулевич, – но я не всегда вас понимаю... Вникните!

«В наши дни это и составляет разницу в поколение...», – шевельнулось во мне, но сказал я совсем не то:

– Согласитесь, десять лет – дистанция огромного размера... Вы меня не всегда понимаете, я – Ивана и Татьяну. Это – нормально...

Город кричал как футбольный болельщик, разозлившийся на проигравшую команду.

«Так разоряется, словно мы уже продули чемпионат мира!»

Вскоре я свернул со Второй Продольной на свою снегом засыпанную улицу. Возле дома выключил двигатель.

Всё глухо смолкло.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Город пережёвывал слухи.

Следственный комитет проводил аресты.

Следователь Гулевич разбирался в разноголосице показаний фигурантов громкого дела.

Здание на проспекте Ленина, 9, казалось, обезлюдело: кто-то из чиновников ушёл на больничный, кто-то – в отпуск.

Цеповяза вызвали в Администрацию Президента.

Прицыкина полетела в Москву вместе с губернатором.

Был момент, именно момент, потому что всё менялось не по дням, а по часам. Мне, Игорю Алексеевичу и Татьяне оставалось только следить за происходящим, собирать факты и строить целый мир догадок.

Губернаторские газеты и телеканалы в эти дни рассказывали про концерты и выставки, но молчали о том, что действительно волновало всех: о больших начальниках, умыкнувших большие деньги.

«Журналисты, – выскочило из памяти, – сволочь мира сего, живущие за счёт дымящихся внутренностей...»

Сам я не писал ничего журналистского, не газетничал со дня увольнения из «Волгоградских вестей» и думал, что уже не напишу. Но, как оказалось, ошибся. Работа над книгой о Достоевском опять застопорилась, возникла пауза, и я неожиданно для себя занялся очерком о Евдокии Сергеевне Помощниковой.

Колхоз, трудодни, хлебная пайка, пятеро детей; «весь боль и ушиб» – вернувшийся с войны муж. Словом, судьба Помощниковой, совсем не беденькая и верхоглядная, напоминала судьбу моей покойной бабушки Раисы Алексеевны Безруковой.

– Вам о жизни казать как: сверху вниз или снизу вверх? – спросила, хитро улыбаясь, девяностолетняя Евдокия.

– Да вы, бабушка, юморист! – сказал я.

– Зови меня Дусяней, милый...

– Хорошо! – С нескрываемым любопытством разглядывал я словоохотливую собеседницу.

Пальцы её всё время двигались, глаза танцевали. Жёлтенькие цыплячьи волосы были подобраны наверх старой изломанной гребёнкой. Платье тоже было старое, выцветшее, но чистое и кое-где аккуратно подзашитое.

– Молиться днём душа не может... Я так батюшке-отцу и брякнула, – встрепенулась старушка.

– Вы о священнике?

– Ну, конечно, милый, о священнике... Призвала-то я его, чтоб исповедаться да причаститься... Пришёл, значит, чин чином обрядил, образил... Даю полотенце и денежку, а он и не взял, мол, не положено мне...

Мы помолчали, понимающе перемигиваясь, и она сказала:

– Вообще-то я была массовая... рабочая...

– А счастливы были? – вырвалось само собой у меня.

Она ощупала моё лицо со всех сторон глазами и тихо вздохнула:

– Была, ой была! Когда вспоминаю моего Василия Фёдорыча, сердце бьётся как у собаки... Так-то, милый, так-то...

Очерк получился скорее грустным, чем нет. Но бабушке Евдокии понравился, и я тиснул его в ЖЖ.

Вскоре появились и отзывы.

Больше всего заинтересовали размышления Вероники Лефтор из Камышина.

Она не только горячо высказалась по «теме», но и прислала отрывок из интервью Хемингуэя, в котором говорилось вот что: «Работая для газеты, вы должны каждый день стирать губкой все впечатления на доске вчерашнего дня... И газетная работа ценна для писателя лишь до тех пор, пока она не начинает разрушать его память. Писатель должен бросить работу в газете ещё до этого...»

Видимо, девушка основательно изучила творчество Папы Хэма.

Послание заканчивалось строчками из «Смерти после полудня»: «...не следует путать серьёзного писателя с торжественным писателем. Серьёзный писатель может быть соколом, или коршуном, или даже попугаем, но торжественный писатель всегда – сын».

«Да, эта Вероника сумела понять Эрнеста Хемингуэя лучше, чем его многочисленные собратья по перу...»

...В эти дни пришло и другое взволновавшее меня послание.

Нина Роппельт, которую я любил когда-то и которая, сделав несчастный аборт и оставив меня, почему-то венчалась со стариком, сообщала, что муж её умер и она уже полгода как одна.

Я позвонил ей и сказал, что соболезную. На её вопрос, приеду ли повидаться к ней в Москву, поговорить о нас, о будущем, я ответил, что нет.

Нина, исследившая много лет назад мне душу, появилась в моей жизни, чтобы вновь исчезнуть. Я не хотел больше растягивать душу на стороны, не хотел.

Помогла книга. Это была моя новая книга рассказов, гранки которой прислало издательство. Я истово правил, стараясь ещё на лишней день или два задержать гранки у себя, чтобы только не думать о Нине Роппельт.

...А город всё пережёвывал слухи.

В Сети появились фотографии, на которых влиятельный чиновник Пушкарук обедал в компании с недавно избравшимся в думу бизнесменом Самвелом Иосифяном.

Избирательный марафон Иосифяна запомнился горожанам большим количеством скандалов: «каруселями», когда студентов с открепительными удостоверениями возили для голосования с участка на участок; избиениями наблюдателей и порочащими других кандидатов листовками.

Фотографии тиснул в сеть Женя Опоченин, и я, признаться, даже опасался за него. К счастью, все опасности были – как в книжке о морских разбойниках, только для того, чтобы избежать их на той же странице.

– С какими бы хорошими намерениями человек ни приходил к власти, – митинговал у меня на кухне Опоченин, – власть неизбежно испортит его... Власть имущий всегда сам найдёт – или извилистые люди подскажут ему – оправдание самым бесчестным и несправедливым поступкам... И польются тогда помои красноречия.

Мой друг доказывал, что симптомы этой болезни рано или поздно проявляются у всех людей, облечённых властью. Он приводил множество примеров.

Я слушал его и думал, что, пожалуй, он не так уж и не прав.

Из всех тех, кого я знал и кто имел большую власть, только двое являлись исключением. Это Гулевич и бывший глава Николаевского района Христенко.

– Нас цепь угрюмых должностей опутывает неразрывно, – продекламировал наконец с патетикой Опоченин и застыл, видимо, ощущая себя этаким «разгребателем грязи».

Ещё мгновение мы оба были серьёзными и сосредоточенными, а потом расхохотались...

Снова и снова я размышлял о том, что говорил Евгений, и не мог с ним полностью согласиться.

«У турок есть хорошая пословица: «Виноват не только топор, но и дерево»... Разве теперь общество наше готово действовать? Нет, однозначно нет! Когда несколько лет назад продажный избирком снял Христенко с выборов, многим ли было до этого дело? Опять же нет. Ну а Гулевич? Разве смог умница Гулевич сцементировать нашу так называемую элиту? Нет, нет и нет. Общество и элита безучастно взирают... Тепло им на свете?..»

Продолжение следует.

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОШЛОЕ САРАТОВА

Часть 1

Отсчёт своей истории литературное творчество, связанное с саратовской землёй, начинало со второй половины XVIII века, в основном с трудов священника Герасима Скопина, которые были продолжены его сыном Николаем, а затем, уже с начала XIX века, и некоторыми другими духовными лицами (архиепископ Платон, епископы Амвросий и Иаков, протоиерей Александр Никольский и др.). С середины XIX столетия всё основное в литературном процессе делается усилиями светских писателей: братья Сергей и Михаил Голицыны, Андрей Леопольдов, Степан Шевырёв, Алексей Будищев.

XX век на всём своём протяжении был ознаменован неиссякаемым потоком литературных сил, начиная с писателей Константина Федина, Фёдора Гладкова и Бориса Пильняка, поэтов Петра Орешина и Михаила Кузмина.

Путь литературы, имевшей саратовские корни, рассмотрим на примере наиболее значительных имён.

***

Самое первое имя, значимое для нас, – мыслитель и писатель *Александр Николаевич Радищев* (1749–1802),

-
- Александр Иванович Демченко – профессор Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, профессор Саратовского государственного университета, Саратовского государственного социально-экономического университета, Оренбургского государственного университета искусств имени Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Член Союза композиторов РФ, Союза журналистов РФ. Заслуженный деятель искусств РФ. Заслуженный деятель науки и образования. Лауреат Всероссийского конкурса на лучшее учебно-методическое пособие. Обладатель Золотой медали В. И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки и Почётного звания «Основатель научной школы». Почётный гражданин города Саратова.

который детские годы провёл в одном из саратовских имений (ныне село Радищево Пензенской области).

Радищева справедливо считают одним из наиболее смелых умов эпохи Просвещения. Всё его творчество пронизывают высокий гражданский пафос, идея свободы, протест против прочно укоренившейся социальной системы угнетения человека, что определило остро выраженную антикрепостническую и антимонархическую направленность.

Уже в одном из сочинений 1773 года он утверждал, что *«самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние»*, и доказывал, что народ имеет право судить монарха-деспота. Ода **«Вольность»** (1783) явилась первым произведением русской революционной поэзии. Обвинения, брошенные в адрес царя (*«Злодей, злодеев всех лютейший!.. Преступник, изо всех первейший!»*), по мнению автора, дают право народам России судить и возвести его на плаху — предрекается, что они рано или поздно поднимутся на революцию и *«волка хищного задавят»* (имеется в виду самодержавие).

Вслед за тем появляются повесть **«Житие Ф. В. Ушакова»** (1788), в которой излагаются биография друга юности Радищева и рассказ о бунте русских студентов в Лейпциге. Здесь проводится мысль о необходимости гражданской активности человека, о праве угнетаемых на восстание и о роли в нём выдающейся личности.

В те же годы писатель создаёт своё главное произведение — **«Путешествие из Петербурга в Москву»** (1784–1789 гг.). По сути своей, это художественно-публицистическая книга, наполненная раздумьями над различными сторонами человеческого существования. Есть место здесь и «вечным» вопросам. К примеру, в одной из глав («Крестцы») описывается пространное напутствие, с которым добродетельный отец обращается к сыновьям, начинающим самостоятельную жизнь. Отзываясь на эту сцену прощания, автор размышляет о том, что дети надобны родителям только до совершеннолетия, и приводит сравнение из мира природы.

«Птенец пернатых не ищет помощи от произведших его, когда сам начнёт находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда сии возмужают. Се есть закон природы».

Но господствуют в книге не сентенции о жизни вообще, а раздумья остроактуального социально-политического характера. Для того чтобы подвести читателя к далеко идущим выводам, Радищев воспользовался распространённым тогда в литературе сентиментализма жанром «путешествия». Все главы обозначены названиями населённых пунктов (вместе с Петербургом и Москвой их 26), и с каждым новым местом пути — новые лица, истории, раздумья и комментарии. Избранная свободная форма повествования позволила изобразить разные стороны жизни и различные сословия, поднять всевозможные проблемы и, таким образом, воссоздать обширную панораму русского бытия.

Сюжетом здесь становится история человека, открывающего для себя правду жизни и идеалы, ради которых стоит жить и бороться. В этом внутреннем обновлении определяющую роль сыграли встречи путешественника с народом, который постепенно занимает в пове-

ствовании всё более важное место и обрисован так, как он никогда не изображался ни в русской, ни в мировой литературе. Путь от заблуждений к истине прочерчен с такой же ясностью, как и тракт от Петербурга до Москвы, по которому пролегает маршрут героя. И к завершению этого маршрута народ расценивается как движущая сила будущей революции, а дворянин, порывающий со своим классом, становится *«прорицателем вольности»*.

Помимо жанра с литературным сентиментализмом *«Путешествие...»* роднит и такое коренное для этого художественного направления качество, как *чувствительность*, то есть способность мыслящего человека воспринимать жизненные впечатления в призме собственных душевных переживаний. Одного своего приятеля автор аттестует так: *«Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое»*, – и это эталон сентименталиста. Сам герой постоянно опечален по поводу всевозможных надругательств над человеком. Его духовную жизнь определяет отзывчивость к мукам и горестям других, а нравственный кодекс со всей чёткостью сформулирован в первых же словах: *«Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала»*.

Однако это не чувствительность вообще, а чувствительность, которая становится здесь прежде всего резонатором непримиримого неприятия крепостнического уклада. Автор исходит из постулата, который он вкладывает в уста одного из своих знакомых: *«Человек рождается в мир равен во всём другому»* – так интерпретировано здесь краеугольное основание «естественного права», проповедуемого прогрессивной этикой Просвещения. И он нередко ставит крестьян в пример дворянам, а городу и городской жизни пеняет за развращение нравов.

От главы к главе по нарастающей рисуется поражающая несправедливость господ и начальства разного рода. Не раз со страниц *«Путешествия...»* раздаётся поистине крик души автора.

«Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, – воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не только дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти её у него постепенно! С одной стороны – почти всесилие, с другой – немощь беззащитная».

Показав полнейшее бесправие и беззаконие, царящие во всех областях жизни России, Радищев называет главный источник угнетения – самодержавие. Не случайно в качестве эпиграфа *«Путешествию...»* предпослана несколько изменённая строка из поэмы В. Тредиаковского *«Телемахида»*: *«Чудище обло, огромно, стозевно и лаяй»* (обло – толстое, стозевно – имеющее сто пастей, лаяй – лающее). Знающие поэму Тредиаковского однозначно воспринимали эту цитату как выпад против царей-деспотов.

В ходе путешествия автор приходит к убеждению, что Россия бедствует, что повсюду в ней *«неустройства»*, злоупотребления властью и бесчеловечный гнёт рабства. Он не одинок в своих сетованиях на зло и несправедность. Так, в пути встретился ему приятель,

который безоглядно бежит из Петербурга, поскольку в лице некоего начальника столкнулся с таким равнодушием к человеческой жизни, что заканчивает свой рассказ словами отчаяния: *«Нет, мой друг, заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно».*

Но автор не приемлет подобных попыток бегства от действительности, он ищет путей выхода. *«Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению...»* С просветительских позиций своего времени Радищев ратует за лучшее, разумное и справедливое устройство жизни. В этом отношении особенно показательны главы с подзаголовком «Проект в будущем»: рассуждая о несправедности нынешнего жизнеустройства человечества, в том числе крепостного рабства в России, писатель рисует утопические картины всеобщего благоденствия в будущем, если построить его на принципах разума, равенства и гуманности.

При этом он нередко ссылается на республиканские свободы в Соединённых Штатах, упоминает и 1789 год, подразумевая начавшуюся Французскую революцию, то есть отмечает самое передовое в мировой социально-политической практике тех лет. Благодетельные примеры находит Радищев и в родной истории. В главе «Новгород» он с восторгом говорит о временах, когда этот город был республикой, и *«народ в собрании своём на вече был истинный государь»*, попутно задаваясь вопросом о царе Иване Васильевиче: *«Какое он имел право свирепствовать против них; какое он имел право присвоить Новгород?».*

Сразу же по выходу «Путешествия...», призывавшего к *«избиению племени мучителей»*, началось следствие, которым руководила Екатерина II. Суд приговорил автора к смертной казни, которую императрица заменила ссылкой в Сибирь. Мятёжная книга (А. Пушкин назвал её *«возвращением к возмущению»*) была конфискована и до 1905 года распространялась в нелегальных списках.

Радищев до конца жизни твёрдо придерживался своих принципов и оставался певцом свободы и народного блага. В стихотворении *«Ты хочешь знать...»*, написанном в ссылке (1791), он с достоинством говорит о себе: *«Я тот же, что и был и буду весь мой век:/Не скот, не дерево, не раб, но человек!»*

После воцарения Александра I писатель был амнистирован, возвратился в Петербург, находился на службе в Комиссии составления законов и в предложенных им проектах юридических реформ вновь выступил за отмену крепостного права. Убедившись в бесплодности своих ожиданий освобождения крестьян и находясь под угрозой новых репрессий, Радищев покончил жизнь самоубийством.

О первооткрытиях писателя хорошо сказал Н. Бердяев: *«Когда Радищев в своём «Путешествии из Петербурга в Москву» написал слова: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала», русская интеллигенция родилась. Он замечателен оригинальностью своей чувствительности, своим стремлением к правде, к справедливости, к свободе. Он был тяжело ранен неправ-*

дой крепостного права, был первым его обличителем. Он утверждал верховенство совести: «Если бы закон, или государь, или какая бы то ни было другая власть на земле принуждали тебя к неправде, к нарушению долга совести, то будь непоколебим. Не бойся ни унижения, ни мучений, ни страданий, ни даже самой смерти».

Имя Александра Николаевича Радищева носит одна из центральных улиц Саратова и находящийся в нашем городе прославленный Художественный музей, перед зданием которого установлен мраморный бюст писателя (1953, скульптор А. Кибальников).

***

Более чем кто-либо другой продолжил дело, начатое Радищевым, **Николай Гаврилович Чернышевский** (1828–1889) – мыслитель, публицист, литературный критик, писатель. Он родился в Саратове в семье священника, учился в здешней духовной семинарии. После окончания историко-филологического отделения Петербургского университета преподавал русский язык и литературу в Саратовской гимназии, где откровенно высказывал свои убеждения (некоторые из его учеников впоследствии стали революционерами).

Ввиду характера своей последующей деятельности в Петербурге, в 1862 году был арестован и осуждён на пожизненное заключение в Сибири, где провёл свыше двадцати лет. В 1883-м переведён в Астрахань под надзор полиции, а в 1889-м, за несколько месяцев до смерти, получил разрешение жить на родине, в Саратове. В нашем городе он прожил в общей сложности более двадцати лет, то есть треть своей жизни. Здесь существует Литературно-мемориальный музей-усадьба Н. Г. Чернышевского и установлен памятник ему.

В сравнении со своим предшественником В. Белинским и последователем Н. Добролюбовым, Н. Чернышевский отличался исключительной многосторонностью интересов и помимо литературной критики создавал историко-литературные труды («Сочинения Пушкина», «Очерки гоголевского периода русской литературы» и др.), трактаты по эстетике (главный из них – «Эстетические отношения искусства к действительности»), а также философские и социально-публицистические работы.

В области литературной критики Чернышевский развивал принципы и традиции Белинского, вслед за которым устанавливал теснейшую связь эстетического идеала человека, его представлений о прекрасном и его художественной деятельности с другими сферами бытия. Прекрасное есть жизнь, настаивал он, высочайшая красота есть именно красота, рождаемая миром действительности. Предназначение искусства, являющегося «учебником жизни», заключается в том, чтобы научить людей видеть и понимать прекрасное в жизни, мобилизовать силы общества на борьбу против всего, что стоит на пути к высокому идеалу. Литературу Чернышевский рассматривал как силу, способствующую познанию, оценке и изменению действительности. Таким образом, общественно-практическая, активно-преобразующая роль искусства выдвигалась на первый план.

Эти идеи, а также обоснование целостной, общеэстетической концепции русского реализма оказали огромное влияние не только на литературу, но и на живопись передвижников, на музыку композиторов «Могучей кучки» (особенно на М. Мусоргского).

Критика журнала «Современник» связывала объяснение и оценку литературных произведений с постановкой острых социально-политических проблем, что сделало издание, в котором работал Чернышевский, главным легальным органом русской демократии.

Примечательна этическая оценка, прозвучавшая в посвящённом ему стихотворении Н. Некрасова.

*Его ещё покамест не распяли,
Но час придёт – он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.*

В добавление к сказанному о многосторонности деятельности Чернышевского необходимо упомянуть его романы «**Что делать?**» и «**Пролог**», где нашли определённое выражение его социалистические идеалы и представления о том, какой должна быть общественно-действенная литература.

***

Роман «**Что делать?**» (1863) стал наиболее значительным из литературных сочинений Чернышевского. Находясь в заведомой оппозиции к существующему порядку вещей, автор зорко подмечал неудовлетворяющие его стороны современного ему жизненного уклада России. Николая Гавриловича отличали острое писательское зрение, житейская наблюдательность, ясное видение маленьких, простибельных и больших, непростибельных слабостей человеческих, довольно остроумная манера изобличать их.

Вот характерный штрих. Состоятельная женщина, от которой зависит благосостояние отца Веры Павловны, за готовность услужить собирается отблагодарить, называя стоимость вещей, – автор же обозначениями в скобках делает соответствующие уточнения по поводу реальной цены называемых предметов.

« – Татьяна! – Вошла старшая горничная. – Найди моё синее бархатное пальто. Это я дарю вашей жене. Оно стоит 150 рублей (85 рублей), я его только 2 раза (гораздо более 20) надевала. Это я дарю вашей дочери, – Анна Петровна подала управляющему очень маленькие дамские часы, – я заплатила 300 рублей (120 рублей). Я умею награждать...»

Разумеется, эта писательская зоркость и наблюдательность распространяются и на всё остальное описываемое в романе. Для иллюстрации можно привести эпизод из истории сближения главных героев. Лопухов даёт уроки младшему брату Веры Павловны. И она, и учитель несколько наслышаны друг о друге, и вот впервые будущие супруги видятся. Авторская речь перемежается мыслями, которые пробегают в их головах, что приносит тонкий психологический аромат.

«На диване сидели лица знакомые: отец, мать ученика, подле матери, на стуле, ученик, а несколько поодаль лицо незнакомое – высокая стройная девушка, довольно смуглая, с чёрными волосами – «густые, хорошие волосы», с чёрными глазами – «глаза хорошие, даже очень хорошие», с южным типом лица – «как будто из Малороссии; пожалуй, скорее даже кавказский тип; очень красивое лицо, только очень холодное, это уж не по-южному; здоровье хорошее: нас, медиков, поубавилось бы, если бы такой был народ! Когда войдёт в свет, будет производить эффект. А впрочем, не интересуюсь».

И она посмотрела на вошедшего учителя. Студент-медик был уже не юноша, человек среднего роста или несколько выше среднего, с тёмными каштановыми волосами, с правильными, даже красивыми чертами лица, с гордым и смелым видом – «недурён и, должно быть, добр, только слишком серьёзен». Она не прибавила в мыслях: «а впрочем, не интересуюсь», потому что и вопроса не было, станет ли она им интересоваться».

Вера Павловна оказывается в ряду тех, суть устремлений которых со всей ясностью обозначена подзаголовком романа: *«Рассказы о новых людях»*. «Новые» для Чернышевского – это значит люди высоких достоинств, натуры деятельные, чистые, безупречно честные, иначе, чем прежде, устраивающие семейный быт, заботящиеся о благе всеобщей жизни. Выявляя в реальности России середины XIX века ростки и зёрна соответствующих этому норм морали и человеческих отношений, автор тем самым раскрывал лучшее в облике русского разночинца 1860-х годов, который уже тогда становился ключевой фигурой и главным двигателем общественно-исторического процесса.

Главным для повествования становится утверждение идей позитивизма, который был в определённой степени этическим знаменем постромантизма. У Чернышевского эти идеи выступают в сопряжении с распространившейся тогда теорией «разумного эгоизма», что, в частности, подразумевало свободное подчинение личной выгоды общему делу, от успеха которого в конечном счёте выигрывает и личный интерес индивида.

Важнейшей задачей считалось решительное избавление от романтических иллюзий, господствовавших в первой половине XIX столетия. Примечательные разъяснения на этот счёт автор вкладывает в уста одного из главных героев романа, человека безусловно положительного и рьяного адепта позитивизма. Итак, диалог Веры Павловны с Лопуховым, который, будучи старше и опытнее, учит её умуразуму.

«– Стало быть, правду говорят холодные, практические люди, что человеком управляет только расчёт выгоды?»

– Они говорят правду. То, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями, – всё это в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе и в корне само состоит из того же стремления к пользе.

– Положим, вы правы. Но ведь эта теория холодна.

– Теория должна быть сама по себе холодна. Ум должен судить о вещах холодно.

- Но она беспощадна.
- К фантазиям, которые пусты и вредны.
- Но она прозаична.
- Для науки не годится стихотворная форма.
- Итак, эта теория обрекает людей на жизнь холодную, безжалостную, прозаичную?..
- Нет, Вера Павловна, эта теория холодна, но учит человека добывать тепло. Спичка холодна, холодна стенка коробочки, о которую трётся она, дрова холодны, но от них огонь, который готовит тёплую пищу человеку и греет его самого. Эта теория безжалостна, но, следуя ей, люди не будут жалким предметом праздного сострадания. Ланцет не должен гнуться – иначе надобно будет жалеть о пациенте, которому не будет легче от нашего сожаления. Эта теория прозаична, но она раскрывает истинные мотивы жизни, а поэзия – в правде жизни. Почему Шекспир – величайший поэт? Потому, что в нём больше правды жизни и меньше обольщения, чем у других поэтов».

На этот счёт дискуссия не утихает едва ли не на всём протяжении романа. К примеру, другой из главных героев романа, Кирсанов, ставший позже вторым мужем Веры Павловны, на соответствующем витке развития сюжета решает для себя мучительную дилемму: дать волю своим чувствам и тем самым нарушить супружеское счастье Лопухова, своего лучшего друга, или утаить любовь к Вере Павловне. Ход его позитивистских рассуждений убеждает во втором.

«Мое положение вот какое: я люблю вино, и передо мною стоит кубок с очень хорошим вином, но у меня есть подозрение, что это вино отравлено. Узнать, основательно или нет моё подозрение, я не могу. Должен ли я пить этот кубок или опрокинуть его, чтобы он не соблазнял меня? Я не должен называть своё решение ни благородным, ни даже честным – это слишком громкие слова, я должен назвать его только расчётливым, благоразумным: я опрокидываю кубок. Через это я делаю себе некоторую неприятность, но зато обеспечиваю себе здоровье, то есть возможность долго и много пить такое вино, о котором я, наверно, знаю, что оно не отравлено. Я поступаю неглупо, вот и вся похвала мне».

Чувство любви, но не как стихийная страсть, а как осознаваемое и контролируемое разумом, приобретает в системе ценностей «нового человека» чрезвычайно важное положение. Поэтому лирические мотивы занимают в романе едва ли не главенствующее место. К слову, в своё время он был пропущен цензурой в печать, поскольку чиновники увидели в нём всего-навсего любовное повествование. И это случилось по отношению к автору, находившемуся тогда в тюремном заключении! Сразу же по выходе романа оплошность обнаружили, и ответственный цензор был освобождён от должности.

Тем не менее лирические чувства основных и второстепенных персонажей – отнюдь не «прикрытие» социологической подоплёки. И, подробно рассказывая о всевозможных перипетиях «личной жизни», Чернышевский настойчиво проповедует новую этику человеческих отношений, понимание подлинной любви как чувства без примеси эгоистического присвоения себе того, кого по-настоящему любишь.

Эта этика с наибольшей отчётливостью декларируется Лопуховым, который на определённом этапе чутко ощутил, что Верой в отношении к нему больше руководит чувство глубокой признательности ему за то, что он женитьбой на ней избавил её от домашнего ада, однако сердце её с некоторых пор уже принадлежит другому. Осознав это, Лопухов готов сделать всё, чтобы любимая женщина обрела счастье с этим другим.

Из «новых людей» наиболее оригинален и своеобразен Рахметов. Согласно описанию Чернышевского, будучи по происхождению из крупной и родовитой помещичьей семьи, он из убеждений «пошёл в народ», испытал себя в любых ипостасях тяжёлого физического труда, *«приобрёл и, не щадя времени, поддерживал в себе непомерную силу. «Так нужно – говорил он, – это даёт уважение и любовь простых людей».* Рахметов вёл спартанский образ жизни, в том числе и по части питания, придерживаясь принципа: *«Того, что никогда не доступно простым людям, и я не должен есть! Это нужно мне для того, чтобы хоть несколько чувствовать, насколько стеснена их жизнь сравнительно с моею».*

Рахметов – эпизодический персонаж, которому посвящён всего десяток страниц, и идея Чернышевского предстаёт здесь в достаточно реальном качестве, как осуществляемая не в далёком будущем, а в актуальном настоящем, исходя из условий российской жизни того времени. Швейные мастерские, которые организует Вера Павловна, – образцовые предприятия, основанные на принципах добровольного труда, самоуправления и справедливости для всех.

По их подобию в 1860-е и последующие годы в России не раз создавались различные товарищества и коммуны, так что мечта писателя отнюдь не была утопической. Она исходила из доверия автора к доброй воле человека и его разуму, из веры в реальную возможность гармоничных отношений между людьми, из веры в разрешение противоречий жизни. Отсюда мажорный финал повествования, который можно было предвидеть уже в той из начальных глав, где говорится о счастье, которое обрела героиня, вырвавшись из ненавистного родительского дома.

«Бывает ли лучше жизнь на свете? Да, в начале молодости едва ли бывает. Но годы идут, и с годами становится лучше, если жизнь идёт, как должна идти, как теперь идёт у немногих. Как будет когда-нибудь идти у всех».

Как бы ни оценивать художественные достоинства романа «Что делать?», в своё время он конкретно отвечал на вопрос, поставленный в заглавии, давал яркий портрет людей поколения Н. Чернышевского и активно участвовал в становлении характера его младших современников. Об исключительной силе воздействия этой книги Г. Плеханов справедливо писал: *«Пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?» Никто не укажет такого произведения».*

***

Поэт *Михаил Алексеевич Кузмин* (1875–1936) родился в Ярославле, а когда ему был год от роду, семья Кузминых переехала в Саратов. Здесь он учился в гимназии, и впечатления детства время от времени отзывались в его творчестве. Притом что впоследствии он без особого восторга вспоминал о своём пребывании на Волге, в его душе эпизодически звучали струны, настроенные в тон великой реке. Так, в сорокалетнем возрасте в душе Кузмина, избалованного столичной жизнью, неожиданно просыпается чувство, которое могло возникнуть только у того, кто когда-то соприкасался с естеством больших просторов, вдыхал запах степных трав, слышал звучный благовест колоколов.

Исходным побуждением к написанию стихотворения «*Просохшая земля...*» (1916), конечно же, послужило время всеобщих испытаний («слякоть» и жертвенность затянувшейся Первой мировой войны), но только благодаря воспоминаниям далёкого волжского детства поэт-сибарит мог заговорить новым для себя языком и пробудить дремавшую в глубинах его души ноту русской соборности, почувствовать радость близости к земле, а через пантеистические ощущения приблизиться к единению с людским миром. И никакой иронии, которую так ценили в нём эстеты, и вера в то, что с молитвой «*отвыкнет бедная душа хромать*».

*Просохшая земля! Прижаться к ней,
Бессолнечную смену мёртвых дней
Ясней позабывать и холодней!*

*О, твёрдая земля, родная мать!
Научишь мудро, просто понимать.
Отвыкнет бедная душа хромать.*

*Как сладок дух проснувшейся травы,
Как старые ручки опять новы,
Какой покой с высокой синевы!*

*Раскиньтесь, руки, по земле крестом!
Подумать: в этом мире, в мире том
Спасёмся мы Воскреснувшим Христом!*

*Кто грудь земли слезами оросил,
Кто мать свою о помощи просил,
Исполнится неистоцимых сил.*

Но вернёмся к тому, что считается определяющим в поэтическом наследии Кузмина. Будучи одной из заметных фигур многочисленной плеяды творцов русского «серебряного века», он вначале приемыкал к символизму, затем к акмеизму. Печататься начал с 1905 года, то есть в тридцатилетнем возрасте, что для поэтов достаточно поздно, но зато первые же поэтические сборники принесли ему широкую известность: «*Сети*» (1908), «*Осенние озёра*» (1912), «*Вожатый*» (1913), «*Глиняные голубки*» (1914). Быстро прослыл «*королём эсте-*

тов», законодателем мод и тона. Александр Блок услышал в его стихах «дыхание артистичности» и «пленительное лукавство». Действительно, они подчёркнуто элегантны, в них господствует дух изящной игры и заведомого представленчества.

Достаточно вслушаться в одно из его ранних стихотворений – «Где слог найду...» (1906). Сразу же обращают на себя внимание изысканный слог (пятистрочие с выдержанной перекрёстной рифмой *a a b a b*) и то, как звучно разработана система аллитераций с роко-чушим *ро* в конце первой строфы (*Мафи́во, перо, Пье́ро, Фига́ро*).

*Твой нежный взор, лукавый и манящий –
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мафи́во капризное перо.
Твой нос Пье́ро и губ разрез пьянящий
Мне кружат ум, как «Свадьба Фига́ро».*

*Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душевных,
Весёлой лёгкости бездумного житья!
Ах, верен я, далёк чудес послушных,
Твоим цветам, весёлая земля!*

Как видим, автор явно демонстрирует свою начитанность, широко раздвинутые культурные горизонты. Этот этюд-портрет полон игривости и весёлой лёгкости. Россыпью мелькают эпитеты-характеристики, нанизываемые блестящим ожерельем: *нежный, лукавый, манящий, милый, звенящий, капризное, пьянящий, прелестных, воздушных* – так возникает прихотливый веер черт и чёрточек «бездумного житья», ещё большую легковесность которому придают определения типа *милый взор* и *дух мелочей*.

Валерий Брюсов справедливо отмечал у него «дар стиха певучего и лёгкого». Стих этот по внешности обращён к чувственно-осязаемому предметному миру, но внутренне, как это зачастую бывало у поэтов «серебряного века», он устремлён к *нездешнему*, то есть к тому желаемому и желанному, которого так недостаёт в реально существующем мире (одна из поэтических книг Кузмина носит название «Нездешние вечера»).

Новации в искусстве версификации в известной мере начали привлекать внимание Кузмина ближе к середине 1910-х годов, и он не раз откликался на экспериментальные веяния времени. Такого рода увлечения сопровождали поэта до начала 1920-х, смыкаясь с футуристическими и конструктивистскими опытами, как представлено это в стихотворении «Косые соответствия» из сборника с характерным заголовком «Парабола» (1922). «Косые соответствия / В пространство бросить / Зеркальных сфер – / Безумные параболы, / Звеня, взвивают / Побег стеблей. / Зодиакальным племенем / Поля пылают, / Кипит эфир, / Но все пересечения / Чертёж выводят / Недвижных букв / Имени твоего!»

С этого времени поэтическая струна в творчестве Кузмина начинает ослабевать, и на передний план выдвигаются стихотворная сти-

лизация, а также переводы зарубежных классиков (Апулей, Боккаччо, Шекспир). Это «бегство» в прошлое во многом определялось неприятием чуждой для него яви послереволюционных лет. Она настолько ожесточила его душу, что смогла породить стихотворение **«Ангел благовествующий»** из цикла с демонстративным названием **«Плен»** (1919) – стихотворение, совершенно неожиданное для поэта, всегда с безразличностью относившегося к политике.

*Бац!
По морде смазали грязной тряпкой,
Отняли хлеб, свет, тепло, мясо,
Молоко, мыло, бумагу, книги,
Одежду, сапоги, одеяло, масло,
Керосин, свечи, соль, сахар,
Табак, спички, кашу –
Отняли
Всё
И сказали:
«Живи и будь свободен!»
Бац!
Заперли в клетку, в казармы,
В богадельню, в сумасшедший дом,
Посеяв ненависть и тоску...
Не твой ли идеал осуществляется, Аракчеев?
«Живи и будь свободен!»
Бац!*

Тем не менее для нас Михаил Кузмин всегда останется прежде всего поэтом-лириком. И, может быть, особенно драгоценны у него лирические признания, где нет свойственного ему снисходительно-ироничного взгляда на вещи. Одно из них – **«Не могу я вспомнить без волнения...»** (1909), где он очень искренно, безыскусно, с душевной открытостью задаётся вопросом по поводу того, что почти невозможно объяснить: казалось бы, всё то же, что было у него и у неё, когда возникло чувство, а теперь оно куда-то улетучилось и вместо радостных волнений осталась только печаль.

*Не могу я вспомнить без волнения,
Как с тобой мы время коротали!
А теперь печали дни настали,
Ах, печали, ревности, сомненья!*

*Как осенним утром мы бродили,
Под ногами листья шелестели...
Посмотри: деревья всё не те ли?
Эти губы, руки – не мои ли?*

*И какие могут быть сомненья,
Для кого печали дни настали?
Ведь от дней, что вместе коротали,
Лишь остались горечь да волненья!*

***

Из саратовских писателей начала XX века самым значительным был **Константин Александрович Федин** (1892–1977). Он родился в нашем городе, и в его опубликованных воспоминаниях находим такие строки.

«Родина моя – Саратов. Детство – окружные деревеньки Евсеевка, Синенькие, Увек, Поливановка, Курдюм и Разбойщина. Зброшенные сады, рыбацкие дощаники, буксифы, крепкий анис...»

Детские впечатления от Волги с её неповоротливыми пароходами, бесконечными вереницами плотов, просмолёнными рыбацкими дощаниками и окрестными садами – отсюда пошли мои первые представления о русской земле, о русском народе. Здесь складывались начальные представления о прекрасном...

Волга – моя родина. Каждое новое свидание с ней волнует меня, точно, ступив на её берега, я попадаю в отчий дом... Волга в русской жизни – как небо и воздух. Мы дышим Волгой, мы любим её. Мы поём о ней самые сердечные песни. С детства волжанин мечтает о своей реке как о самом прекрасном из всего, что ему дано на земле...»

Саратов и Поволжье живут во многих произведениях писателя – в рассказах «Сазаны», «Встреча с прошлым», «Гармонь», в повести «Старик» и, конечно, в романах «Братья», «Первые радости», «Необыкновенное лето».

***

Переходя непосредственно к художественному наследию писателя, сразу же начнём с того, что впервые по-настоящему обозначило масштаб его дарования – произошло это в середине 1920-х годов.

Кульминационный этап начала XX века приходился на исторический отрезок от начала Первой мировой войны до окончания Гражданской войны в России. Именно этот отрезок определяет временные рамки повествования в романе «Города и годы» (1924). В нём до известной степени как в сгустке представлен событийно-психологический узел, причём действие происходит на территории двух стран, находившихся в самом центре исторического процесса тех лет – России и Германии.

«Города и годы» – первый и, пожалуй, лучший роман Федина. В нём писатель поднялся до самого высокого уровня современной художественной прозы, свидетельством чего является его издание во многих странах мира, а также постановка двух фильмов (в 1930-м, а затем в 1973 году). Достигнутый уровень становится показателем несомненной убедительности отображения представленной здесь реальности и побуждает довериться слову и мысли писателя.

Будучи одним из самых примечательных произведений русской литературы этого времени, оно обнаруживает концепционную близость к роману А. Н. Толстого «Хождение по мукам» и дилогии лучших отечественных симфоний тех лет – Пятой и Шестой Н. Мясковского. Общая для них центральная тема – судьба интеллигенции в ситуации коренного исторического перелома начала XX столетия.

В написанном много позднее послесловии к своему первому роману автор констатировал в отношении главного героя: «...смятение

духа Андрея Старцова, нашедшее отражение в «смятенной» концепции романа». Через эту фигуру был запечатлён сложный комплекс столь свойственных переломной эпохе исканий, прозрений, заблуждений и мучительных раздумий человека в его столкновении с необходимостью социально-нравственного выбора.

«Смятенная» концепция романа «Города и годы» определяет изломанность его «маршрута». *Города*, по которым перемещается повествование, — это несколько немецких городов, Петербург, Москва, уездный город Семидол, а также ещё целый ряд всякого рода «населённых пунктов» Германии и России. *Годы* зафиксированы в названиях глав:

Глава *первая* о годе, которым завершён роман.

Глава о *девятьсот девятнадцатом*.

Глава о *девятьсот четырнадцатом*.

Глава *отступлений*.

Затем следует их последовательная смена:

Глава о *девятьсот шестнадцатом*.

Глава о *девятьсот семнадцатом*.

Глава о *девятьсот восемнадцатом*.

Глава *вторая* о *девятьсот девятнадцатом*, которая предшествует *первой*.

Глава о *девятьсот двадцатом*.

Так, совершенно вольно, необычно, с хронологическими перестановками, строится композиция романа. Сюжет начинается с конца, события излагаются с обрывами нитей повествования, которые в конечном счёте связываются воедино. Правда, приходится признать: чтобы безусловно сложить для себя сюжетную канву в единую последовательность, читателю после полного прочтения желательно вернуться к исходным главам. Только тогда станет ясно, что начало романа — не абсурд, и прояснится, что главный герой сходит с ума, «железный» друг-большевик убил его за совершённую им измену «делу революции» и был оправдан товарищеским судом.

Симптоматичен трагический финал жизни главного героя, который автор связывает с городом на Неве как горнилом нового жизненного порядка. Исходная глава романа начинается на той абсурдно-нелепой ноте, которая может привести читателя в замешательство. Насколько можно понять по первым страницам, главный герой, высунувшись из окна, обращается к соседям с речью, по поводу которой его хозяйка констатирует: «Я давно думала, что он помешался!» Отдельные фразы этой речи говорят о состоянии персонажа.

«—... Меня грызёт тоска, почтенные граждане, сердце моё сохлось и свернулось штопором, как лимонная корка на раскалённой солнцем мостовой».

Глава, названная первой и повествующая о девятьсот девятнадцатом, открывается разделом под названием «Петербург». Город, который за видимостью роскошных проспектов и набережных всегда отличался каменной бесприютностью «нутра», с особой очевидностью предстал в этом своём качестве в первые послеоктябрьские годы, годы «нового летоисчисления».

Федин рассказывает о жителях города, которым приходится проживать «долгую жизнь без неба, без прямых, широкогрудых ветров,

вырасти в сомкнутом строю железных столбов, провести детство на чугуне лестниц и асфальте мостовых». Именно в Петербурге Андрей Старцов окончательно не выдерживает потрясений судьбы и впадает в помешательство, когда немецкая девушка, которую он так любил, приезжает в город и, убедившись в его измене (он невольно оказался женатым на другой), бежит прочь, а несколько погодя приходит письмо из Германии от того немца-врага, которого он спас от возмездия революции (в письме сообщаются подробности, приводящие Андрея в ужас). Старцов бежит прочь из дому, как когда-то бежал безумевший пушкинский Евгений от «медного всадника».

Делая местом развязки невские берега, а её временем – вечерние сумерки, до предела нагнетая экспрессию, писатель рисует картину кошмара, окружившего Андрея:

«Андрей рванулся и побежал к городу. Но улицы завели его опять на пустыри. Он оступился в глубокую рытвину, упал, стал выкарабкиваться и скатываться назад в яму. Наконец с воплем выскочил из ямы и кинулся в ночь, крича:

– Помогите, по-мо-ги-те!..

И в ночи, по щебню, по рытвинам, по бесконечным пустырям метался как безумный, ища путей. Но кругом него лежали пустыри, над ним висело чёрное небо, и не было человеческого жилья, и не было путей».

Разумеется, эта финальная сцена во многом метафорична. Та трудная судьба, которая выпала на долю главного героя, его попытки найти своё место в буреломе событий войн и революций, заканчиваются печальным крушением (кстати, лучшим из предварительных названий романа Федин считал «Бурелом»). Ночная темь, рытвины и ямы петербургской окраины, кишачие крысами зловещие пустыри – такова нелюбимая картина времени, не имеющая ничего общего с пафосом утверждавшегося «светлого царства коммунизма».

Серьёзная, глубокая по своей внутренней сути, безусловно положительная личность, несомненно вызывающая симпатии читателя, при всём стремлении влиться в общий строй меняющегося бытия, обречена на роль маргиналия и, более того, сломлена обстоятельствами. Этой объективной жизненной правдой своего очень субъективного, «странного» романа Федин был чрезвычайно далёк от того писательского конформизма, который ему приписывают порой в нынешние постсоветские времена.

***

Так в русскую литературу первой половины XX века входил ещё один крупный писатель. Это подтвердил его второй роман – «Братья» (1928). Федин вновь рассказывает здесь главным образом о судьбах интеллигенции примерно в те же трудные, переломные годы: перед революциями 1917 года и Гражданской войной, во время них и в ближайший период после них. Он вновь обнаруживает прочное, но ещё более широкое знание жизни в различных её пластах и ипостасях – в российской глубинке и столице, в среде интеллигенции и в низовых слоях. Однако на этот раз он только изредка позволяет себе выходы

в романтически заострённый показ дебрей сознания и психологических «темнот». Здесь он ориентирован на безусловно реалистическую прозу с достаточно последовательным изложением событийной канвы и крепко сцепленными людскими судьбами.

В центре жизненной драмы – семья Каревых: отец (заволжский промышленник) и три брата: пользующийся широким признанием профессор-медик Матвей, мучительно ищущий своего пути музыкант Никита, лихой вояка Ростислав. Рядом с ними множество колоритных фигур, основные из них – матрос-большевик Родион и «роковая женщина» Варвара, непредсказуемая, обольстительная (в некотором роде она близка Настасье Филипповне из «Идиота» Достоевского и предвосхищает Ларису из «Доктора Живаго» Пастернака).

Главное лицо – Никита. Он особенно притягателен для автора – и потому, что находится в разладе с окружающей жизнью, и потому, что олицетворяет неизбежно сложные искания творца искусства (неслучаен жанровый подзаголовок этого произведения: *роман-симфония*). Федин хорошо сознаёт, что с точки зрения всеобщего бытия это только пылинка, но в этой пылинке отражается вся вселенная жизни. И сразу же следует признать, насколько поразительно точно, с законченным знанием профессиональных мелочей и вместе с тем поэтично описывается творческий процесс становления музыканта: обучение на скрипке, затем переход к сочинению музыки.

В романе «Братья» мы находим массу впечатляющих жизненных наблюдений. Так, после прошедшего в городе черносотенного погрома, направленного против инородцев, Никита возмущается гнусным поступком блюстителя порядка и в разговоре со старым евреем называет это подлостью, на что его собеседник отвечает древней мудростью: *«Подлость?.. Вам надо знать талмуд. Там есть такое место: падает камень на кувшин – горе кувшину; падает кувшин на камень – горе кувшину; так или иначе – всё горе кувшину...»*

Или такой эпизод. Когда Никита совершенствуется в музыкальном ремесле за границей, в одном доме с ним живёт молодой скрипач, который трудится неустанно, как автомат, у которого всё в жизни, что называется, разложено по полочкам и который буквально источает ясность, бодрость, жизнелюбие. Но как-то его педагог из самых лучших соображений посоветовал ему перейти на альт. И после нескольких дней депрессии тот повесился. Никиту этот случай психологически сразил наповал: такой жизнелюб, такой деятельный и целеустремлённый молодой человек, и одно благое пожелание сбивает его с ног. Насколько всё зыбко и эфемерно в человеческом мире!

И ещё раз о конформизме, в котором постсоветское литературоведение не раз упрекало Фебина. Даже самый поверхностный анализ текста «Братьев» убеждает в заведомой объективности писателя. Он показывает реальность, в равной мере отмечая плюсы и минусы как предреволюционной, так и послереволюционной жизни. То и другое он описывает без малейшего энтузиазма, а перипетии судьбы главного героя, Никиты Карева, отнюдь не приводят к какому-либо завершающему высветлению.

Тем не менее эта нота знаменовала отход от трагического мировосприятия, характерного для предыдущей книги, из чего можно сделать вывод, что русская интеллигенция послеоктябрьских лет посте-

пенно обретала своё место в резко изменившихся условиях существования. И именно к безвозвратно уходящему прошлому относится эпиграф произведения, взятый из Байрона: *«Прощай, прощай, и если навсегда, то навсегда прощай!»*

***

Завершающие литературные труды Константина Федина, постепенно раздвигаясь в масштабе, складывались в большую трилогию романов: **«Первые радости»**, **«Необыкновенное лето»**, **«Костёр»**. В них прослеживалась судьба одних и тех же основных персонажей, связанная с важными историческими вехами жизни России первой половины XX века: 1910 год – как начало новой фазы общественного подъёма после поражения Первой русской революции, 1919 год – как решающий момент в ходе Гражданской войны, 1941 год – как начало Великой Отечественной войны.

Последняя часть трилогии осталась незавершённой.

Таким образом, реально приходится говорить не о трилогии, а о дилогии романов, объединяемых в том числе близостью времени создания: первый из них закончен в 1945-м, второй – в 1948 году (кстати, о значимости этих книг говорит тот факт, что по ним в 1956 году была выпущена дилогия одноимённых фильмов).

По своей сюжетно-хронологической основе роман **«Первые радости»** обращён к жизни России начала XX века, когда после поражения Первой русской революции зарождалась новая волна освободительного движения. Писатель воссоздаёт картину этой жизни через призму событий, происходящих в большом провинциальном городе. Воссоздаёт очень сочно, во всех срезах социальной иерархии: от «столпов общества» до тех, кто тогда «посягал на священные устои», от состоятельных горожан до самых нищих низов, от представителей художественной братии до «золотой» молодёжи.

Среди множества ярко обрисованных чисто русских типажей выделены главным образом трое. Кирилл Извеков, наделённый принципами, волей, развитым чувством человеческого достоинства, смолоду встаёт на путь революционной борьбы, и в нём хорошо ощутима хватка тех, кто впоследствии составил ядро властных структур «страны Советов».

Цветухин – чрезвычайно характерно выписанный образ актёра, который по-детски открыто радуется своему успеху у публики и способен добиться определённых высот в искусстве благодаря своей несомненной талантливости. При всём антураже «премьеры», это человек с сердцем, наделённый отзывчивостью и готовый постоять за справедливость.

Пастухов – фигура барственная, вальяжная. Привыкший жить на широкую ногу, в меру циник и эгоист, он тем не менее не утрачивает «человеческого лица» и большого обаяния.

В отличие от романов Федина 1920-х годов («Города и годы», «Братья»), книгам рассматриваемой дилогии присуща сугубо реалистическая направленность. Течение жизни воспроизводится в них очень объективно, спокойно, уравновешенно, с неукоснительной последовательностью и завидной обстоятельностью. Как известно, это

одно из характернейших качеств отечественной прозы середины XX столетия, и в этом одно из свидетельств принадлежности обоих романов не столько описываемым в них временам, сколько тому, что было порождено мироощущением человека 1930–1940-х годов. В опоре на мироощущение подобного рода обрисована в «Первых радостях» линия, сплетающаяся вокруг Лизы. Красота этой девушки привлекает и Кирилла (для них обоих это первая любовь), и повидавшего виды театрального премьера Цветухина, и богатого молодого коммерсанта (в конечном итоге Лиза становится его женой).

***

Действие романа «Первые радости» прерывается на «много-точии», оно явно ждёт своего продолжения, которое последовало в завершённом три года спустя романе «Необыкновенное лето». И что было совершенно естественно, над ним зримо и незримо веет дух только что отгремевшей Великой Отечественной войны. Но вместе с тем очень весомо явлены приметы Гражданской войны. Уже с самого начала в видении многих персонажей романа Россия предстаёт не только в терзаниях голода и холода, но и донельзя взбаламученной, когда во всём царят сумятица и потеря каких-либо ориентиров. *«Раньше воевали все вместе против одного, для всех очевидного врага. Теперь воевали все порознь, брат шёл на брата, и надо было разглядеть в одном брате врага, в другом – друга. Нет, ничего нельзя было взять в толк из этих небывалых, клокочущих событий».*

Из романа «Первые радости» сюда перешли все основные действующие лица, но само действие здесь широко раздвигает свои масштабы – по всей Нижней Волге – и охватывает другие российские территории.

Кроме того, писатель на протяжении всего романа большими вставками разворачивает историческую хронику событий 1919 года – кульминационного и самого трудного года Гражданской войны, показывая картину тяжёлых поражений Советской власти и раскрывая причины её конечной победы над белым движением и иностранной интервенцией. Этот пласт повествования сближает его по художественному методу с «Войной и миром» Толстого. Так складывается не только подлинно исторический роман, но и настоящая эпопея, чему соответствует чрезвычайно большой объём произведения (около 750 страниц).

Духу эпопеи отвечает и многоликость огромной массы обрисованных здесь персонажей. Создавая роман о начальной поре становления Советского государства, пришедшейся на жаркое лето 1919 года, писатель в конечном счёте рассуждает с позиций победившего тогда большевизма.

***

Другой из важных для книги образов – Рагозин. Как и Кирилл, он весь в работе, отдаётся ей безраздельно и на пределе возможностей – всё ради «великого будущего». И вдруг обнаруживается, что за те годы, когда ему удалось скрыться от ареста и жить нелегальной жизнью вдалеке от родного города, он только кое-что понаслышке узнал

о смерти жены в тюрьме и, предположительно, о том, что умерла она во время родов, и, может быть, ребёнок остался жив.

И вот Рагозин уже после революции возвращается в Саратов, случайно наталкивается на упоминание о некоем Ване Рагозине. И только тогда он отыскивает подростка лет десяти (!), который прошёл приюты, а сейчас причислен к какому-то детскому дому. Прежде чем открыться мальчику в своём отцовстве, Рагозин мучительно размышляет:

«С чего он начнёт разговор, когда Ваня проснётся? Он скажет: «Ты – мой сын». Сын спросит отца: «Где же ты был раньше?» Отец должен будет рассказать о преследовании, которому подвергся, о смерти матери. «Ты спасал себя, – скажет сын, – но почему же ты не спас мать?» «Я спасал не себя, я спасал то великое дело, которое служил и служу», – ответит отец. «Но ведь ты знал, что я должен родиться, почему же ты меня не искал?» «Это могло помешать великому делу», – скажет отец. «Значит, ты любишь великое дело больше меня, – спросит сын, – зачем же я тебе?»

В контексте такого предполагаемого разговора понятие *великое дело* оказывается весьма малоутешительным с точки зрения общечеловеческой морали. И в этом содержится явственный намёк на то, что революция и Советская власть зачастую смотрели именно «поверх голов», пренебрегая индивидуальными судьбами.

***

Многозначность характеров дополняется в эпопее «Необыкновенное лето» таким ярко выраженным качеством, как «многоязычие». У каждого из основных персонажей не только свой образ действий, своя человеческая повадка, но и соответствующий, ему одному присущий говор. Возьмём, к примеру, торгового человека Мешкова, которого никто не любит и который действительно не внушает никаких симпатий. Однако и в первом, и во втором романе этот завзятый стяжатель предстаёт глубоко, искренне верующим. На определённом витке жизни, уже оказавшийся теперь «бывшим», бесконечно устав от страхов и маеты революционного времени, он собирается в скит, хочет закончить свой путь монахом. Мешков приходит к архиерею-викарию, глубоко почитаемому среди мирян за праведное служение Богу. Начинается их разговор, убеждающий в том числе точно схваченным языком обоих персонажей.

«– Пришёл просить благословения своему шагу, который я намерился сделать, владыко. Издавна имел желание постричься. Теперь настало время принять решение. Благословите, владыко.

Меркурий Авдеевич снова поклонился.

– Не поспешно ли решились? – спросил викарий тихо.

– Ведь уже шестьдесят, владыко.

– Вижу. Один в пятнадцать лет наденет клобук – будто родился иноком, на другом и под конец жизни ряса – будто с чужого плеча.

– Веление сердца, владыко. Одной думой жив: о спасении души.

– Давай Бог. Да ведь спасись-то везде можно. В миру крест нести – заслуга едва ли не ценнейшая, чем за нашими стенами.

– Сил нет совладать с собой.

- *Значит, по слабости идёте?*
- *Грешен, владыко.*
- *Отцу небесному не слабость угодна, но крепость духа».*

Сила таких обобщений умножается, когда описываемые ситуации выходят за пределы бытового обихода, втягиваясь в круговорот больших исторических событий. Тогда Федин нередко подключает ресурсы глубоко прочувствованного, точно и тонко мотивированного психологизма. Ещё раз вернёмся к зигзагам судьбы драматурга Пастухова. Обстоятельства сжимают вокруг него и его семьи кольцо испытаний и невзгод до последнего предела. И писатель, которого в постсоветские времена чуть ли не обвиняют в ангажированности, в уста того же Пастухова вкладывает чистейшую, немислимую «крамолу». Вслушаемся в его диалог с Извековым, когда поднимается тема бесчисленных жертв, которых потребовало переустройство мира. Пастухов сомневается в их необходимости, Кирилл же пытается оправдать (кстати, здесь нетрудно почувствовать намёки на сталинские репрессии 1930–1940-х годов).

«– Да. В этой войне нами руководит ненависть. Но ненависть наша не слепа. У неё зоркий глаз. Этот глаз – справедливость. Мы ведём справедливую войну обездоленных, которые защищают своё право на жизнь, достойную человека. Поэтому наша война не злонамеренна и не бессмысленна. У неё великий смысл и прекрасная цель. Если мы сложим оружие, мы будем преступниками, потому что нас не пощадят, раздавят и ещё больше обездолят обездоленных.

Пастухов вскинул руку, чтобы остановить Извекова.

– Я никогда не сомневался в возвышенности целей, о которых вы говорите. Но меня ужасает, что в битве за добро человек вынужден делать так много зла!

– Вы ужасаетесь войны, но под войной разумеете революцию.

– Я разумею уничтожение человека человеком. А каким словом называется уничтожение – разве это существенно?»

Остаётся подчеркнуть огромное мастерство большого писателя, каким являет себя Константин Александрович Федин в рассмотренной диалогии романов. Во-первых, это многоплановое повествование, прослеживающее судьбы большого числа очень разных людей и отдельных семейств, прочно стянуто в единый узел. И, во-вторых, чтение этих романов воспринимается не как рассказ о жизни, а как собственно жизнь, сама жизнь, жизнь как таковая. То есть перед нами то качество реалистического повествования, когда не просто главной, а единственной целью является не *как*, а *что*.

***

Фёдор Васильевич Гладков (1883–1958 гг.) после двух крупных романов, посвящённых созидательной деятельности трудовых масс на различных этапах строительства социализма («Цемент» (1925), «Энергия» (1938), в послевоенные годы создаёт автобиографическую тетралогия: «Повесть о детстве» (1949), «Вольница» (1950), «Лихая година» (1954), «Мятежная юность» (1957). Действие в её двух первых частях происходит на родине писателя, в селе Чернавка Петров-

ского уезда Саратовской губернии. Третья часть открывается красочным описанием того, какими показались десятилетнему подростку, приехавшему из глухой деревни, Саратов и Волга конца XIX века.

«С высокой пологой горы я увидел внизу, в широкой лощине, сказочный мир – множество белых домов с зелёными и красными крышами, церкви с высокими колокольнями, прямые улицы в садах, а дальше – необъятный сверкающий простор. Это были Саратов и – Волга.

По зеркальному разливу Волги плыли огромные белые дома, а за ними – чёрные длинные амбары с домиками на крыше. Это было настоящее чудо. В первое мгновение мне показалось, что пароходы и баржи реют в воздухе, и было трудно поверить, что они плывут по реке...»

Воскрешая события своих детских и юношеских лет, писатель поэтапно, шаг за шагом прослеживает процесс эволюции человека от абсолютно закабалённого состояния к поиску путей борьбы с мученическим подневольем.

Воссоздание этого процесса, хронологически отсылающего к временам рубежа XX века, явилось достаточно отчётливой параллелью к тому, что происходило в годы написания тетралогии, когда страна постепенно и пусть частично, но освобождалась от бремени тоталитаризма сталинского образца, входя в русло хрущёвской «оттепели». Именно это обстоятельство придало художественному повествованию Гладкова актуализирующую силу, во многом определив его творческую удачу: он написал не просто мемуары, а воссоздал живую явь, согретую дыханием современности.

Вторая часть тетралогии названа повестью, но по объёму (около полутысячи страниц) и по охвату жизненного материала это настоящий роман. Обо всём рассказывается здесь от лица десятилетнего мальчика за год его жизни. Отец и мать уезжают с ним из деревенской глухомани Саратовского Поволжья на заработки в Астрахань. Через некоторое время отец отправляет жену с сыном на рыбные промыслы Каспия. За этот год подросток узнаёт окружающий мир с самых различных его сторон. Участвуя в жизни взрослых, он быстро мужает, многое начинает понимать. Взгляд на панораму разворачивающегося бытия через призму его детского видения и крепнущего сознания придаёт повествованию своеобразие и особое обаяние.

Народная масса предстаёт в романе в подавляющем своём большинстве забитой, приниженной, горемычной, покорной (поистине «стадо овец»). Но в ней пробиваются первые искры стремления к иной жизни. Изредка в её среде появляются фигуры с развитым чувством человеческого достоинства, готовые постоять за себя и за братьев по несчастью. И сама народная масса исподволь созревает к борьбе за свои права.

С этим как раз и связан заголовок романа – **«Вольница»**. До подлинной вольницы ещё очень далеко, но её проблески уже возникают: в оживающих легендах о Стеньке Разине, в отдельных бунтарских порывах, а главное – в артельном духе с его законом сплочённости перед станом притеснителей.

И герой-повествователь Федя являет собой в зародыше тип нового человека: стремится всё узнать и понять, остро чувствует несправедливость и несправедливость, своими малыми силами стремится не дать себя в обиду.

Вслед за Горьким и другими литераторами, поднявшимися из глубин отечественного бытия, Гладков настаивает: сколько ярких, сильных, красивых натур есть в народной России! Он восхищается ими, он влюблён в этих людей.

«Она так была красива, что я не мог оторвать от неё глаз. Про неё так и хотелось сказать: «А сама-то величава – выступает будто пава...» Должно быть, таких женщин, как она, в песне называют «белыми лебедушками». Она не рисовалась, не играла, не кичилась, а вся была тёплая, ясная, пригожая и очень простая. Мне всё в ней нравилось: и белое лицо, и голубые глаза, умные и пронзительные, в длинных ресницах, и густые брови, точно вышитые гладью, и точёный нос, и упрямые губы, которые дрожали от улыбки, и открытая высокая шея, которая ни перед кем не согнётся...»

И Федя, и многие из окружающих его простых людей способны отзываться трепетными струнами своей души на поэтическое слово и музыку.

«Такой музыки я ещё не слышал никогда, и пение гитары охватило меня как неожиданное счастье. Звон струн был туманный, нежный, вздыхающий: звуки порхали, переплетались, стонали, смеялись и плакали, и мне чудилось, что всё пело – и стены, и солнечный воздух за окнами, и посуда на столе, и все лица, и весь я, до самых глубин, которых до сих пор никогда ещё не ощущал в себе...»

Так в сугубо реалистическое повествование входит романтика красоты, противопоставленная прозе убогой и затравленной жизни. В этой романтике своё особое место занимают одухотворяющие силы природы, прежде всего – Волга и Каспий. В душе подростка они рождают порой целые поэмы.

«Мне стало вдруг весело, и как-то по-новому заиграл в струнах и водоворотах безбрежный простор Волги. Как будто на огромных крыльях плыли по реке белопарусники. В синем небе реяли облачка – ковры-самолёты. И впервые я почувствовал, как поёт Волга: это был глубокий и раздольный гул, и в этом гуле стонали далёкие напевы больших толп: «О-йох, да и-йо-ох!..» Казалось, что эти стонущие напевы несёт в себе Волга, и они вырываются из мутной пучины в разливных водоворотах и в тяжёлом её течении. словно она на своём бесконечном пути по России впитала в себя и горе и радости сёл и городов. Вот здесь, недалеко от моря, она, густая, как масло, медленно плывёт в дымную даль, сливаясь с мутным небом на горизонте, и не может вместить в себе всей громады течения: она разливается по песчаным степям как море...»

В этом лучшем своём произведении Ф. Гладков обнаруживает глубокое знание различных сторон народной жизни, чему соответствует адекватная лексика, насыщенная фольклорными речениями. Так складывается эпопея о пробуждении в сознании людей представлений о достойном существовании.

Продолжение следует.

**Александр
ЕВСЮКОВ**

Риф июльским утром

Александр Евсюков родился в 1982 году в городе Щёкино Тульской области. Выпускник Литературного института (семинар Лобанова М. П.). Успел попробовать себя в целом ряде разнообразных профессий. Работал охранником, грузчиком, археологом, журналистом, респондентом, администратором, менеджером по продажам и т. д. Его прозаические произведения и критические статьи были опубликованы в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Бельские просторы», «Ното Legens», «Вайнах» (Грозный), «Звезда Востока» (Ташкент), интернет-журналах «Кольцо А», «Пролог», «Процесс», «Перемены» и др. Проза переведена на итальянский язык. Обладатель российской-итальянской премии «Радуга» (2016). Лауреат конкурсов малой прозы им. Андрея Платонова (2011), «Согласование времён» (2012). Лонг-лист премии «Дебют» (2006 и 2013), Астафьевской премии (2015), «Русский Гулливер» (2015); шорт-лист Волошинского конкурса (2015), премии им. В. Г. Короленко. Участник пяти форумов молодых писателей России. По итогам XII, XIII и XV форумов – публикации в сборниках «Новые писатели-2013», «Новые писатели-2014», «Поэтическая строка» (2015) и «Новые имена в литературе» (2016).

Валерий Былинский.
«Риф: повесть и рассказы»,
Изд-во «Дикси-пресс», Москва, 2014.

Передо мной книга, что называется, «с трудной судьбой»: создавалась она с перерывами в течение двадцати лет (в промежутке у автора успев выйти объёмный роман «Адаптация», разными людьми и с полным на то основанием объявленный выдающимся и стилистически неумелым, любимым и непонятым, скандальным и переворачивающим душу). В итоге в состав сборника «Риф» были отобраны повесть и двенадцать рассказов, объединённые темой взросления, непрерывного пути и постоянного, внешне порой схожего с бегством поиска.

Должен признаться: моё внимание с детства привлекали писатели, способные осваивать, делать близким и осязаемым удалённые пространства, места и страны, где я ещё не побывал; рассказывать, познакомить и заочно «свести» с живущими там людьми. Валерий Былинский – из такой породы. Кажется, потребность перемещаться с места на место, из страны в страну у его героев в крови. Для них это даже не какой-либо сформулированный признак свободы, а самое естественное состояние – как для рыбы плыть, а для птицы лететь.

В связи с этим и география в книге у Былинского непривычно широка: не считая вымышленного города и сказочного снежного дома, здесь представлены и Куба, и только что распавшаяся воюющая Югославия, и бастующая Болгария, и Турция, и Украина, а также Питер, Москва и «маленький город на берегу Тихого океана». Такой разброс мест действия обусловлен и подкреплён отнюдь не верхоглядными впечатлениями скучающего туриста – каждое названное место, где перед нами разворачиваются события, ощущается тревожащим и по-особому прекрасным.

Открывает книгу «Июльское утро» – большая многоплановая повесть (некоторыми критиками она зачислена в романы), названная по одноимённой песне группы Uriah Heep. «Было время, когда мы жили все вместе: отец, мать, Вадим и я» – такой идиллической фразой открывается её первая глава. В начале повести автор исследует окружающий мир глазами ребёнка; и мир этот неповторим и первоизданен, как и во всяком детстве. При этом наблю-

дательность рассказчика проявляется в точных, как уверенные карандашные штрихи, деталях: «...к отцу приходили друзья — такие же, как и он, горные мастера, с ввешейся угольной пылью под глазами»; «я <...> наблюдал за превращением цвета его ушей в естественный. Вскоре он обернулся, и я увидел румяное, важное лицо повидавшего кое-что храбреца»; «мне казалось, что я совершенно, даже как-то чрезмерно, как бывает после приступа сильной болезни, выздоровел».

Сюжет развивается неспешно, побуждая к неторопливому чтению и постепенному осознанию того, что основной, глубинный смысл этой истории находится отнюдь не во внешнем измерении, а во внутреннем — рефлексивном:

«Может быть, меня и вправду задумали как надежду рода. Когда родился Вадим, на его необычность никто не обратил внимания, и шесть лет ждали меня — ведь в младшем часто воплощается золотая мечта какой-нибудь крови. Моё рождение послужило тихим взрывом, повредившим почву, на которой нам с братом предстояло вместе жить. Едва меня привезли из роддома, как Вадим, войдя в свою комнату и увидев меня на своей кровати, злобно ухмыльнулся и ткнул указательным пальцем в окно. «Я отнесу его в будку к собаке», — сказал он и, повернувшись, вышел из комнаты».

И эта изначальная ревность в отношениях между братьями сохранится вплоть до смерти одного из них.

Однако даже упомянутая собачья будка оказывается не знаком презрения, а моментом не понятой до конца искренности.

Семья для ребёнка — начало его личного мира, система координат, с которой в будущем предстоит сверяться; и вначале она представляется ему дружной, любящей и крепкой. Нужно только постараться, чтобы проявить себя, оправдать возложенные надежды.

«Родителей соединяла общая любовь к застольям, дом и мы — сыновья», — как бы между делом сообщает рассказчик. Но в итоге этих привычных связей оказывается недостаточно. Медленный и неотвратимый распад конкретной семьи Ромеевых происходит на фоне распада всей страны. При этом сходство всеобщего и частного автор не педалирует; явно не безразличный по натуре, здесь он крайне далёк от страстных публицистических порывов. Он занимается тем делом, для которого, главным образом, и предназначена литература: изображая как будто бы только частную жизнь, он улавливает внутренний

пульс эпохи, добирается до самых сокровенных человеческих страхов и побуждений. Он пишет летопись, словно одну из книг Ветхого Завета, действие которого пришлось на последнюю треть XX века. И Каин здесь оказывается способен на жертвенность, в то время как Авель получит возможность остаться в живых.

В 1997 году повесть «Июльское утро» выиграла первую премию «Новое имя в литературе» на российско-итальянском конкурсе «Москва—Пенне». Это могло бы стать счастливейшим началом творческой судьбы. *«Но успех свой он превратил в долгое молчание. Скитался чужаком по Европе. Просто потому, что хотел жить в огромном, настоящем, живом мире. Как ему не было страшно потерять себя, оказаться забытым? Но он этим не дорожил, потому что понимал свой путь как настоящий писатель», — с искренним удивлением отмечает в предисловии к книге известный прозаик Олег Павлов.*

От кого Былинский ведёт творческую родословную? Близких ему по духу художников в русской литературе немного. По глубине, серьёзности и силе поставленных вопросов таким был Достоевский в XIX веке; затем спустя полвека вспыхнули на литературном небосклоне эмигранты-одиночки М. Агеев (в описании характера и поведения Вадима Ромеева ощущается сходство и постепенное расхождение с образом Вадима Масленникова из короткого «Романа с кокаином») и Гайто Газданов (с его завораживающим ретроспективным взглядом) в веке XX.

При этом *«Валерий Былинский стоит в стороне от закрытой во многом московской литературной тусовки последних лет. От этого — трудность пробивания каждой книги, поиск своего читателя. Хотя, кажется, именно книга «Риф» — то, что отечественный читатель, уставший от вычурности, ориентальности внешнего литературного стиля многих модных писателей, захочет перечитать не однажды. Сложный, не слишком популярный жанр рассказа здесь воплощён блестяще, в нём всегда есть история, мораль или просто — отблеск какой-то красоты этой жизни» — так, не слишком умело, но верно по существу высказался о сборнике анонимный читатель на интернет-форуме.*

В открывающем второй раздел заглавном рассказе «Риф», об удивительном острове Куба и о русском мальчике, который на наших глазах становится мужчиной, каждая фраза настолько зрима и выпукла, что кажется: будь по нему снят фильм, он легко мог бы проиграть тексту в наглядности такой кадровой прорисовки образов.

Если Джек Лондон, Хемингуэй и наш Иван Ефремов чаще всего меряют землю уверенными, победительными шагами, то в прозе Былинского (особенно в упомянутом рассказе «Риф») остро ощущается, как хрупко, зыбко и роняюще невосвратимо уходящее от нас время. Но оказывается, что время наступающее по-своему прекрасно и неповторимо.

«Малко и Христина» – история-видение, на несколько страниц всплывшая перед нами, как вершина айсберга огромной трагедии, называемой «междоусобная война». Именно пограничье сна и яви точнее всего отражает естественность происходящего сумасшествия:

«— Христина, — сказал он, словно пробуя на вкус её имя, как снег, — ты... Что у тебя случилось?»

— Ничего.

— А отец, мать...

— Их убили позавчера.

— А потом?

— Что — потом?

— У тебя... — Ему в глаза опять сверкнула белизна её ног. — Ты уже спала с кем-нибудь? — спросил он неожиданно, как человек, который заговорил во сне.

— Да, вчера, три раза.

— Это были солдаты?

— Солдаты...»

«Без героя», «Зал ожидания», «В дороге» – рассказы, объединённые впечатлениями пути, как в прямом, так и бытийном смысле. Внешний, кажущийся алогизм их развязок заставляет сначала удивиться и всерьёз усомниться, чтобы затем с наибольшей отчётливостью ощутить честность и глубину показанных нам сторон жизни.

«Чёрные человечки» – притча о жажде любви, живущей внутри даже самой ничейной и несостоятельной личности. Даже если его фамилия Грязев и для всех окружающих он «был каким-то тихим, пустым, неоскорбительным явлением».

«Я с тобой» – рассказ-катастрофа, яркий пример умелого использования и преодоления шаблонов массовой культуры. Здесь изначально не затрагиваются глобальные этические вопросы (вернее, затрагиваются, но весьма условно), однако способность создать по-настоящему увлекательную жанровую историю проявляют лишь немногие современные российские авторы.

Наименее удачными мне видятся рассказы из числа самых коротких: «Двое в весне», «Два дня до смерти», «Рождение». Кажется, автору в них не хватает «разбега». Сюжеты и особенно финалы каждого из них выглядят скомканно, а важные идеи так и остаются на уровне набросков.

Но вот что интересно: чаще всего от обнаруженного ляпа или стилистического промаха какого-нибудь автора N надолго остаётся осадок, и у Валерия Былинского есть такие промахи, они видны, однако каждый из них удивительным образом почти сразу забывается, потому что рядом неизменно присутствуют более важные вещи. «Потому что это — тот самый высший, как у наших классиков, уровень прозы: когда читаешь, наслаждаешься чтением и прощаешь всё», — так объяснил причину этого эффекта писатель Сергей Федякин.

Сам процесс чтения книги Былинского вызывает редкое в современной русской литературе наслаждение. При этом внутренняя цельность и определённая самодостаточность его творческого высказывания сильно усложняют любой предпринятый критический разбор.

Закрываю книгу и долго смотрю на её тёмно-зелёную обложку (фрагмент картины «Риф», кисти автора), постепенно осознавая, что это вглядывание отнюдь не в бездну пустоты, а в манящую глубину, наполненную тайной, притягательной жизнью.

Владимир
АЛИФАНОВ

Энциклопедия искусства Саратовского края

Замечательный подарок к 80-летию родного края (2016) преподнесли своим землякам-саратовцам супруги, известные искусствоведы Александр Иванович и Галина Юрьевна Демченко: они подготовили к печати серию очерков¹, в которых на богатом фактическом материале представили панораму художественной культуры Саратова от самых её истоков до современного состояния и обозначили тенденции её последующего развития. Издание это, как определено в выходных данных книги, историко-краеведческое. Написана книга простым, понятным каждому языком, и на этом основании её жанр можно определить как научно-популярный. Заодно хотел бы отметить ещё одно несомненное достоинство книги: она богато иллюстрирована фотографиями высокого качества, помещёнными в отдельную вкладку объёмом один печатный лист. Всего фотографий, с учётом расположенных на первой и последней странице обложки, 59.

Переходя от общей характеристики издания к непосредственному анализу её содержания, я хочу обратить внимание читателей на жанровый охват художественной культуры Саратова, представляющий все основные виды искусства: пластические (архитектура, скульптура, живопись, графика), музыкальное, словесное, театральное, киноискусство. По этому признаку рецензируемую книгу вполне можно назвать энциклопедией искусства Саратовского края. Интеллигенция (и не только творче-

ская) давно мечтала о подобном издании, и с выходом этой книги её самые дерзновенные мечты осуществились.

Поскольку авторы книги прежде всего музыковеды², хотя и занимаются вопросами комплексных художественных исследований, наиболее полно и всесторонне представили они в своих очерках музыкальное искусство. Они рассказывают об открытии в Саратове местного отделения Императорского русского музыкального общества, о музыкальном образовании в регионе, о крупнейших композиторах и музыковедах, связанных с нашим краем, о музыкальных театрах, о выдающихся представителях исполнительского искусства – дирижёрах, струнниках, пианистах, духовиках, вокалистах (ярчайших представителях академического и народного пения, хоровых и фольклорных коллективах).

Поражает то, что не только музыкальное, но и другие виды искусства представлены в очерках достаточно полно и, что самое главное, – глазами заинтересованных и компетентных исследователей. Так, в первом разделе очерка, «Пластические искусства», авторы дают впечатляющий анализ целого ряда памятников архитектуры. В их числе самый древний в Нижнем Поволжье памятник XVII века – Свято-Троицкий собор, собор святого Александра Невского, построенный в память о победе России в Отечественной войне 1812 года, самое раннее из сохранившихся административных зданий – Присутственные места

¹ Демченко А. И., Демченко Г. Ю. Вехи. События. Лица. Искусство Саратова: Архитектура. Изобразительное искусство. Литературное творчество. Музыкальное искусство. Театр и кино. – Саратов: КИЦ «Саратовтеатрфильм» – «Добродей», 2015. – 240 с.

² Демченко Александр Иванович – доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории и ряда других творческих вузов страны, директор Центра комплексных художественных исследований, заслуженный деятель искусств России, основатель научной школы, лауреат премии им. Д. Д. Шостаковича. Автор более 700 научных публикаций, свыше 140 книг и брошюр.

Демченко Галина Юрьевна – преподаватель Саратовского областного колледжа искусств, лауреат Международных конкурсов, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Центра комплексных художественных исследований, член Союза композиторов России. Автор около 100 научных публикаций.

(1807), где ныне располагается областной колледж искусств. Увлекательно рассказывают авторы о строительстве учебных корпусов Саратовского Императорского Николаевского университета (ныне Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского) с начала XX века по начало XXI века и здания Крытого рынка – замечательного образца столичной архитектуры в Саратове, 100-летие со дня открытия которого широко отмечалось в областном центре в ноябре 2016 года.

Обстоятельно раскрыта в книге деятельность выдающихся архитекторов Саратова, и прежде всего – Алексея Марковича Салько, внесшего, как убеждают нас авторы, самый весомый вклад в формирование архитектурного облика города, Петра Митрофановича Зыбина, Василия Алексеевича Люкшина, Семёна Акимовича Каллистратова; архитекторов немецкого происхождения – Карла Людвиговича Мюфке, Фёдора (Франца) Иосифовича Шехтеля, Александра-Эдуарда Юльевича Ягна, Карла Васильевича Тидена, Христиана Ивановича Лоссе, под влиянием зодчества которых *«немецкая готика стала важнейшим стилеобразующим компонентом архитектуры Саратова, и неслучайно символом города сегодня является здание консерватории»*.

Считаю необходимым отметить, что рассказу об архитекторах немецкого происхождения предшествует яркий рассказ о вкладе немцев Поволжья в экономику и художественную культуру области.

Отмечу и то, что практически все наиболее примечательные архитектурные памятники Саратова представлены в этой книге обстоятельно, с описанием работы выдающихся деятелей, создающих неповторимый индивидуальный стиль того или иного сооружения. Кроме того, дана ёмкая характеристика саратовского градостроения самого последнего периода. Так что, одолев эту книгу, читатель получит полное представление об архитектуре родного города.

Столь же свободно и непринуждённо, со знанием дела размышляют авторы и о других видах искусства Саратова.

Возьмём для примера литературное творчество. В посвящённом ему очерке отсчёт искусства словесности, связанного с землёй саратовской, авторы ведут со второй половины XVIII века, с трудов священников Герасима Скопина и его сына Николая, а в дальнейшем, с начала XIX века они называют имена архиепископа Платона, епископов Амвросия и Иакова, протоиерея Александра Никольского и других.

Далее авторы отмечают, что с середины XIX столетия всё основное в литературном процессе делается усилиями свет-

ских писателей: братьев Сергея и Михаила Голицыных, Андрея Леопольдова, Степана Шевырёва, Алексея Будищева.

Дальнейший путь литературы, имевшей саратовские корни, авторы рассматривают на примере творчества наиболее значительных писателей, таких как Александр Николаевич Радищев, Николай Гаврилович Чернышевский, поэт Михаил Алексеевич Кузмин, прозаики Константин Александрович Федин, Фёдор Васильевич Гладков, Лев Абрамович Кассиль, Александр Альфредович Бек, прозаик и поэт Константин Михайлович Симонов, поэт Сергей Сергеевич Наровчатов. Не знаю, почему, но из этой славной «обоймы» выпало несколько крупных литературных имён, без которых путь саратовской литературы будет неполным. Это прежде всего прозаики Алексей Николаевич Толстой, Григорий Иванович Коновалов, поэты Исай Григорьевич Тобольский, Николай Егорович Палькин, Олег Николаевич Молотков.

Вместе с тем творчество писателей, вошедших, так сказать, в литературный ряд авторов книги, представлено свежо и оригинально, отдельные наиболее значительные произведения писателей рассмотрены исследователями, уверенно владеющими методикой литературоведческого анализа. На меня, например, сильное впечатление произвёл анализ таких произведений, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, поэтического наследия поэта «серебряного века» русской поэзии М.А. Кузмина, романа К.А. Фекина «Города и годы», дилогии Л.А. Кассиля «Конduit» и «Швамбрания», военной лирики К.М. Симонова 1941 года.

Как я уже отмечал, наиболее полно и всесторонне представлена в очерках музыкальная история Саратовского края. Но кому и этого покажется мало, рекомендую вторую книгу этих авторов, которую они подготовили к печати и выпустили почти одновременно с рецензируемой в том же книгоиздательском центре Саратова. Но высказаться по поводу этого монографического исследования, на мой взгляд, следовало бы прежде всего профессионалам-музыковедам. Что же касается автора этих строк, то он находит эту книгу просто превосходной. Одно меня огорчило: слишком скупо рассказано об истории и современном состоянии Саратовского театра оперетты, которому в 2018 году исполнится полвека. Ну что же, у этих потрясающих неутомимых исследователей, у студентов музыковедческого отделения Саратовской консерватории ещё есть в запасе полгода-год, чтобы к юбилею театра оперетты ликвидировать этот пробел.

Елизавета
ДАНИЛОВА

«Художник должен впитывать только впечатления...»

Удин Я. Запах айвы. Саратов: Саратовский писатель, 2007. — 376 с.

Вообще-то удивительно, что рецензий на книги Я. Удина я не встречала в печати, не читала откликов. Скорее всего, их и не было. В интернете есть информация о книгах и творческих вечерах. Есть публикации в толстых литературных журналах. А вот отзывы, по-видимому, никто не писал. Может быть, оттого, что этот сборник не для тех, кто любит сюжетные рассказы, обычную, традиционную прозу, что она требует не обычного, не традиционного её восприятия, и оттого, что в этих «затравках-зарисовках» гораздо больше поэзии и живописи. Возможно, так.

Вот потому-то, чтобы заполнить этот пробел, я и взялась за рецензию — несмотря даже на то, что книга вышла 10 лет назад. Просто автор подарил мне её недавно. И, кроме того, сборник этот стоил — и, безусловно, стоит — того, чтобы написать о нём.

Во-первых, она выдержана в оригинальном жанре. Читать её можно с начала, с конца и с середины. Но это не значит, что книга скомпонована небрежно. От современности автор переходит к воспоминаниям о своей родине и потом, после этого, снова возвращается к себе, к осмыслению себя. Сознательно открытым остаётся и финал книги. «Была ночь. Я стоял на горе. В тишине и одиночестве. Лёгкий ветерок веял мне в лицо. Внизу стлался огромный город. В этом городе я прожил почти тридцать лет. Но я думал не о городе. Я вспоминал малую свою родину. Однажды я так же стоял там — стоял под громадным ореховым деревом. Сухой ядрёной осенью. Такая же была ночь. Так же веял ветерок. Перед тем я повздорил с братом — выбежал из дома и, остывая после горячей стычки, жадно курил под орешинкой. Не помню из-за чего сцепились с братом, но запомнил, что мне хотелось вернуться в дом и всё без обиняков выложить брату. Что именно — тоже запомнато-

вал. Но был крайне раздосадован и раздражён и всё курил, собираясь с духом, но тут с дерева упал орех — тук, потом второй — тук, потом третий — тук, и этими тремя точками оставим книгу открытой: пусть всяк завершит её на свой лад».

Нельзя назвать «Запах айвы» «записной книжкой», содержащей лишь разрозненные размышления и зарисовки, хотя, впрочем, с первого взгляда так и кажется, что чередуются картины жизни на родине, зарисовки из городской жизни, портреты, бытовые картинки. Скорее это проза в абсолютно свободной форме (не зря автор вспоминает «мовизм» Валентина Катаева, «Траву забвения», «Алмазный мой венец»).

«То, что делаю сейчас этими записями, во многом и есть чистый импрессионизм», — пишет Я. Удин, перенося живописный термин на своё творчество. Постепенно отрывки начинают складываться во что-то целое, как в живописи художника-импрессиониста, но для того, чтобы понять это, нужно «отойти» на некоторое расстояние, прочитать всю книгу.

Пожалуй, что из каждой «затравки» (как Я. Удин сам называет написанное им) мог бы вырасти короткий, но сюжетный рассказ, но тогда бы не было в таком рассказе психологической концентрации, напряжённости мысли, это было бы вино, разбавленное водой. Одним ударом (штрихом) намечается характер, точнее, тип.

«Какой интересный тип! Как он разговаривает: и всё-то у него самое лучшее, самое красивое, дорогое, удобное, прочное. Назови что угодно, купи что угодно, даже нарочно купи точно такое же, что и он купил, всё равно он в своём найдёт больше достоинств...»

Довольно часто пишет автор о людях отрицательно, отыскивает странную, смешную черту, характеризующую человека.

Положительные качества в людях вызывают в нём удивление. Но не всегда так. Скорее ищет в жизни что-то парадоксальное, что было бы именно его, авторским, неповторимым – тем, чего никто не замечал до него и не видел.

Позже в книге я нашла ещё одно объяснение, почему Я. Удин зачастую рисует странных, мягко говоря, не очень симпатичных персонажей.

«Навряд ли человек может быть привлекателен, если в нём нет резко негативного. Если человек не совершает нелепых поступков, если он не творит зла в своём естественном стремлении к чистоте и правде, творит исподволь, сам того не желая, не подозревая даже, то и красоту его, широту его души, многозвучность его сокровенных – скажем условно – мыслей и чувств невозможно не чувствовать...»

Вот так...

Парадокс в том, что от жизни ждёт светлого и чистого – а в реальности (при своей наблюдательности) сталкивается часто с противными, грязными вещами. Или противоречивыми, многомерными. Его это поражает, потому это и записывает. Но из подобных противоречий складываются индивидуальность стиля и индивидуальность восприятия.

В книге много вкусового. Но в этом субъективном вкусовом есть вкус.

«Я не люблю слово «разумеется». Нет, я довольно часто произношу его и никаких чувств не испытываю, когда произношу, но вот писать, запечатлеть его на бумаге, а пуще того – отпечатать на машинке, – противно. Оно похоже на змею. Оно скользко. Гадко. Мерзко.»

Кстати, на свете много слов, к написанию и звучанию которых я отношусь по-разному. Немало тут зависит от графики письма. Но есть слова сами по себе омерзительные, одно упоминание их бросает меня в жар. И это сугубо личное. К тем же словам другие люди – я заметил – относятся по-другому.

А есть ещё слова приятные. Скажем, мне определённо нравится слово «сад». То, как оно звучит, как пишется: гласная посерединке и две согласные по бокам. Прелесть!»

Есть некоторая заикленность на себе, вполне дневниковая рефлексия. Это не самолюбование. Совсем другое. Постоянные сомнения в себе. Постоянное «не знаю». И эта рефлексия, наверное, и есть самое лучшее в книге.

«Я же вечно хочу перекрыть эту жизнь под себя. Я не свободен, прежде всего, от самого себя. И как следствие –

ни от чего. Всё меня трогает, задевает, раздражает. Я не могу быть хладнокровным. Сплошные рефлексии. Я, кажется, ни дня не прожил обдуманно, с холодным расчётом. Одни переживания. Эмоции. Боль. Обиды. Мечты. Разочарования. Ничего от головы, от рассудка. Хорошо ли?..»

Бойся враждебности мира: «...вдруг ты увидел этот законный мир огромным и холодным, враждебным...» При этом изумительно пишет природу, особенно природу своей малой родины. Её не боится, как людей, – и любит. Любая картина, даже простенькая, лаконичная, пронизана любовью.

«На моей малой родине все речки с чёрной водой. Небо не отражается в них. Все они текут в сплошной тени деревьев.»

Существует такая мысль, что, верно, для писательства нужна какая-то потеря. Или одиночество. Или обособленность. И это нормально, хотя и печально.

«Моя ностальгия уникальна. Если бы на свете было ещё одно точно такое же село, как наше, с тем же климатом, с той же природой, с тем же ландшафтом, словом, со всем тем, что есть моё родное село, включая и самих удинов со всеми присущими им достоинствами и недостатками и с языком удинским, то есть, если бы на свете существовало ещё одно удинское село и туда я имел доступ, то не так страдал бы. Скажем, русский или армянин, утратив свою малую родину, переживает не так, как я, ибо есть другие такие же русские или армянские сёла. Мой случай страшен своей единственностью...»

Автор пишет об осознании собственной индивидуальности:

«Я не такой, как все, и это можно сделать литературой.»

С точки зрения художника – это совершенно чёткое определение своей предназначённости. Впрочем, можно «сделать литературу», и отталкиваясь от «такого, как все», только это труднее.

Но Я. Удин взялся записывать вещи парадоксальные, и совершенно сознательно – мысли небесспорные, иначе бы, по его определению, и записывать не стоило бы.

Но всё-таки отмечу хотя бы две, на мой взгляд, бесспорные афористичные фразы:

«Главная тема литературы – это проблема человеческого сердца...» и «...художник должен впитывать только впечатления.»

С этими высказываниями трудно спорить. Вот именно такими – точными, яркими – формулировками эта книга и привлекает читателя, даже несмотря на множество спорных суждений.

**Василий
КУРЫШОВ**

ЗАПИСКИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Окончание.
Начало в №№ 9–10, 11–12 2016,
№№ 1–2 2017

1947 ГОД

1 января. Первый день нового, 1947 года. Пока что он у меня проходит не лучше обычного серенького дня прошлых лет. Если верить старой примете, и весь год подобен будет этому дню.

Вчера вечером убираюсь по хозяйству, иду с водой, вижу: какой-то военный прошёл к нам. Через некоторое время Р. Г. (жена отца) говорит, что же это я не иду, ведь товарищ пришёл. Войдя в избу, я с интересом посмотрел на военного, лейтенанта технических войск. Это, оказывается, Ванюшка Малышев, когда-то со мной учился с 4 по 7-й или 8-й класс. Некоторое время посидели, побеседовали, вспомнили прошлое. Он служит в железнодорожных войсках, находится сейчас в отпуску, сюда приехал с женой и дочкой. Снова в который раз пришлось слышать вопрос: «Ты ещё не женат?» Да, все мои сверстники, насколько мне известно, или женились, или вышли замуж. А мне вот уже скоро 28 лет, а я всё ещё молодой человек.

13 января. Все разошлись, и захотелось поделиться мыслями с дневником. Потому что такая пустота в душе, апатия во всём и ко всему. Нет цели в жизни, а отсюда отсутствие интереса к ней, нет занятия, которое бы могло меня увлечь. А наличие заинтересованности в жизни, мне кажется, является основным условием, чтобы человек не был живым трупом. Вот этой-то живительной струи в жизни у меня и нет. С работой я не связан, кроме как по хозяйству, семьи у меня тоже нет, не считая, конечно, отца, который и без меня может жить. А жить для самого себя и собой слишком мало интереса.

Моя жизнь не то чтобы подобна жизни улитки, но я бы сказал – хуже.

...Витя (сын отца). 4 месяца 4 года ему. Сейчас он говорит все слова с их действительным произношением, искажая лишь некоторые трудные слова. Вообще мне кажется, я в его возрасте был более глуп, менее толков и развит. Витя же растёт неглупым мальчиком, разумным. Очень любопытен – лезет везде и всюду с живейшим интересом. Любит смотреть книги, особенно когда старшие разъясняют ему значение картинок. Зачастую капризен, упрям. Любит игрушки, но часто их ломает. С осени у него появилась привычка говорить и делать обратное тому, что скажут ему другие, сходная с непослушанием.

22 января. Вообще-то я привык к Витьке и даже полюбил его. Хороший мальчуган. Привык я и к Р.Г. Теперь она для меня близкий человек. Есть, конечно, и у неё свои нехорошие стороны, но ведь не найдёшь человека без недостатков.

29 января. Утром встаю в 7 часов, готовлю пищу, кормлю кур, коров и кроликов, убираю в избе и во дворе. Зачастую приходится строгать кожи или выполнять другие операции по её обработке. К вечеру – топить печь, снова поить телёнка, кормить кур и тому подобное. Правда, со всем я справляюсь успешно, но уже надоело работать за Р.Г. и за себя, пока она в отъезде.

А ведь зачастую приходится видеть, как мало мужчины ценят женский труд, труд домохозяйки. Следовало бы таких мужчин заставить с недельку выполнять женскую работу, чтобы они научились её ценить. Она, правда, не тяжёлая, но слишком хлопотливая и суетливая.

31 января. Вчера приехали Р.Г. с Витей и Е.М. (бабушкой). Всё благополучно, зря мы только беспокоились.

2 марта. 25 февраля приехал брат Р.Г. – Володя, с женой и дочкой. До тепла решили прожить у нас, так как в их доме живут квартиранты, да к тому же и им у нас значительно легче прожить: не нужно доставать ни продуктов питания, ни дров. Дров же у нас хватит, а больше с ними не израсходуем. Продуктов недостаточно (картофеля до лета не хватит), но всем вместе легче будет выкручиваться. Хоть и тесно у нас, но проживём.

27 марта. 16 марта вставил в Балтае зубы (три коренных зуба и три коронки – 600 рублей).

Горбуновы сели нам на шею: своего у них ничего нет из продуктов питания, купить тоже не на что ни у нас, ни у них. Но я ничего не имею против них, без нас положение у них было бы почти катастрофическое, и на первых порах их нужно поддерживать.

Недавно у нас с Тамусей возникла переписка. Я этому рад: мне нравится эта хоть и молодая ещё девушка, но умная и деловая.

19 марта отец купил у соседа конюшню за 2000 рублей. Своя у нас разваливается.

Вчера мне из института кормов прислали 10 граммов семян капусты – мозговой синей. Попробую в этом году посадить и вырастить сколько-нибудь экземпляров. Посмотрю, может, что дельное выйдет.

15 мая. 13 мая наконец-то Горбуновы перешли от нас к себе в дом. Так они всем нам надоели, что даже противны стали. Абсолютно почти ничего не делали, особенно Валя (Володя хоть изредка за водой ходил), но, главное, всё время жили за наш счёт, ни рубля

своего не израсходовали, даже спичек не могли напасть. В результате эти гости обошлись нам в корову. Продали её, хотели купить другую, получше, но жить же надо было на что-то – и семи тысяч как не бывало. Это лишний раз подтверждает моё мнение, что хуже всего иметь дело с роднёй.

15 июня. Жизнь становится с каждым днём всё тяжелее. Зимние запасы продуктов истощились, а на базарном жить тяжело. Всё при Горбуновых проели, от них остался долг за сено в 1600 рублей. Сейчас то, что выручаешь на кожах, идёт в выплату долгов.

Живём в основном на хлебе да на молоке. Хлеб дают знакомые продавцы в долг. Прошлую неделю взяли картофель полпуда, так съели его за три дня. На базаре картофель 200–215 рублей за пуд.

Мы ещё как будто ничего живём, другие значительно хуже перебиваются. Каждый думает: лишь бы дотянуть до огурцов, до новой картошки.

С надеждами на урожай начинают наши поговаривать о моей женитьбе: урожай будет – можно будет осенью и жениться. Со своей стороны я теперь тоже пришёл к заключению, что нужно обзаводиться своей семьёй. Вопрос упирается лишь в опасенье: не попасть бы впросак с женитьбой-то. Из всех знакомых я больше всех расположен к Тамусе Кузнецовой, но беда в том, что она на 10 лет моложе меня, да притом ещё учится.

5 июля. Невольно возникли опасения в отношении урожая. Повысились цены на картофель (до 250 рублей за пуд), муку (1000 рублей размолотой пшеничной), хлеб (60 рублей килограмм). Молоко 10 рублей литр. Да, в войну жили значительно лучше, чем сейчас. Долги и государству налоги остаются неизменно за нами. Это тяготит хуже недоедания.

3 августа. Пробежал глазами написанное выше. Ко всем бедам прибавилось ещё: масло 2,300 кг сдали с опозданием – штраф 370 рублей; дня три тому назад нас накрыли из райфо, пришлось дать взятку – материал на сапоги, и кто знает, что придётся ещё дать: лиса может повадиться в курятник.

Сейчас полегче стало жить: картошки скоро будет, сколько требуется на еду. Зерно стало значительно дешевле, хлеб держится в цене 40–50 рублей. Появились огурцы, морковь, горох.

Приближающаяся осень должна решить мою участь. Я думаю поступить на работу в какой-нибудь колхоз, ведь отец с Р.Г. справляются по хозяйству уже безо всякого напряжения.

За лето я исправил погреб, на позапрошлой неделе поставили конюшню. Теперь я могу считать себя свободным. Однажды я ходил в сельхозотдел в отношении работы. Мне заведующий сказал, что можно будет устроиться только в качестве агронома какого-нибудь крупного колхоза. Это может мне подойти. Но я лучше пойду работать на производство или в колхоз, предварительно женившись, вдвоём легче жилось бы. Но боюсь, что от моих мечтаний при столкновении с действительностью ничего не останется, они лопнут как мыльный пузырь.

28 августа. Рано утром сегодня проводил Тамусю, гостившую у нас с 22 августа. Разыгрывать любовные отношения между нами я считаю крайне лишним, потому что они ничего конкретного дать не могут, от них останется лишь пустая, хотя и красивая скорлупа. Кроме того, увлечь Тамусю в любовный водоворот мне кажется низостью. Она совсем молодая, может по неопытности увлечься. Не хочу обманывать человека. Так лучше будет для нас обоих.

29 августа. У меня в этом году зачастую происходят раздоры с отцом и Р.Г. Мне не нравятся некоторые стороны их жизни: пьянка и раздаривание вещей чужим.

22 сентября. Мне очень советуют жениться на нашей дальней родне – Тане Заречневой, троюродной сестре, живущей в Садовке. В Садовке я был, и Таня произвела на меня неблагоприятное впечатление со стороны внешности, со стороны практичности – напротив. Живут они не в пример деревенским – чисто, аккуратно, в достатке.

9 октября. Нет, Таня не нравится мне. У неё грубоватый, мужской разговор и тяжёлая поступь. Но мы сидим с ней допоздна и болтаем о пустяках. Вечером в воскресенье я написал на бумажке и подал Тане: «Ну как, не разочаровываю я вас в своих ожиданиях по отношению ко мне? Я согласен. В отношении времени – пока что рано. Твоё мнение обо всём об этом?». Очень старалась скрыть улыбку, притворилась непонимающей. Тогда я написал ей более прямо: «К чему кривить душой? Ты знаешь о целях твоей матери по отношению к нам обоим. Что ты об этом думаешь?» «Теперь я понимаю», – отвечала она. В отношении срока она предоставила право мне его установить.

Моё мнение было: мы должны пожениться не раньше будущей недели и не позднее последующей. Окончательно можно будет договориться в письмах. Она настаивает на договорённости сейчас же, чтобы можно было подготовиться к этому делу. О свадьбе у меня сложилось представление, что достаточно будет собраться наиболее близким людям, выпить, закусить, да с этим и делу конец. Поэтому я недоумевал, какие особенно могут быть приготовления к «этому». Только потом понял, что если справлять свадьбу как у них принято, то действительно нужно к ней готовиться. Всё же Таня согласилась со мной.

18 октября. Вечер. На сегодня и завтра, вернее, в ночь на завтра намечалась свадьба. Отец договорился с заведующим автоотрядом в отношении автомашины. Но вот уже почти 8 вечера, а мы всё ждём машину. Я сначала довольно спокойно относился к тому, что машина не едет. Но сейчас тревога охватила сердце за тех, кто нас ждёт, и особенно за Таню. Чего только они, небось, не передумали! В каком состоянии они, а особенно Таня, находятся сейчас? Если бы я умел ездить на велосипеде, то утром уехал бы на нём (мне отец 5 октября купил велосипед за 500 рублей). А то когда теперь попадешь туда? Всё бы ничего, но как-то они там?

23 октября. Ну, один из существенных вопросов решился: женился. Утром 19 октября за нами наконец-то приехала машина. Нам говорили, что было уже трое посыльных из Садовки. Даже тётя Дуня (крёстная отца) беспокоилась, и веру в наше прибытие уже потеряли.

А мы даже не всех пригласили на свадьбу, кого нужно было бы, так мы торопились в Садовку. Въезжаем: возле одного дома стоит группа людей. Слышим, кричат: «Едут, едут!» И почти все стоявшие побежали за нами.

Вскоре после нашего приезда стал появляться народ. Таня долго не выходила. Любопытные интересовались, проходя, кто же жених. Нина указывала на шофёра, грязного и небритого, говорила: «Вон тот».

Наконец нас позвали в комнату – идёт Таня. Начали рассаживаться. Сначала мы, карабулакские, потом начали подходить приглашённые со стороны невесты. Свадьба была неплохая, но мы с половины её ушли: надоело сидеть. Походили по улице, зашли к Таниной тётке, и там с Таниными подругами сидели довольно долго. А у Заречневых вскоре стали расходиться (в двенадцатом часу).

Рано утром в понедельник выехали и в начале девятого часа были дома. Здесь часа в два собрались наиболее близкие: Гриша с Полей, Володя с Валей, мать Анатолия тётя Саша и Евдокия Малафеевна – также немного погуляли.

Во вторник – уборка, перестановка в избе. В полдень из Балтая прибыл посыльный из РПК: там возникла крайняя необходимость в Тане. Таня не взяла (вернее, ей не дали) расчёта, т.к. начальство в это время сменилось, и директор РПК просил Таню сначала посвятить в работу. А тут ещё приехала к ним комиссия. Никто в РПК не знал дела, что и где находится, потому и потребовали Таню. К вечеру она уехала. Я с ней не поехал, потому что я измучаюсь от безделья за такое продолжительное время.

О Тане у меня сложилось неплохое мнение. Настоящие качества, конечно, узнаются потом. О прошлом же её я не собираюсь судить. Я считаю так: прошлое человека не так и важно, важны его настоящее и будущее. Наши семейные также ничего против неё не имеют. Что касается посторонних, то их мнение не имеет для меня никакого значения. Мне кажется, Таня не испытывала особой любви со стороны своей матери. Это видно хотя бы из того, что кое-что из обещанного приданого ей не дали, даже перину не положили. Я не придаю исключительного значения приданому, но считаю, что, во всяком случае, раз обещали, нужно было дать. Завтра я хочу пойти в Садовку и выяснить вопрос о приданом.

20 ноября. Месяц прошёл после свадьбы. Небольшой срок, но более канительный и беспокойный, чем всё предыдущее время.

В Садовке я неожиданно для себя прожил до 9 ноября. Приехал директор РПК, но расчёт откладывал со дня на день. Меня это очень нервировало, особенно когда Таня, уходя утром в РПК, пробыла там до вечера. Это так испортило моё настроение, что даже приход Тани не смог наладить его.

В воскресенье, 9 ноября, мы с Таней пришли пешком в Карабулак. С первого взгляда почувствовали, что от Р.Г. и даже от отца веет какой-то отчуждённостью и холодом. Объясняю им причины нашей задержки, а они словно и не слушают. После разговора с отцом он стал мягче к нам, видно, у него о нас сложилось ложное представле-

ние по подсказке Р. Г. Я до некоторой степени даже удивился Р. Г.: до чего она злой, коварный человек! Я был до сих пор о ней значительно лучшего мнения. И не могу понять, чего ей хочется? Ведь я ничего не думал и не думаю у них брать в случае ухода от них. И всё же отцу она наговаривает, что я стремлюсь всё у них взять, вплоть до булавки.

Как-то раз, подыскивая подходящую пуговицу, я увидел среди них маленькую булабочку. Показываю её Тане, говорю: «Такие булабочки были в посылках из Америки, которые мы получали после Парада Победы в Москве. Нужна ли тебе?» Таня приколотла её к платью. Р. Г. наш разговор слышала и после злорадничает, говоря отцу: «Вот, даже булавки-то собирают!»

Тане недавно отец хотел шить сапоги, так Р. Г. настояла на том, чтобы не шить. Отец даже из себя вышел, но уступил.

30 ноября. Сегодня мы с Таней расписались. 18 ноября я поступил на работу в качестве участкового агронома в Берёзовскую МТС.

К работе я стремлюсь всей душой, далеко вот только ходить в колхозы. Очень чувствительно сказались отсутствие всякого опыта в работе. Ходишь как слепой, натыкаешься то на одно, то на другое препятствие, не знаешь, как и за что взяться. Это очень неприятно чувствовать, и не хочется, чтобы люди увидели, что я ничего не понимаю в деле, за которое взялся. Но я пока не отчаиваюсь, с помощью где книг, где других лиц доискиваюсь до нужного, и, думаю, что, проработав год, я буду уже знать, за что браться. Иногда у меня портится настроение от неудач. Но дома Таня помогает мне освобождаться от ненужного груза на душе. Второй месяц мы с ней живём. Я её узнал значительно лучше, конечно. И я несколько не раскаиваюсь, что взял её. Сегодня проводил её в Садовку со знакомыми балтайскими. Ушла сняться с учёта в Балтае. Когда там были, не оформили как следует, и вот опять ей приходится идти туда. Ну, заодно побудет у своих. Как только её проводил, то словно чего-то лишился близкого, без неё словно пустота окружает какая-то.

21 декабря. Ну, я окончательно убедился, что с Р. Г. нам вместе не жить. Я после умиротворения в начале декабря думал, что она всё же поняла, что затевала скандал из-за пустяка, и уразумела, что мирно жить лучше. Но, оказалось, не тут-то было. Так она разнервничалась, подняла такую бучу, что чуть у них с отцом не дошло дело до развода.

Жить нам, конечно, вместе не придётся. Но как бы она ни поступала, до весны я не уйду, хотя жизнь с ней нас тяготит, особенно Таню.

Витя. Мальчик растёт неглупый, но избалованный. Слушается лишь мать, на отца не обращает внимания. Очень капризен (не со мной), если чего-нибудь захочет, не понимает ничего – давай! Назойлив к посторонним прохожим. Задира с малышами-товарищами. Любит из каких-либо предметов составлять геометрические фигуры. Понимает, что Таня – моя жена.

1948 ГОД

7 января. Меня назначили участковым агрономом нового участка, а именно колхоза Б.-Содомского сельсовета. Участок самый плохой в МТС, даже и сама старший агроном МТС Матушина Полина Михайловна говорила, что это самый трудный участок. Я её спросил, почему меня поставили на этот участок? Потому, говорит, что из всех агрономов МТС там не может справиться ни один, и, как посоветовал директор МТС Феоктистов, меня туда можно поставить: «Я его всё же немного знаю, думаю, что справится».

Я считаю, что из любого положения можно выйти победителем, была бы на то воля, желание, вера в своё дело и голова на плечах, по крайней мере, голова на плечах у человека, в которого поверили другие. Если я не смогу быть таким человеком, то как я смогу быть полезным другим?

14 января. Всё ещё нахожусь в Карабулаке. Были в Б. Содоме, нашли квартиру.

Я понял, что наши муки нам дать не хотят, хотя накануне отец сам навязался мне с мукой: «Возьмите вон с пуд муки-то, если там плохо с хлебом». Не то что пуд – фунта не дали. Правда, мы с Таней купили около 6 кг хлеба. Попросил из солёного чего-нибудь: капусты, помидоров – отказали. Дали только 6 вилок свежей капусты (видно, потому, что она у них гниёт в погребе) да мешок картофеля. Сегодня Тане дала одно ведро (из 6 наличных), один таз банный (из пяти), два маленьких чугунок, горшок и блюдечко. И всё это очень пренебрежительно.

27 февраля. Давно уже не брался за дневник, хотя со времени последней записи произошли значительные изменения. 25 января мы с Таней переселились в Содом, перевезли необходимые вещи, а часть вещей оставили у отца. Таким образом, произошло окончательное отделение нас от отца. Обычно родители при разделе выделяют для детей что-либо для начала их жизни, для облегчения их жизни в начальный период, не говоря уж о более существенной помощи. Какова же доля помощи, оказанная мне отцом? Не говоря о мелочах и моих вещах, многие из которых я взял со скандалом или укором (полушубок, тужурку, велосипед и некоторые другие, для меня приобретённые вещи), от родителей я получил в основном огорчение, граничащее с озлоблением, и насмешку.

Дали 17 рублей взаймы (!)

Р. Г. жадно цеплялась за всё, даже за всякую пустяковину, как-то: зубная щётка, газеты, гвозди, вилка, промокашка и т. п. Цеплялась, словно Скупой рыцарь Пушкина или Плюшкин Гоголя.

И как обидно, что отец не только не захотел мне ничем помочь хоть в первое, наиболее тяжёлое для нас время, но ещё и проводил с насмешкой над нашей непрактичностью. По его мнению, я не способен к самостоятельной жизни и всё равно без него не обойдусь, хоть он и инвалид.

Я сравниваю отношение к нам со стороны отца с Р. Г. с отношением матери к нам же. Хоть Р. Г. и охарактеризовала мать как невероятно скупую, жадную, но тёща помогает нам всем, чем только может.

Встречает очень хорошо, после того, как отелилась корова, масло и молоко даёт (даже сама приносила сюда, в Содом), дала мяса – словом, делится всем, что только есть у неё. А те хвалёные (собой) щедрые люди не могут поделиться даже пустой мелочью.

Живём мы с Таней пока в материальном плане неплохо. Хозяева очень хорошие, квартира также хорошая, отношения наши с Таней прекрасные.

2 июля. Живём мы сейчас хоть и незавидно, но всё же пообеспеченнее, чем вначале, по крайней мере, голодные мы ещё не сидели. Правда, запасов и продуктов питания (кроме картофеля) у нас нет, но к окончанию их достаём что-либо. Нам почти во всём значительную помощь оказывает мать: то мы иногда, то она принесёт или привезёт молока, творога, масла, яиц или в чём-нибудь другом поможет. Всё по мелочам, но и мелочи помогают. Из Карабулака мы, кроме как немного кожаного материала от отца, ничего не получали.

Если бы моя мать была жива, нам легче было бы жить.

С работой у меня также лучше стало.

14 августа. Сегодня, 14 августа 1948 года, у нас родилась дочь. Мы ждали на этих днях ребёнка (Таня рассчитывала на понедельник, 16 августа). Дня два тому назад она начала жаловаться на боли в верхней части желудка. Сегодня я собрался утром на работу, Таня говорит: «Недолго там задерживайся, вдруг что случится...» Я пришёл в пять часов, дедушка (Иван Яковлевич) встречает меня во дворе, протягивает руку и говорит: «Поздравляю тебя с дочкой!» Мне и верится, и нет, ведь ничего как будто особенного и не было. Вхожу в избу, Маруся (сестра Тани) сидит в задней избе с ребёнком и улыбается, Таня лежит на кровати, тоже улыбаясь. Значит действительно есть с чем поздравить!

По приметам, мы ждали мальчика (лицо Тани «испортилось» – неправильный загар лба и щёк). Но я всё равно не разочарован в ребёнке. Я считаю, первый ребёнок всё равно кто: девочка или мальчик; девочка даже лучше, как помощница матери по дому и нянька будущих детей, а мне пока что помощники не нужны.

Следующий же лучше мальчик. Думаю, что лучше всего иметь троих детей: девочку и двух мальчиков.

5 октября. Сейчас мы находимся в неопределённом положении: числимся жителями Содома, но сами от него оторвались и никуда не причалили. Дело в том, что я с 23 августа уже не работаю в МТС, да и нигде. Я со временем пришёл к убеждению, что мне здесь не работать продолжительное время. Не ко двору пришёлся всем здешним заправилам, да и самому в конце концов этот Содом опротивел своими беспорядками.

27 декабря. Сегодня вечером колю пеньки, слышу: остановилась около нас машина. Мне как-то показалось, что это к нам. Вскоре заходит в калитку мужчина и спрашивает: «Здесь Курышов живёт?» «Здесь», – говорю я, подходя к нему. Мы друг друга узнали – это наш знакомый по Карабулаку. «Мне велели передать, чтобы ты скорее ехал в Карабулак, – говорит он. – Пришли документы из Саратова: требуется агроном». Я пообещал завтра же ехать, т.е. идти в Карабу-

лак. Тем более что меня нисколько не интересует карьера, меня интересует сама работа, наиболее близко отвечающая моей давнишней мечте – работать селекционером.

1949 ГОД

27 февраля. В Карабулак выслали дубликат диплома об окончании Саратовского СХИ. До сих пор я ещё не работаю нигде, сижу у тёщи в Садовке. Я упустил место на спиртзаводе из-за желания работать на сортучастке. Документы в Саратове. Из инспектуры 19 января пришёл ответ: «Агроному Курышову В.Ф. 17 января 1949 года. На Ваше заявление инспектура может предложить Вам должность помощника заведующего Балтайским госсортучастком с окладом 700 рублей в месяц. О Вашем согласии срочно просим сообщить по адресу: г. Саратов, ул. Чапаева, 68, ком. 90. Госсортсеть. Инспектор Госсортсети по Саратовской области Ковалёв».

Я сразу в тот же день дал ответ о согласии на предлагаемую должность.

28 февраля. Вот уже почти полгода живу у тёщи в зятях. Мне вспомнилась присказка одного старика содомского: «Встретились однажды две собаки, одна из которых была очень тощая, взъерошенная. Её спрашивает другая: «Ты что, дружок, такой изнурённый?» «В зятях живу», – ответила та...» Я хоть и не уподобляю себя той несчастной собаке, но некоторое сходство в положении у нас имеется, а именно в том, что я здесь в роли работника: каждый день копаюсь с чем-нибудь, что-нибудь делаю, а всё равно зачастую тёща на меня обижается, хотя в основном и восхваляет моё трудолюбие.

Она очень разговорчива. Мне кажется, что у неё нет мыслей, которые бы она держала при себе. Нужно или не нужно это, она всегда обо всём говорит, хочешь ты это слушать или нет. А уж когда обидится, зальёт таким неудержимым потоком слов, что просто становится невтерпёж. А из себя она часто выходит, особенно вздоря с Таней (всегда по пустякам). Для неё ещё характерна непостоянность. Взгляды, утверждения, поучения у неё меняются, принимают противоположные стороны одновременно. Нет определённых правил в жизни, в поведении.

Мне хочется поскорее выбраться отсюда, в том числе и из-за тёщи: из-за того, что мне не по нутру такие люди, а также для того, чтобы оградить Таню от влияния матери, могущего вредно отразиться на нашей жизни (суеверия, недостаточная чистоплотность, особенно в пользовании посудой, беспринципность и кое-что другое).

29 марта. Из ГСУ от 21 марта пришла телеграмма следующего содержания: «Балтай Калинино Балтайского района агроном Курышов зачислен на работу сортучастка первого марта Ковалёв». Я измотался, изнервничался с этим ГСУ – 8 месяц только устраиваюсь на работу. И не только изнервничался, материально истощился, никаких уже средств нет.

30 марта. Валентина. Ей уже семь с половиной месяцев, но зуба ещё нет ни одного. С каждым днём становится всё интереснее, смыслёнее. Одно время, в феврале, когда она болела золотухой, а одно-

временно была привита и оспа, она очень сильно беспокоилась круглые сутки. Здоровая же не кричит, спокойна, но мало спит днём, никак её не уложишь спать. С ночи спит до 6 утра. Непоседа. Только бы ей играть, всё щупать, пробовать на язык. При поддержании переставляет ноги, ставя их крест-накрест.

4 апреля. Позавчера Тоня Горшенина передала слышанное в Балтае: отца арестовали, увезли в Вольск, описали все вещи, дом. Меня как громом поразила эта новость, просто ошеломила. До какого-нибудь несчастья мы не чувствуем обычно, насколько близки нам родные, порой срываем на них зло, и лишь один случай пробуждает все чувства. Я во многом был недоволен отцом после женитьбы, когда он ни в чём не хотел мне помочь и даже смеялся надо мной. Обида обжигала мне сердце при этом, но я всё же меньше всего обвинял отца. Зная его, я понимал также, что причина не в нём. Я никогда не желал зла отцу. Поэтому, как только я узнал о случившемся, мне так горько стало, так жаль отца, как никогда. И тем более жаль и досадно, что я считаю: несчастье произошло через Р.Г., этого легкомысленного человека.

15 апреля. В субботу, 9 апреля, переехали в село Калинино. Квартира – неказистый на вид домишко, скособоченный, частью раскрытый, без двора и сеней, лишь плетень огораживает место сарайчика. Внутри избы тоже не очень отраднo: отовсюду дует, окна не промазаны, глина во многих местах стен поотстала, потолок набран из сучковатых палок. Печь длинная, безобразная, пол перекороблен. Из мебели нет ничего, кроме обрезков досок.

Но всё же я остановился на этой квартире, потому что она имеет ряд преимуществ перед другими: без хозяев, небольшая, хороший огород позади двора, вода под окнами (колодец), почти в центре села. В тот же день до 12 часов ночи убирали, подмазывали, белили в комнате. За уборкой провели и следующий день.

Таня, непривычная к такой жизни, от скуки по матери, по Садовке приходит почти в отчаяние. Особенно страшит её, да и меня, обработка огородов: как мы будем их обрабатывать – ей Валя руки связывает, мне некогда. И человека своего, который согласился бы с нами жить, нет.

28 июня. Здесь, как в колхозе, так и на ГСУ, сидят жулик на жулике. Сменившийся в этом году председатель колхоза Лукьянов Василий Степанович весь колхоз развалил, колхоз, известный ранее даже в области. Сам жил, а общественное грабил. Бывшие заведующие ГСУ только способствовали уничтожению оборудования и машин. Ремонтировать же ничего и не пытались даже.

Когда я вижу такие вещи, такие дела, при которых человек старается лишь как можно больше положить себе в карман за счёт окружающих, за счёт государства, так во мне всё даже дрожит от возмущения.

30 июня. Сейчас нахожусь один – как дома, так и на участке. Один, потому что Таня с Валею ещё в воскресенье ушли в Садовку (что-то ей приспичило) пешком, с Валентиной, а всё же ушла. Не люблю женщин за эту особенность, они, наверно, сами будут стару-

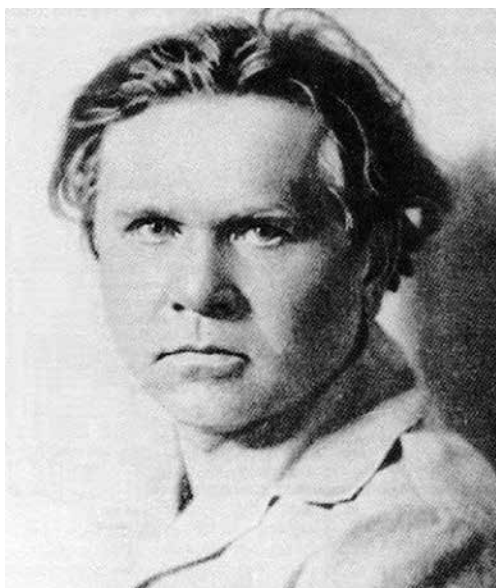

хами, но если мать жива, будут, бросив все дела, ходить то и дело к своей мамке. Вот и Таня такая. Что-то она у меня хуже стала, чем была в Содоме. Раньше с большим вниманием относилась к тому, когда ей указываешь на её недостатки, старалась исправить свои нехорошие привычки. Теперь же этого нет. Ещё хуже – появилось другое: начала курить. По этому поводу у нас был скандал, я ей заявил, что если это будет продолжаться, то мы можем расстаться. После этого незаметно было, но в последнее время я снова стал заставлять её за этим делом.

Что её заставляет заниматься этой пакостью, не знаю. Как она не хочет понять того, что все эти «мелочи» отравляют семейную жизнь, а если наберётся их побольше и они будут следовать одна за другой, то могут и совсем разладить её. Таня никак не может понять того, что мне необходимо, чтобы этих горьких мелочей семейной жизни не было. Иначе у нас ни семейная жизнь, ни служба нормально протекать не смогут.

К беспокойству на работе прибавляется беспокойство об отце. Его освободили было, оправдали, но при утверждении в Саратове прокурор не согласился с решением суда, и отца снова посадили. Сидит и теперь. Меня ни о чём не извещают. От одного карабулакского я слышал, что на отца так подействовало случившееся, что он на одно ухо оглох. А я из-за работы не могу у него бывать. Так что всё время душа болит об отце, а тут ещё отношения с Таней разладились и всё время отравляют состояние душевное...

На этом записи обрываются.

Фёдор Гладков

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Фото предоставлены Александром Демченко.

Подписано в печать 20 апреля 2017 года.

Дата выхода в свет 28 апреля 2017 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 12/20/047

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

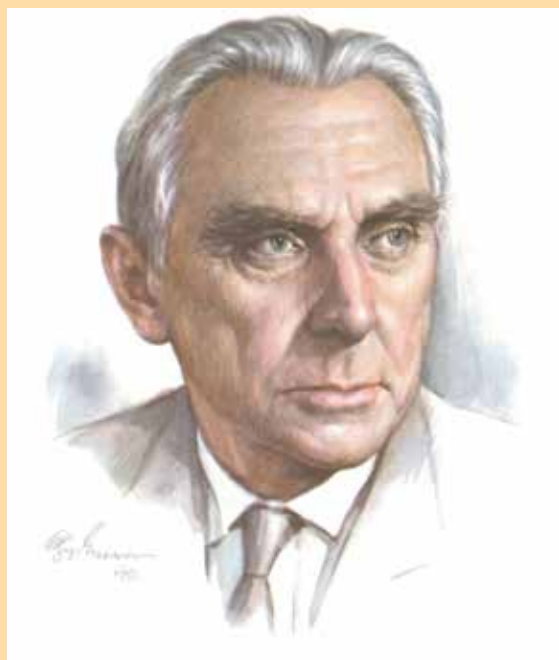

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2017.

© «Волга–XXI век», 2017.

Фёдор Гладков

Константин Федин

М. А. Кузмин.
Портрет работы К. Сомова

